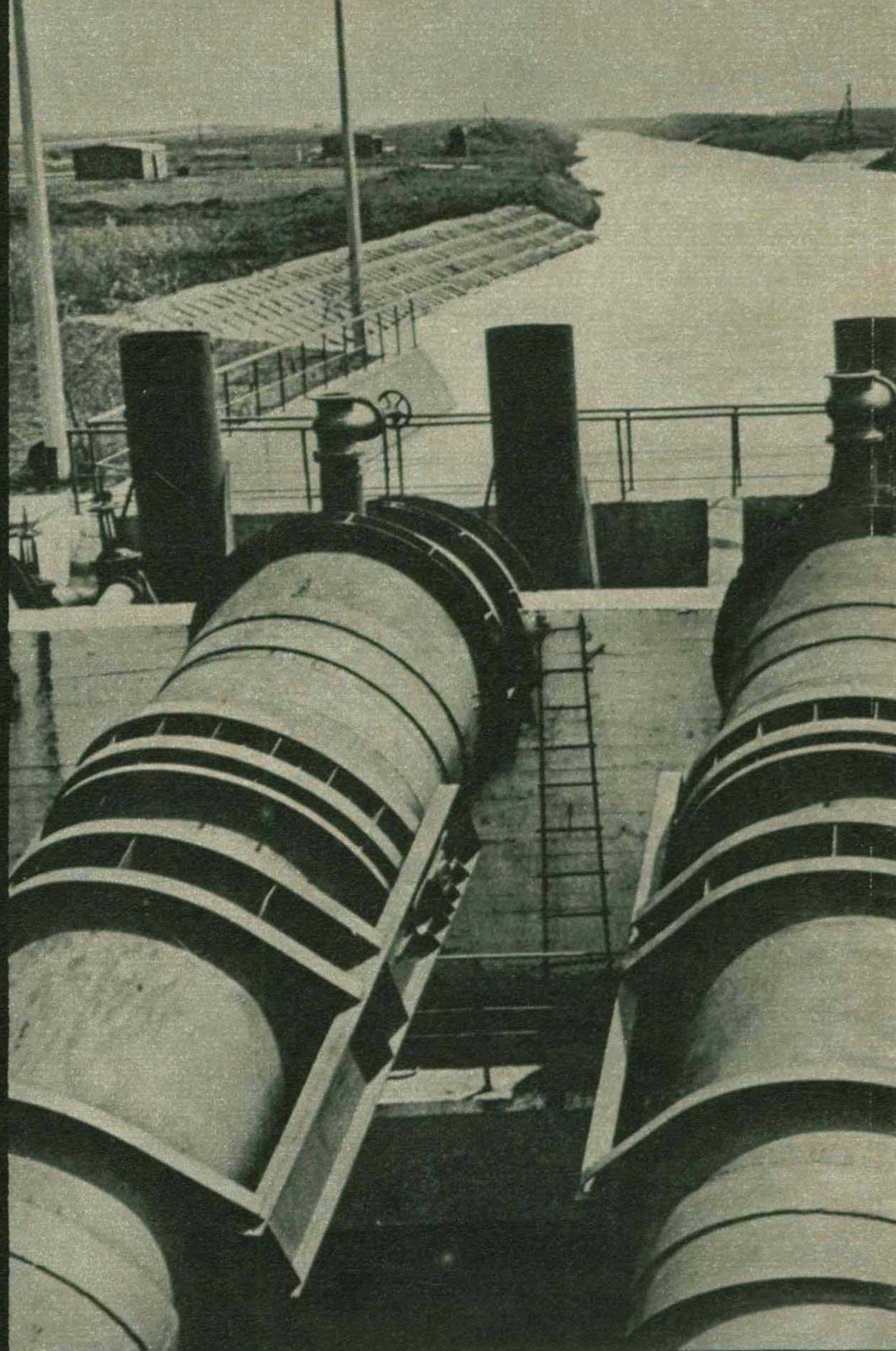
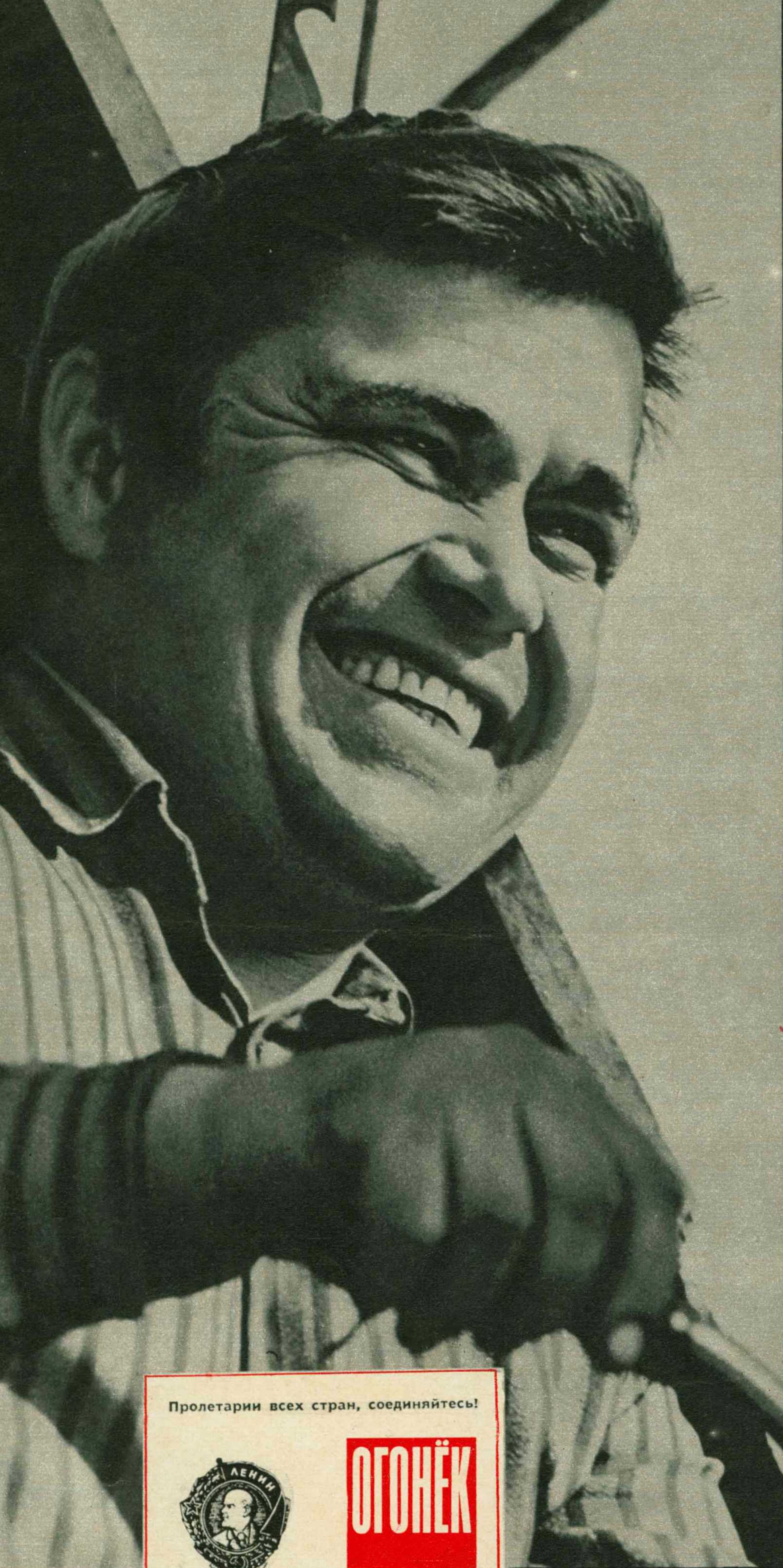

 ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАЗДА», МОСКВА

№ 20 МАЙ 1973

Насосная станция № 1 — первая десятиметровая ступень, на которую поднялась днепровская вода.

Знатный строитель Северо-Крымского канала экскаваторщик Петр Павлович Чукан.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

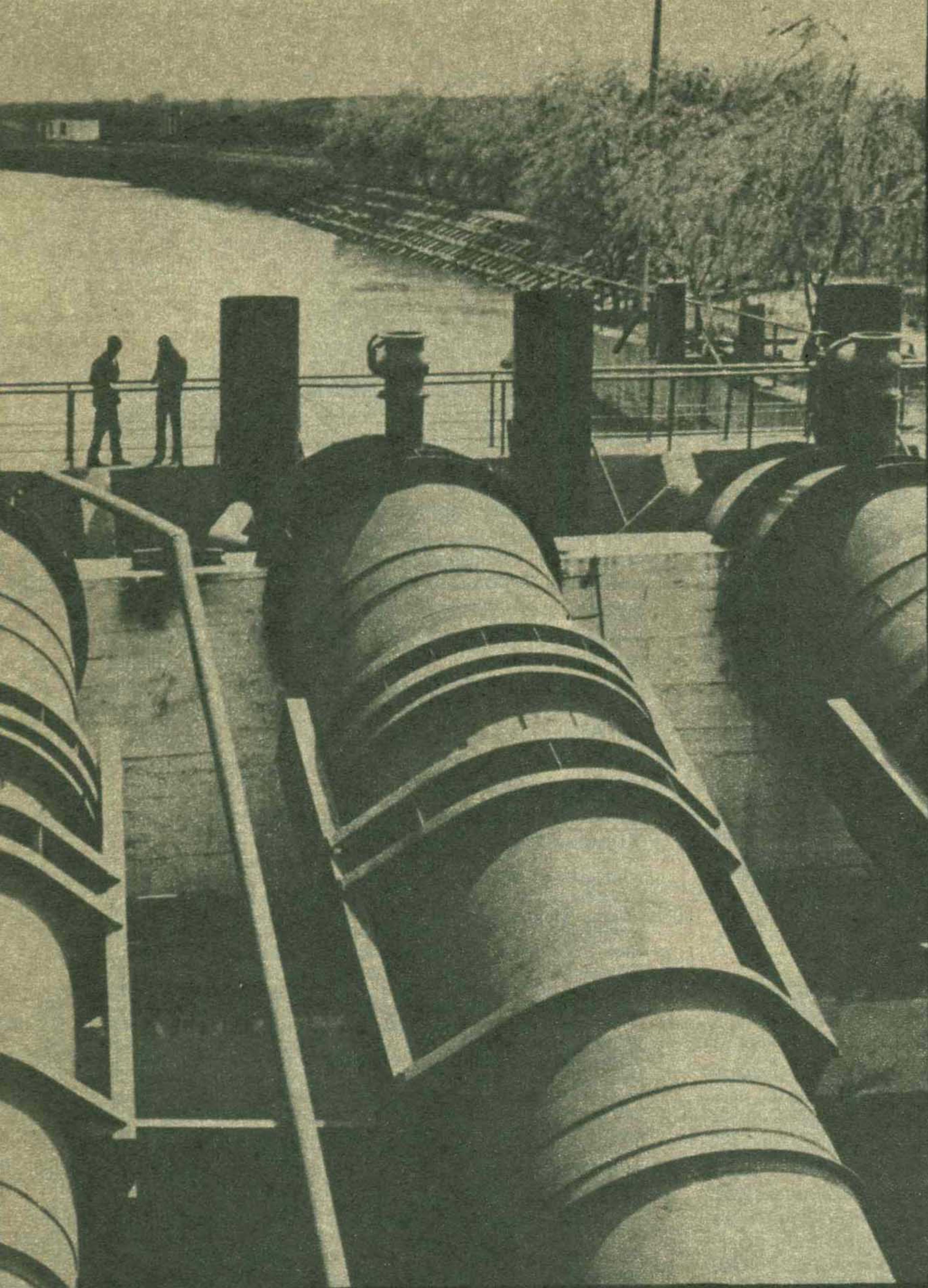
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

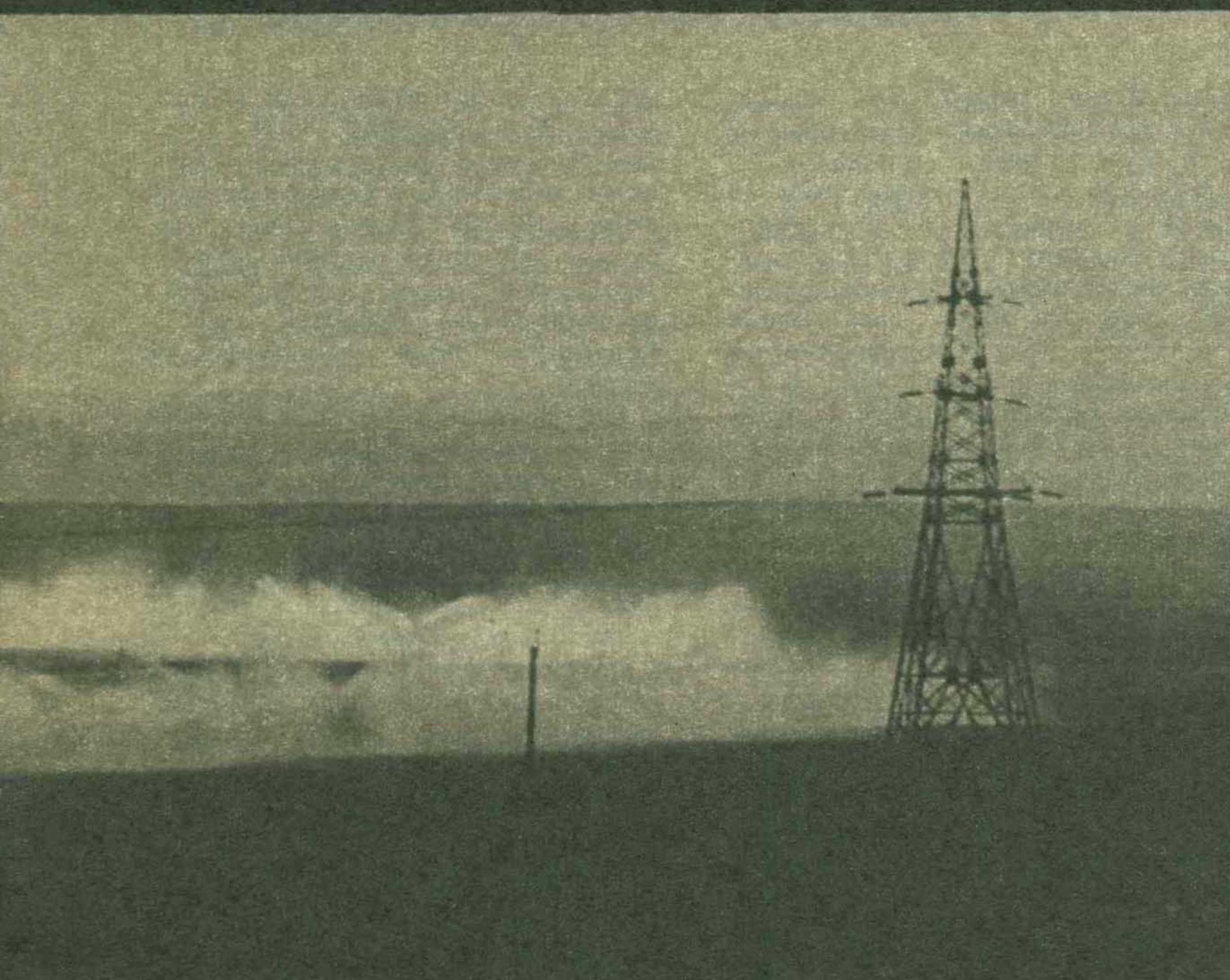
№ 20 (2393)

12 МАЯ 1973

ВИЖУ

Работают «Фрегаты», новые дождевальные установки, почти в полкилометра длиною каждая!..

Чайки над пашней — пейзаж нового Крыма.

ВОДУ!

Николай БЫКОВ
Фото Б. КУЗЬМИНА.

В Ц Е Н Т Р Е

А. СЛОНСКИЙ,
инженер Минского автозавода

Три события последних дней находятся сейчас в центре внимания: итоги апрельского Пленума ЦК КПСС, присуждение Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», Первомайская речь тов. Л. И. Брежнева на Красной площади. События эти свидетельствуют о самом важном на нынешнем этапе — об успехах нашей страны, государства, партии, успехах в деле обеспечения мирного строительства, укрепления сотрудничества между народами.

Советский народ всемерно поддерживает мирную инициативу нашей партии, подкрепляет ее своим ударным трудом. По итогам первого квартала нам присуждено первое место среди заводов автомобильной промышленности. Сейчас все мы озабочены тем, чтобы быстрее пустить в серийное производство машину «МАЗ-516».

Х. КАУР,
главный агроном опорно-показательного совхоза «Саку», Эстония

Недавно я прочел в «Правде» выступление немецкой писательницы Анны Зегерс, в котором она говорит о неразрывной связи между миром и хлебом. Это очень верно сказано. В самом деле, какая еще в мире связь может быть теплой и доброй?

У нас сейчас идет сев. Весна нынче для сева как нельзя более подходящая: прохладная, медлительная, с достаточным количеством влаги. Этим она и отличается от быстрой, сухой и жаркой весны прошлого года. Если в ту весну растения развивались быстро и непрочны, то нынче они пойдут в рост в назначенные природой нормальные сроки, распустят под землей надежную корневую систему, а то, что корень — это главная надежда стебля и колоса, разъяснять не надо, это и так каждому ясно.

И вот в дни сева, несмотря на их тревоги и

волнения, всегда праздничные для земледельца, пришло сообщение о присуждении международных премий мира. Спасибо людям, которые изо дня в день, из года в год заняты этим трудным делом — сохранением мира на нашей земле, где еще немало любителей изрядно поживиться за счет кровавых войн. Мне подумалось: вот мы сеем, косим, улучшаем землю, производим молоко и масло, словом, десятилетиями занимаемся нашим повседневным делом и отнюдь не каждый день задумываемся о том, что есть люди, которые также повседневно занимаются трудным и нередко опасным делом, тем, что называется разрядной международной напряженности, то есть созданием для всех народов условий мирного, спокойного труда. Со страниц журнала «Огонек» я хочу поздравить всех лауреатов мирного труда этой весны, но, как советский человек, в первую очередь хотел бы поблагодарить и поздравить гражданина моей страны — Леонида Ильича Брежнева за его мирную международную деятельность. Я уже говорил о том, как важна хорошая корневая система для жизни растений. Так же важны для жизни людей те глубокие корни мирного сосуществования народов, которые последовательно и прочно из года в год закладываются деятельностью Коммунистической партии Советского Союза и ее Генерального секретаря.

Н. ЧЕРНОВ,
наладчик автоматного-токарного цеха № 3 завода «Манометр», Москва

Утром Первого мая, собираясь на демонстрацию, я с глубоким удовлетворением прочитал в газете постановление Комитета по международным Ленинским премиям. Одна из премий присуждена Генеральному секретарю нашей Коммунистической партии — Леониду Ильичу Брежневу! Это — признание заслуг в деле укрепления мира всей нашей партии, всего народа и товарища Брежнева, который, возглавляя Политбюро ЦК КПСС, проделал огромную работу по обеспечению надежной безопасности всех народов планеты.

Перед тем как пройти в колонне по Крас-

ной площади, мы, представители завода «Манометр», вместе со всеми демонстрантами выслушали речь товарища Брежнева, произнесенную с трибуны Мавзолея. Трудно передать словами подъем, который охватил нас в те минуты. Май, праздник, ликующая Москва и замечательные слова о прекрасных перспективах, открывшихся перед нашей страной! Эти мгновения останутся в памяти на всю жизнь. Никогда еще, как в те минуты на Красной площади, я не чувствовал так остро свою причастность ко всем великим делам нашей страны, свою ответственность перед историей, вершителями которой являемся мы, люди труда!

В. ДЕГТЯРЕВ,
первый помощник капитана «Комсомолец Уссурийска», Владивосток

Первомайский праздник наш экипаж встречал в море, на переходе из канадского порта Ванкувер к родным берегам. Накануне Первомая мы услышали по радио постановление Пленума Центрального Комитета нашей Коммунистической партии «О международной деятельности ЦК КПСС по осуществлению решений XXIV съезда партии».

Мне, коммунисту, хорошо ясна дальновидная политика нашей партии по вопросам международных отношений. Морянку часто приходится бывать во многих странах мира, и, находясь за границей, мы видим воочию, как растет авторитет нашей Родины. Могу с уверенностью сказать, что большинство людей в разных странах с пониманием относится к усилиям СССР, направленным на укрепление международной безопасности. Первого мая, находясь в океане, мы с гордостью слушали голос Родины. Нам, морякам, особенно близки и понятны слова, сказанные Леонидом Ильичом Брежневым на Красной площади о том, что безопасность советских людей обеспечена надежнее, чем когда-либо. Порадовало нас и состоявшееся в апрельские дни присуждение Леониду Ильичу Брежневу международной Ленинской премии. Советским людям хорошо известно, какой большой вклад вносит он в дело укрепления социа-

Одиннадцать весен назад шли саперы от Армянска к Красноперекоску, медленно шли по сухой степи с миноискателями в руках. Молодые солдаты хотели пить. И степь хотела пить. Но русло для днепровской воды еще только-только рождалось. В ту весну бульдозеристы и экскаваторщики вынули на трассе Северо-Крымского канала первые крымские кубы грунта. А осенью днепровская вода беспрепятственно миновала некогда неприступный Турецкий вал и вошла в Крым. Над ней алел кумач и гремела медь оркестра. Вода торжественно поднялась на первую ступень первой насосной станции...

А минеры ушли дальше — крымская земля, все горькое Присивашье было щедро нашпиговано смертоносными сюрпризами последней войны.

— Вижу воду!

«Вижу воду!» — так встречали канал в селах Красноперекоского, Джанкойского, Ленинского районов. Так ликовал во времена географических открытий вперёдсмотрящий на корабле первооткрыватель: «Вижу землю!»

— Вижу воду! — ликует сегодня землепашец под Феодосией. Да, днепровская вода пришла в истомленную жаждой степь. И странно слышать шум рукотворного моря здесь, на Керченском полуострове, где никогда не бы-

ло воды, пресной воды, и странно видеть прибой посреди той самой степи, что зажата испокон веков двумя горько-солеными морями. Лягушки в степи появились! Было — воду людям в баржах подвозили. Феодосия получала пресную воду лишь два часа в сутки... «У моря, а не напьешься», — говорили и в Феодосии и в Керчи. В Керчи так говорят и сейчас. Вода сюда придет, еще только придет — по трубам, а не в открытую, не по каналу.

На Керченский полуостров вода пришла в минувшем, 1972 году — через десять лет после того, как хлынула она в Крым под Армянском. И снова трепал ветер кумач и гремел оркестр, снова встретились строители и колхозники, рабочие совхозов. И был митинг! Как всегда в дни побед...

В конторе ПМК-91 (передвижной механизированной колонны) ордена Трудового Красного Знамени управления «Крымканалстрой» имени комсомола Украины нам рассказали о подвиге тех, кто прошел с водой от Джанкоя до Феодосии. Ветеран войны, участник штурма Берлина, экскаваторщик Илья Филиппович Малышев стал Героем Социалистического Труда. На всей трассе известны имена скреперистов Владимира Кривенко и Григория Доценко. Почему так торжественно встречали колхозники проводников

днепровской воды? Да потому, что строители открыли ей путь на два года раньше плана.

Мы совершили путешествие во времени: ведь если у стен Феодосии еще идут работы по созданию водохранилищ и мелиоративной сети, то такая сеть давно действует в Красноперекоском и Джанкойском районах. Под Феодосией — бивачная жизнь строителей, курганы развороченной земли, а девятикубовые автоскреперы — могучие стальные жуки — набирают грунт, перетаскивают его и укладывают в тело плотины Фронтального водохранилища... На 310-м километре (вверх по каналу — значит, назад во времени!) бульдозеристы нежно, насколько это возможно, разравнивают привезенный чернозем по склонам канала: здесь озеленители днями посеют траву, посадят деревья. Такие деревья взрослыми мы увидели через день в самом верху канала, в районе первой насосной станции, где ивам, склонившимся над тихим течением, должно быть, по десять лет... Сегодняшнее путешествие вдоль трассы — это и есть срез времени, срез десятилетия, пережитого строителями и всеми, кто принял воду в Присивашье и в глубине степного Крыма: котлован, благоустройство, ирригационная инженерия...

Воду провели, чтобы утолить жажду людей. Но не только —

еще и жажду земли, садов, пшеницы. Воду провели, чтобы в сухом Крыму создать район надежного рисосеяния. Таким образом, вода в Крыму отныне стала средством производства. Как земля... Такое отношение к воде, такое понимание ее функций в этом безводном крае принципиально важно!

На сельском проселке, даже на шоссе можно встретить дорожный знак: «Внимание, корова!» Знаков «Внимание, вода!» нигде пока нет. А напрасно. С тех пор, как вода стала средством производства, к ней требуется особый подход, как к самой земле. И как к трактору. Как к дорогостоящим удобрениям и элитным семенам. Поднимаясь по трассе Северо-Крымского канала, мы видели сложные инженерные сооружения: две насосные станции, плотины пяти водохранилищ, виадуки, дюкеры, коллекторы, дренажные колодцы... Мы видели, как строители свели в одно русло две степные реки! Канал заставил перекроить степь, карты полей. Земледельцев канал превратил, можно сказать, в вододелов! Ибо мелиорация, обладание таким богатством, как вода, предполагает у земледельца, у агронома совсем иное мышление — в большей степени инженерное. Инженерия урожая, строительство урожая — сложнейшая наука! И от

ВНИМАНИЯ

лизма, в разрядку международной напряженности. Ленинская премия — заслуженная оценка большого труда, с радостью воспринятая всем советским народом, всеми людьми доброй воли.

Генри УИНСТОН,
Национальный председатель
Коммунистической партии США

Решение присудить международную Ленинскую премию мира товарищу Леониду Ильичу Брежневу доставляет большую радость как мне, так и всей нашей партии, а также, конечно, и всем сторонникам мира в Соединенных Штатах. Леонид Ильич Брежнев по праву заслужил эту премию. Он играет исключительную и ведущую роль в осуществлении процесса разрядки международной напряженности, осуществляет руководство борьбой за мир в Европе, за торжество принципов мирного сосуществования, за то, чтобы положить конец угрозе ядерной войны. Л. И. Брежнев сделал так много для дела мира, что заслуживает овации всех людей на земле. В его деятельности нашла свое выражение замечательная внешняя политика Советского Союза — как во всей своей совокупности, так и в части, касающейся поддержания международного мира, политика, которая соответствует лучшим чаяниям всего человечества.

Нью-Йорк.

Раймон МАРКЪЕ,
член президентского совета
общества «Франция — СССР»

В своей речи Первого мая на Красной площади в Москве Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул, что международное положение СССР как никогда прочное, что безопасность советских людей обеспечена надежней, чем когда-либо, что совет-

ский народ трудится во имя мира и борется за мир во имя свободного труда. Мне кажется, что все положительные перемены, которые происходят сегодня в мировой политике, объясняются именно тем, что могущество Советского Союза неизмеримо возросло. Сегодня все знают, что нельзя решать европейские или мировые проблемы без участия СССР или вопреки его интересам. Поэтому необходимо отказаться от продолжения опасной политики «холодной войны» и сделать решительный поворот к разумным совместным усилиям по укреплению мира и развитию взаимовыгодного сотрудничества.

Что касается французов, то я с полной уверенностью могу сказать, что все они приветствуют сложившиеся хорошие, дружественные отношения между нашими странами. Визит Л. И. Брежнева во Францию и его встреча с президентом Жоржем Помпиду в Заславле подтвердили взаимную заинтересованность обеих стран в дальнейшем развитии дружественных отношений.

Я искренне рад, что неутомимая деятельность Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева нашла достойное признание в присуждении ему международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Париж.

Ричард МЕРФОРД,
исполнительный директор Национального
совета американо-советской дружбы

Л. И. Брежнев внес исключительно большой вклад в дело международного мира, и в частности в улучшение отношений с Соединенными Штатами и растущее взаимопонимание между нашими двумя странами. Мы, люди, объединяющиеся вокруг Национального совета американо-советской дружбы, работали много-много лет во имя дружбы между нашими народами, и мы шлем Л. И. Брежневу наши горячие поздравления по случаю получения им столь заслуженной награды.

Нью-Йорк.

Граф фон ВЕСТФАЛЕН,
ветеран западногерманского движения
сторонников мира

Я счастлив, что мне довелось увидеть вочию, как благодаря последовательной миролюбивой политике советского руководства во главе с Леонидом Ильичом Брежневым в Европе осуществляется ныне великий поворот, которого мы ждали и за который боролись все эти долгие и нелегкие годы.

Узнав о присуждении международной Ленинской премии Генеральному секретарю ЦК КПСС, я с большим удовлетворением думаю о том вкладе, который Леонид Ильич Брежнев внес во всемирную разрядку. Мир многим обязан Леониду Ильичу Брежневу, его качествам подлинного государственного деятеля — чувством ответственности за судьбы мира, величайшей выдержке, дальновидности. Международная Ленинская премия, присужденная Леониду Ильичу Брежневу, является признанием его заслуг в осуществлении того великого поворота от «холодной войны» и опасной напряженности к разумным совместным усилиям по укреплению мира, о котором Генеральный секретарь ЦК КПСС говорил в своей первомайской речи.

Глубокое впечатление произвели на меня слова Леонида Ильича Брежнева о том, что Советский Союз призывает преодолеть кровавое прошлое Европы не для того, чтобы забыть его, а для того, чтобы оно никогда не повторилось. Мы обязаны помнить о прошлом, ибо его мрачное наследие еще не изжито, оно дает знать о себе и у нас в ФРГ, где есть еще силы, стремящиеся свести на нет достигнутые положительные сдвиги в Европе. Тем более важное значение приобретает то обстоятельство, что конструктивное развитие отношений между Советским Союзом и ФРГ стало одной из решающих предпосылок в достижении тех ясных и благородных целей, о которых сказал Первого мая Леонид Ильич Брежнев.

Мы с полным основанием называем выдающимся сторонником мира, ныне лауреата международной Ленинской премии, Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, который вносит столь большой личный вклад в претворение политики Советского Союза.

Бонн.

того, как быстро и качественно овладеют крымские рисоводы, хлеботорбы, виноградары этой новой для них наукой, зависит эффект воды. Экономический эффект канала, ставшего географической реальностью Крыма.

Мы проехали Феодосийский, Ленинский, Кировский, Советский, Нижнегорский, Джанкойский, Краснопереконский районы — и всюду увидели воду в работе! И работу воды. Даже там, где мелиоративные системы не вступили пока в строй, вода не остается без внимания совхозов и колхозов: они «подключаются» к каналу, ставя собственные насосы, и откачивают воду на свои поля! Так велико желание поскорее получить бесплатное благо, протекающее мимо полей, ферм и виноградников. Люди эти формально незаконные водопроводы образно называли «спутниками». Число их с каждой весной растет. И уже, как говорят, более тридцати тысяч гектаров орошаются «спутниками». Так вот подходить к этому явлению можно по-разному: с одной стороны, вроде бы браконьерство на канале, нарушение элементарного правила в науке инженерии урожая, а с другой стороны, вполне понятное нетерпение взять поскорее на вооружение силу воды, о коей мечтали еще прадеды — переселенцы. Можно даже сказать, хозяй-

ское похвальное нетерпение. Оценка зависит от общей и мелиоративной культуры тех, кто столь смело идет на преждевременное «подключение» к каналу. Мы видели, как местами берега канала разворочены бульдозерами, а места подключения уже заболочены...

За воду, как и за землю, колхозы и совхозы не платят. Это — великое достижение социалистического государства. Канал, его первая очередь, уже сейчас обошелся в полмиллиарда рублей, а вода крымчанам дается бесплатно. И тут важно, чтобы колхозы и совхозы не воспринимали бесплатную воду как манну небесную. Опасность же такого восприятия есть. Дело в том, что воды много, эффект от нее в Крыму заметный, но есть и «но»... Инженерия урожая предполагает с вводом в строй мелиоративной системы определенный эффект отдачи. Проще говоря, там, куда пришла вода, урожай должны стать выше — они должны достигнуть определенного уровня. И обрести устойчивость, то есть в любой год не опускаться ниже плановых. Есть такая заданная проектная урожайность и в районе влияния Северо-Крымского канала. Можно сказать, что довольно высокие отметки урожайности выдерживаются. Продуктивность орошаемого гектара повысилась. Урожай озимой пшеницы без

полива был низок, а уже в 1966 году он составил на поливе почти 39 центнеров, в 1970 году — почти 48 центнеров, в прошлом, очень неблагоприятном году — более 38 центнеров! Риса в Крыму вовсе не было, а теперь это район активного рисосеяния. Крымские рисоводы заняли первое место в стране по урожайности рисовых чек (и, кажется, третье место в мире!). Так вот проектная урожайность риса — 50 центнеров с гектара, а в 1972 году крымчане получили уже по 57 центнеров! Поливной гектар дает в среднем больше и зеленой массы кукурузы, и корнеплодов, и сена... В среднем!.. И тут начинаются «но». С вводом в оборот новых поливаемых площадей урожайность их растет не так быстро, как проектировалось. Озимая пшеница, например, дает ежегодно до полутора центнеров прибавки, но это в Джанкойском и Краснопереконском районах. Там, где с водой научились обращаться. Где уже несколько лет как построены мелиоративные системы. А вот в Первомайском районе, например, урожай и пшеницы и кукурузы за последние два года ниже, чем они были в годы предыдущей пятилетки. То же самое и в Раздольненском районе — пшеницы с гектара стали собирать меньше, чем в минувшую пятилетку, хотя воду здесь используют уже лет восемь...

Короче говоря, пока примерно лишь третий гектар отозвался на благо, дарованное каналом, а на двух из трех орошаемых гектаров проектной урожайности пока еще не достигли, нет... И думается, что виновата не вода, а люди. Не во всех хозяйствах готовы были принять воду. Радовались-то во всех! А вот наукой строительства урожая овладеть оказалось не просто. И овладевают медленнее, чем хотелось бы, чем это диктуется приходом воды, ее экономикой.

И тем не менее орошаемые земли в Крыму уже сейчас дают более 90 процентов всех крымских овощей и картофеля, более 80 процентов всех многолетних трав, 75 процентов кормовых корнеплодов, почти 80 процентов фруктов. И весь рис — сто процентов! Большая победа. Хотя надо бы агрономам, гидротехникам, каждому поливальщику в Северном Крыму знать и о том, что пока еще нет ни одного гектара овощей и кукурузы с достигнутой проектной урожайностью. Да и пшеницы на поливе в среднем надо бы уже намачивать никак не менее 45 центнеров с гектара. Тогда резко возрастет и эффект воды!

Продолжение
см. на стр. 32.

ВЕСНА

НАДЕЖДЫ

Николай ПАСТУХОВ

Официальное сообщение о том, что Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев нанесет визит в ФРГ с 18 по 22 мая, стало одним из центральных событий современных международных отношений.

Это и понятно, ибо предстоящие переговоры в Бонне знаменуют собой новый важный этап не только в развитии двусторонних отношений между СССР и ФРГ, но и в дальнейшем оздоровлении политического климата на европейском континенте.

Советская Программа мира, успехи которой были достойно оценены апрельским Пленумом ЦК КПСС, большое внимание уделяет Европе, дважды на протяжении нашего столетия бывшей очагом мировой войны. Всем хорошо памятный визит Леонида Ильича Брежнева осенью 1971 года во Францию рассматривается мировой общественностью как событие исторической важности. Он стимулировал укрепление сотрудничества СССР со странами иной социальной системы на принципах мирного сосуществования и положил начало процессу разрядки напряженности в Европе. Выступая Первого мая на Красной площади, Леонид Ильич Брежнев отметил:

«Политика Советского Союза в Европе, как и в других частях света, это прежде всего политика мира. Этим определяется как развитие наших отношений и с Францией, и с Федеративной Республикой Германии, и с другими европейскими государствами, так и наша активная деятельность по подготовке общеевропейского совещания».

Не случайно, что предстоящая поездка Л. И. Брежнева в Федеративную Республику Германии знаменует завершение целого этапа во взаимоотношениях между СССР и ФРГ. Ведь на протяжении долгих лет «холодной войны» боннские реваншисты и милитаристы пытались сделать ФРГ наследницей той страны, которая развязала вторую мировую войну. Но, к счастью, в Федеративной Республике Германии нашлись реалистически мыслящие политические силы, которые по-иному взглянули на Европу и на дальнейшее развитие отношений с СССР и другими странами социалистического содружества. Выступая на съезде СДПГ в Ганновере, канцлер ФРГ В. Брандт подчеркнул: «Мы заявили народам Восточной Европы и их правительствам, что не собираемся задним числом путем пересмотра истории выигрывать начатую и проигранную Гитлером войну, что мы, напротив, готовы сделать суровые и далеко идущие выводы из этого. Только таким образом мы нашли путь вперед, к новой внешней политике на основе обеспечения мира».

Важное значение имела первая встреча в верхах между Л. И. Брежневым и В. Брандтом, состоявшаяся в Ореанде в сентябре 1971 года. Сейчас можно с уверенностью сказать, что крымские беседы внесли большой вклад в позитивное развитие двусторонних отношений между нашими странами и полностью оправдали те надежды, которые на них возлагала европейская и вся мировая общественность.

Между СССР и ФРГ был заключен договор, который на основе признания послевоенных реальностей положил начало процессу разрядки напряженности в Европе. Аналогичный договор был заключен между ПНР и ФРГ, вступило в силу четырехстороннее соглашение по Западному Берлину. Недавно Комиссия по иностранным делам бундестага предложила ратифицировать Договор об основах отношений между ГДР и ФРГ. Успешно завершён предварительный диалог между представителями ЧССР и ФРГ, которые рекомендовали своим правительствам начать официальные переговоры о заключении договора между двумя странами.

Все это свидетельствует, что в Европе начался серьезный процесс оздоровления обстановки и что наступило время перевести этот процесс с двусторонних связей на многостороннее сотрудничество. Таким образом, созданы реальные предпосылки проведения общеевропейского совещания, которое должно утвердить в качестве основы международных отношений принципы мирного сосуществования, сотрудничества и добрососедства.

В сообщениях и комментариях западногерманской печати отмечается, что в ходе переговоров Л. И. Брежнева с В. Брандтом будут обсуждаться важные вопросы дальнейшего развития советско-западногерманских отношений, а также перспективы укрепления европейской безопасности и широкого сотрудничества на континенте. Газеты указывают на важность вопросов, связанных с проведением общеевропейского совещания. Во многих комментариях подчеркивается, что сейчас ведется подготовка двусторонних соглашений в области экономического, научно-технического и культурного сотрудничества. Политические обозреватели ФРГ в своих комментариях обращают также внимание на важное международное значение предстоящего визита Л. И. Брежнева в Федеративную Республику Германии.

С огромной радостью миролюбивая общественность планеты встретила сообщение о присуждении Леониду Ильичу Брежневу звания лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Ведь каждая неделя приносит радостные вести о все новых и новых успехах советской Программы мира, в претворении которой — огромный личный вклад Леонида Ильича. «Весну 1973 года, — пишет варшавская газета «Трибуна люду», — можно смело назвать весной надежды».

Джеймс ОЛДРИДЖ,

лауреат международной Ленинской премии
«За укрепление мира между народами»

Как-то вечером в феврале уселся я перед телевизором посмотреть одну из моих любимых передач. Это была серия научных фильмов о жизни животных. Из перечня авторов в программе следовало, что фильм, который я собирался смотреть, поставлен на английской киностудии, что режиссер картины — англичанин, равно как и научный консультант. Текст в фильме, посвященном психологии животных, также читал англичанин. Когда фильм начался, мне вдруг показались знакомыми отдельные его кадры. Но, только просмотрев добрую половину, я понял, что где-то уже видел эту картину раньше. И, наконец, несколько позднее вспомнил, что участвовал в ее просмотре в качестве члена жюри фестиваля документальных фильмов в Лейпциге. Она называлась так: «Могут ли животные думать?» — и была создана в Киеве, на украинской киностудии; в Лейпциге она получила приз фестиваля. Однако, когда закончился фильм Би-Би-Си, который я смотрел у себя по телевизору, имена английских продюсера, режиссера и научного консультанта были аккуратно повторены, и лишь мельком, уклончиво было добавлено, что картина «снималась» в Киеве.

К такому обращению с произведениями советского искусства — фильмами и даже музыкой — поневоле привыкаешь в Англии. В прошлом году, например, шла завоевавшая популярность серия телевизионных фильмов. Каждую неделю мы слышали одну и ту же мелодию, сопровождавшую начало фильма. И бывало, сколько ни слышишь эту мелодию, она тебе все больше нравится. Это сразу станет понятным, если пояснить, что музыка была взята из балета Хачатуряна «Спартак». Но в титрах фильма даже не упоминалось имя советского композитора или его балета. Мало того, автором музыки был назван совершенно другой человек! И только через некоторое время, возможно, после протеста любителей музыки, знавших этот балет, на экране стала проскальзывать надпись, что фильм-де идет под музыку из балета Хачатуряна.

Еще один пример. На днях я прочитал в газете «Гардиан» рецензию о последнем балетном спектакле в Ковент-Гардене. Театральный критик начинает ее такими словами: «Балет Макмиллана — Прокофьева «Ромео и Джульетта»...» Любителям балета во всем мире будет, наверно, интересно прочитать, как балет «Ромео и Джульетта» сначала украшается именем Макмиллана (балетмейстера этой постановки), а затем уж упоминается имя создателя этого балета — всемирно известного композитора Сергея Прокофьева...

Все это, может быть, мелочи, порой даже

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ И ВОСХИЩЕНИЕ

смехотворные мелочи. Но в них отражается то, что многие наши авторитетные институты и поныне не отказались от старой, навязшей в зубах манеры, от пренебрежительной позы в отношении советского искусства, от никчемных, пустых попыток принизить его. Каждый день в нашей прессе мы видим тому примеры. В статьях то промелькнет какая-нибудь глупость, то явное невежество, то заскорузлое предубеждение, то, наконец, прямая враждебность.

Разумеется, не все обстоит у нас так. На моих книжных полках немало современных произведений советских авторов, вышедших в Англии, на английском языке, выпущенных английскими издательствами. Правда, советские авторы не так хорошо известны у нас даже в узком кругу, как английские авторы в Советском Союзе. Но у меня, к примеру, есть однотомник произведений Евтушенко (до 1966 года), выпущенный английскими издателями. Есть собрание сочинений Шолохова, произведения Чингиза Айтматова — все изданные здесь.

Если бы я захотел, скажем, на этой неделе посмотреть в Лондоне советские фильмы, то их оказалось бы два: очень своеобразный и серьезный фильм Герасимова «У озера» и фильм Карасика, воспроизводящий на экране чеховскую «Чайку». Патрик Гиббс писал в «Дейли телеграф», что это лучший из фильмов, поставленных по пьесам Чехова.

«Чайка» идет сейчас в кинотеатре «Пари Пулманн» в Челси, недалеко от дома, где я живу. Около полугода назад я ходил туда смотреть фильм Григория Козинцева «Король Лир». Большинство зрителей в зале составляла так называемая «молодая поросль Челси» — юноши и девушки, которые смеялись и хихикали в начале сеанса, когда шли короткометражные фильмы. Это была молодежь из богатых и средних слоев, самоуверенная, обеспеченная, по-своему развитая и довольно агрессивная. Им было все равно, какой шум и беспорядок они производили своими громкими замечаниями и «шикарными» издевательскими шуточками. Начался, наконец, «Король Лир». Минут десять они еще продолжали шуметь и злословить, но затем мастерство Козинцева шаг за шагом заставило их замолчать. И когда после окончания фильма я поднялся, то заметил, что у молодой девушки, сидевшей недалеко от меня, стояли слезы в глазах — так она была захвачена картиной.

Я думаю, что у нас среди серьезных ценителей кино и тех, кто специально изучает это искусство, уже прочно укоренилось мнение, что советские фильмы стоят на весьма высоком художественном уровне. В ежегодном обзоре фильмов за 1972—1973 годы я прочел довольно мрачный анализ того, что происходит в киноискусстве почти в каждой стране мира. В обзоре утверждалось, что кино нигде не может похвалиться большими успехами.

В Англии в прошлом году закрылось до тысячи кинотеатров, посещаемость сократилась с 420 до 180 миллионов. Если раньше у нас насчитывалось 25 киностудий, то сейчас действуют только три крупнейшие. И в то же время в «Обзоре фильмов» в разделе, отведенном СССР, я прочел в первой же фразе: «СССР — страна, которая способна наилучшим образом преодолевать любые трудности в области кино...» Далее говорилось об огромном интересе

населения к советским фильмам и о продолжающемся подъеме советской кинопромышленности. И, конечно, у читателя из всего этого напрашивался невеселый вывод о том, что едва ли было бы возможно создать в Англии фильм, подобный «Чайке».

Небезынтересно отметить в этой связи, что пьесы Чехова теперь широко ставятся на театральных подмостках Англии и показываются по телевидению. Много лет назад героев Чехова трактовали на английской сцене как «унылых русских». Когда постановки чеховских пьес впервые были показаны у нас, они были осмеяны. Иное дело сейчас. Недавно мы были свидетелями очень интересной телевизионной интерпретации чеховской пьесы без названия («Платонов») с Рексом Гаррисоном в главной роли. В известном смысле это было очень английское режиссерское решение, но тем не менее и актеры и режиссеры правильно поняли Чехова и правильно выразили его. Хочется добавить, что среди всех постановок «Вишневого сада», какие мне лично довелось видеть, одной из лучших была английская постановка. Позже я обсуждал ее с друзьями, и мы пришли к выводу, что англичане смогли так хорошо почувствовать и передать внутренний смысл «Вишневого сада» потому, что пьеса эта отражает и нашу собственную социальную и историческую ситуацию. Наш «Вишневый сад» обречен на вырубку. Наш старый мир с его хваленой устойчивостью явно рушится. Это чувство распада хорошо было подчеркнуто в телевизионной постановке, о которой я говорю. Словом, мы неожиданно открыли Чехова как превосходного драматурга для современной английской аудитории.

Нет у нас литературного журнала, на страницах которого серьезно анализировались бы произведения современной советской литературы. Разве что какой-нибудь разбирающийся в этих вопросах английский корреспондент, проживающий в Москве, изредка вручит нам «ключ» к тому, что происходит в советской литературной и театральной жизни. Недавно «Гардиан» привела отрывки из напечатанной в «Литературной газете» дискуссии Евтушенко с критиком Сидоровым, а также выдержки из той же газеты о высказываниях режиссеров Завадского и Образцова насчет трудностей перенесения выдающихся произведений классики из одной театральной и зрительской среды в другую. Там же мы узнали о предстоящей важной конференции режиссеров, которая состоится в Москве.

Мало-помалу, капля по капле англичане узнавали о том, что происходило в вашей стране в области культуры и искусства; но для этого им приходилось нередко прорываться сквозь густую чащу политической враждебности, лжи, предвзятости. Даже о советском спорте, который, казалось бы, несет в себе достаточно материала для интересных сообщений, писалось и говорилось с предубежденностью.

В дни Олимпиады в Мехико советские спортсмены столкнулись с отвратительным недоброжелательством со стороны комментаторов Би-би-си. Так, во время соревнований по верховой езде, когда появились советские наездники, английский комментатор словно онемел и просто прервал комментарий. И только

тогда, когда советские участники закончили свое выступление, он вновь обрел дар речи и продолжил обычный рассказ... Но уже о следующих участниках состязаний. Во время соревнований по боксу и легкой атлетике комментаторы часто были настолько злобными и неспортивными, что приходилось только удивляться, куда же девалась традиционная британская вежливость.

Помнится, когда я собрался смотреть по телевизору сентябрьские Олимпийские игры в Мюнхене, у меня мелькнуло в голове: да пропади оно пропадом, разве можно наслаждаться спортом под такой, с позволения сказать, аккомпанемент! Однако в Мюнхене большинство английских комментаторов, словно устыдившись той недостойной комедии, которую они разыграли в Мехико, открыто и без оговорок признавали высокое мастерство советских спортсменов, а некоторые даже выразили свое восхищение их спортивным подвигом. Впрочем, каждому было совершенно ясно, что спортсмены показали себя лучшими на Олимпиаде, особенно в художественной гимнастике. Оля Корбут очаровала тогда всех своим сказочным выступлением. Даже телекомпания «Гранада» послала в Советский Союз группу операторов, чтобы сделать фильм о том, как тренируются советские гимнасты.

17 марта в «Новостях телевидения» я прочел следующую статью о советских гимнастах: «В сентябре прошлого года во время Олимпиады в Мюнхене 17-летняя девочка возвысилась над всеми. Она полюбила зрителей многих стран мира, следившим за ее выступлениями на экранах своих телевизоров. Это была Оля Корбут. А на этой неделе в передаче «Спорт мира» о соревнованиях по гимнастике в Хьюстоне, штат Техас, между спортсменами США и СССР вы могли познакомиться еще с двумя русскими девушками: Людмилой Турищевой и Тамарой Лазакович. Обе завоевали медали в Мюнхене. Специалисты заранее предсказывали, что русская команда будет слишком крепким орешком для американских соперников».

Примерно так же обстоит дело и с советскими музыкантами, выступавшими в Англии. Сколько приходилось читать продиктованных враждебностью к Советскому Союзу газетных нападок со стороны музыкальных критиков, вплоть до личных оскорблений, не имеющих ничего общего с музыкой и исполнительским мастерством. Но вся нелепость такого отношения становилась очевидной на концертах советских музыкантов, которых горячо принимают тысячи людей всех возрастов. Замечательное мастерство Давида и Игоря Ойстрахов так же хорошо известно лондонской аудитории, как и советской, и так же высоко оценивается ею. Это относится и к произведениям Шостаковича и Прокофьева. Возможно, что музыка более молодых композиторов станет известной у нас лишь через ряд лет, но в конце концов и она проложит себе путь через преграды предубеждений критики, так как широкие круги англичан просто находятся в неведении о том, что происходит в советском искусстве.

Едва ли надо подробно говорить о популярности советского балета. Балетные труппы Большого театра и Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова, выступающие в

Англии, крупнейшие события в жизни искусства. Мастерство этих замечательных коллективов вызывает у нас не меньшее восхищение, чем у москвичей и ленинградцев.

Есть еще один вид советского искусства, который также сумел прорваться через завесу предубеждения и недоброжелательности. На протяжении ряда лет мы ничего не знали о советском фигурном катании, каким бы хорошим оно ни было. А сейчас наши телевизионные комментаторы выражают такое же безоговорочное восхищение выступлениями советских фигуристов, как и зрители. Почему? Потому, что талант, мастерство говорят сами за себя.

Много или мало информации о культуре Советского Союза можно почерпнуть из нашей прессы и телевидения, зависит, конечно, и от интереса читателей. Что касается меня, то я интересуюсь почти всем — музыкой, плаванием, фигурным катанием, верховой ездой, литературой, кино и т. д. Но я испытываю живой интерес к Советскому Союзу в целом и, вероятно, поэтому замечаю больше, чем другие, из того, что говорится у нас о вашей стране.

Возьмите автомобили. В течение 50 лет почти ничего не упоминалось о советских автомобилях в наших ведущих автожурналах. А если что и сообщалось, то обязательно умалось достоинство этих машин. Но вот в декабре прошлого года я заглянул в одно наше солидное издание — «Автоспорт» и натолкнулся на заголовок: «Удивительный русский». Мне бы следовало объяснить, что «Автоспорт» — журнал, который все продолжает тосковать по тем временам, когда лорды и джентльмены, а не профессиональные гонщики, участвовали в автомобильных гонках, когда королевская фамилия покровительствовала автомобилизму, а не сигаретным компаниям. Словом, на журнале лежит глубокий отпечаток того старого порядка. Что же подразумевалось под «удивительным русским»? Первая статья гласит: «Если бы я сказал год назад, что русский автомобиль одержит победу в двух автогонках в Англии, меня бы сочли по меньшей мере фантазером. Но вот, — продолжает «Автоспорт», — в первой группе прошлого года чемпионата автогонщик ведет каштанового цвета «Москвич-412» на двадцати девяти этапах по девяти различным видам дорог, и только на одном-единственном этапе советская машина не оказалась победительницей в своем классе».

Иными словами, «Москвич» одержал рекордную победу в английских автогонках прошлого года. Четыре или пять других автомобильных журналов также поместили восторженные отклики, а спортивная обозревательница одной воскресной газеты назвала «Москвич» не «удивительным русским», а «невероятным русским».

Собственно говоря, эти гонки были испытанием автомашин не только на скорость, но и на надежность. И что вызвало особое восхищение, так это именно высокая надежность «Москвича» по сравнению со многими нашими машинами того же класса. Простота конструкции, фундаментальность и надежность всегда были главными заслугами английского автомобилестроения. Теперь, судя по тому, что было написано о «Москвиче», этими достоинствами обладает советский автомобиль...

Как известно, серьезным поворотным пунктом во взглядах англичан на СССР стала война. Мое поколение хорошо помнит, как Советская

Армия, по выражению самого Черчилля, «выпустила кишки» гитлеровским полчищам. Памятно и то, что в течение многих лет проводилась у нас широкая кампания, нацеленная на принижение роли Советской Армии в войне, причем даже говорилось, что она вообще не выиграла этой кампании. Просто немцы «проиграли» войну! Иногда наши военные эксперты и историки доходили до того, что писали, будто это Великобритания в одиночку победила Гитлера, разве что с некоторой помощью нашего храброго союзника — Америки. А Советская Армия? Ну, это всего лишь толпы крестьян, шагающих по украинской грязи. Би-Би-Си несколько раз выпускала программы, в которых Советская Армия ставилась на одну доску с нацистским вермахтом. Временами взгляды наших официальных кругов по этому вопросу становились настолько неприкрыто антисоветскими, что все, кто помнил и по-честному знал, во имя чего сражалась и какие жертвы принесла Советская Армия, задавали себе вопрос: представится ли англичанам возможность вновь прочитать слова правды о великом подвиге советского солдата в этой войне?

Все же с течением времени новое поколение молодых англичан, изучающих историю, интересующихся проблемами политики и войны, начало оспаривать и отвергать эти извращенные суждения о роли Советского Союза и его армии в разгроме гитлеровского фашизма. Люди стали понимать, что это не только глупо с точки зрения истории, но и что за этими попытками дискредитировать Советскую Армию скрывались весьма определенные политические намерения. Впервые я начал ощущать провал этих сфабрикованных, лживых суждений два года назад, когда взял в руки книжку из популярной серии о войне. Она называлась «Битва под Курском». И в первый раз почти за двадцать лет я прочитал сравнительно объективную оценку этого знаменитого сражения. Оно не только описано как крупнейшая танковая битва в войне, но автором признается также, что это была блестящая победа Советской Армии.

Даже Би-Би-Си в конце концов включила битву под Курском в серию своих передач о величайших битвах прошлого. Конечно, и здесь в комментарии была втиснута обычная грубо фальсификаторская версия о том, что разгром гитлеровской военной машины Советской Армией был якобы вызван «глупостью» и «ошибками» нацистского фюрера, а не превосходством советской военной стратегии и тактики и высоким боевым духом советских воинов. При этом, однако, Би-Би-Си все-таки «допускает», что сражение под Курском явилось большой победой Советских Вооруженных Сил. Правду невозможно дольше прятать от народа. Несомненно, здесь сыграли свою роль те настойчивость и жадность, с которыми молодежь ищет и требует более честной политики во внутренних делах и в международных отношениях.

Взгляды определенных кругов Англии на все советское по-прежнему пропитаны предрассудками и враждебностью. И этому помогает враждебность к СССР различных групп, таких, как троцкисты, маоисты, анархисты и другие, которые, по существу, становятся соучастниками наших реакционных элементов. Однако понемногу реальные факты жизни и развития Советского Союза выходят на поверхность, предрассудки и предвзятость отступают.

ИЗ ПОЧТЫ «ОГОНЬКА»

ПРЕКРАСНА СЕВЕРНАЯ СЕСТРА

В «Огоньке» № 5 за январь 1973 года была опубликована статья первого секретаря правления Союза писателей Эстонской ССР Владимира Бээкмана «Общие заботы, общие радости». Начав разговор с описанием одной из своих встреч за границей, автор размышляет в статье о судьбах народов, объединившихся в единый Союз ССР, о постоянном экономическом, культурном и духовном сближении республик нашей страны. На имя автора статьи из Еревана пришло письмо, которое мы публикуем.

Дорогой друг В. Бээкман! В «Огоньке» я прочел Вашу статью и полностью разделяю Вашу точку зрения по затронутому вопросу. Впрочем, есть ряд моментов нашей советской жизни, которые просто непонятны зарубежным «высокообразованным» интеллигентам из лагеря антикоммунистов. Откуда могут они знать, что каждый армянин, побывавший в Эстонии, становится ее вечным другом и любит свою Эстонию, да, я подчеркиваю, СВОЮ Эстонию, свой Таллин. Кстати, у нас в Ереване есть кафе «Таллин». Для нас Г. Отс — любимый певец, и когда он поет, во всех домах все сидят у телевизоров. Сколько у нас сувениров, расписывающих об Эстонии, напоминающих о славной культуре этого трудолюбивого, талантливого народа. На праздник песни к вам приезжали и наши хоры, так что ваш праздник песни был для всего Советского Союза праздником. Как нам нравятся ваши леса, дороги, небольшие чистые города, дружелюбные эстонцы — наши кровные братья. Да, Эстония — Армения и Ереван — Таллин родные, хотя и тысячи километров их отделяют. Почему мы друг друга хорошо понимаем? Это нас объединил язык Ленина, идеи Ленина, и нас никто и никогда не сможет разъединить.

Дорогой друг, пройдет время и наши народы — эстонцы и армяне — еще выше поднимутся, расцветут наши культуры и навсегда уйдут от нас осколки старого, что иногда мешают нам.

Пусть знают, у эстонцев миллионы братьев и сестер, которые любят Эстонию, нашу прекрасную северную сестру.

С. ТАТЕВОСЯН

Ереван.

ТВОРЧЕСКИЙ РАЗГОВОР

В редакции «Огонька» состоялась творческая встреча главных редакторов и главных художников иллюстрированных общественно-политических и литературно-художественных журналов, издающихся в союзных и автономных республиках.

Во встрече приняли участие редакторы и художники журналов: «Украина» — Н. Подольян и Е. Александрович, «Ранок» — О. Хоменко и Н. Дахно, «Беларусь» — М. Калачинский и К. Тиханович, «Дроша» — Г. Натрошвили и Д. Нодия, «Гулистан» — А. Мухтаров и Э. Рузйбаев, «Звайгзне» — А. Лединь и Г. Эзерниек, «Швитурис» — И. Лапашинскас и А. Дакиявичюс, «Молдова» — Н. Дорофеев и В. Дементьев, «Ялав» — Е. Орлов, заведующий сектором Института мировой литературы имени А. М. Горького профессор А. Овчаренко, члены редакционной коллегии «Огонька» А. Софронов, Д. Большов, Ю. Сбитнев, И. Долгополов, Д. Бальтерманц, Н. Толченева, Л. Леров, Н. Пастухов, сотрудники редакции Н. Иванова и Ю. Кривоносов.

Состоялся интересный обмен опытом работы.

ДОРОГАЯ НАГРАДА

Около двух тысяч писем уже пришло на конкурс «Путешествие в историю ЧССР». Каждое из них — волнующее свидетельство того, как широки и прочны узы дружбы, связывающие Советский Союз и социалистическую Чехословакию.

Дружбу между нашими народами никому не удастся разрушить. Об этом говорит письмо Василия Филипповича Панченко, которому довелось быть в Чехословакии в 1968 году, в трудные для страны дни.

В 1945 году, будучи майором Советской Армии, я вместе со своими товарищами по оружию освобождал Чехословакию. Моравска-Острава, Оломоуц, Прага — таков путь 13-й Киевской Краснознаменной ордена Кутузова II степени артиллерийской дивизии, в штабе которой я служил. После окончания войны, в июне 1945 года, из местечка Длугопольское, где стоял штаб дивизии, уехал на Родину, тепло прощившись с чехословацкими друзьями.

На прощание сфотографировались с хозяевами дома, где мы стояли на квартире.

После демобилизации работал учителем истории, директором техникума, а с 1971 года — в областном Управлении по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

В 1966 году в Чернигове было создано отделение Общества советско-чехословацкой дружбы. Установили связи с Союзом чехословацко-советской дружбы в городе Градец-Кралов.

В ноябре 1966 года в составе делегации мне пришлось побывать в Восточно-Чешской области ЧССР. Встречи были радостные, нас принимали как истинных друзей, своих освободителей.

Потом чехословацкие товарищи побывали у нас, на Черниговщине.

Летом 1968 года я снова приехал в ЧССР. Но как изменилась обстановка к этому времени!

В стране открыто действовали контрреволюционные силы. Антисоциалистические элементы выражали неприязнь ко всему советскому, к нам, советским людям. В то же время, посещая предприятия и сельскохозяйственные кооперативы, мы убедились, что трудящиеся Чехословакии питают к нам чувства дружбы и благодарности за освобождение от фашизма. Чувствовалось, что многие люди были запуганы ан-

тисоциалистическими, ревизионистскими элементами.

Вскоре после 21 августа 1968 года пришло письмо из Градец-Кралова, в котором речь шла о том, что дружба с нами расторгается. Письмо было от имени Комитета СЧСД, но без подписи. Позже выяснилось, что его написал ярый контрреволюционер.

Мы не могли поверить, что весь чехословацкий народ думает так, как автор письма. Вскоре я смог в этом убедиться. В составе делегации от нашей области в конце октября 1968 года я побывал в Восточно-Чешской области. Приехал в местечко Длугопольское, где жил в 1945 году.

С тех пор прошло 23 года. «Узнают ли?» — думал я. Сравнительно быстро нашел улицу и дом. Навстречу вышел старик хозяин. Ему было, наверное, лет 75. В ответ на мой вопрос: «Не узнаете?» — угрюмо покачал головой. Тогда я вынул из кармана фотографию. На снимке были три человека: старик, его дочь Зденка и майор Советской Армии — я.

Мой старый знакомый обрадовался, но тут же заплакал. «Вы вовремя приехали, пан майор», — сказал он и пригласил в дом. Через несколько минут появилась Зденка, ее муж и их дочь, пятнадцатилетняя Мария. Зденка достала из сундука такую же фотографию, которую я оставил в 1945 году на память.

Вскоре сбежалась вся улица, а потом почти все жители местечка. Люди оживленно говорили, о чем-то спорили, что-то друг друга спрашивали. В толпе послышались голоса: «Верим Рудой Армаде, Советскому Союзу! Пусть контрреволюционеры не обманывают нас. На вечные времена с вами, наши дорогие братья! Руда Армада пришла вовремя, спасибо вам».

Я подарил хозяину дома маленькую бронзовую скульптурку В. И. Ленина, которая тут же

с его согласия была передана местному национальному комитету.

Опустела и моя коробочка со значками В. И. Ленина, и хотя их было более сотни, всем желающим не досталось. «Нет, — подумал я, — не обмануть врагам, чехословацкий народ, он знает своих настоящих друзей, он верен дружбе с Советским Союзом».

Был я и в сельскохозяйственных кооперативах. В Трутновском районе в кооперативе имени Я. Гашека, в селе Млазовице, Градец-Краловского района, нам рассказывали, что реакционеры после 21 августа 1968 года засылали к ним своих представителей, которые призывали распустить кооперативы. Но эти попытки терпели поражение. А в селе Лужице председатель сельскохозяйственного кооператива имени чехословацко-советской дружбы рассказал, что сразу же после 21 августа к ним в село прибыл представитель из Праги, от так называемого «Комитета по спасению родины». Он клеветал на Советский Союз и

нистической партией Чехословакии, создала рабочему классу в лице крестьянства надежного союзника. Поэтому в период кризиса 1968 года правым силам не удалось поколебать веру чехословацкого крестьянства в социализм и дружбу с Советским Союзом.

В эту поездку мне пришлось побывать во многих городах и поселках, присутствовать на рабочих собраниях. Я убедился, что слова первого рабочего президента К. Готвальда «С Советским Союзом на вечные времена» глубоко вошли в сердца всех честных чехов и словаков.

В заключение, дорогие читатели «Огонька», познакомьтесь с моими друзьями в Чехословакии. Зденек Капуциан, коммунист (во время гитлеровской оккупации находился в концлагере), активный участник строительства социализма. Ныне он главный редактор восточночешской областной коммунистической газеты «Проходень». Большой и искренний друг СССР, дважды был на Черниговщине. Переписывается с нашим отделением, присылает интересные материалы в наши газеты, для передач по радио.

Михаил Качур — преподаватель русского языка в Трутнове.

Франтишек и Мирослава Досоудиловы — педагоги из Пардубице. Приезжали в Чернигов по нашему приглашению с группой учащихся гимназии. Мирослава была делегатом XIV съезда Коммунистической партии Чехословакии. Сейчас она возглавляет Восточно-Чешский областной комитет учителей, а Франтишек — директор гимназии. Регулярно переписываемся.

Войтек Ржига — первый секретарь Градец-Краловского райкома КПЧ. Трижды был у нас в гостях.

В. Добеш, член Коммунистической партии Чехословакии, председатель сельскохозяйственного кооператива села Млазовице, Градец-Краловского района. Это человек, влюбленный в свое дело, свой кооператив, прекрасный руководитель. Тоже был нашим гостем в составе делегации работников сельского хозяйства.

Этот список можно продлить и дальше. В Чехословакии у меня много друзей. И это очень радует.

За активное участие в боевых операциях войск 4-го Украинского фронта по ликвидации Моравско-Оставской группировки войск противника и освобождение города Оломоуца я имею орден Отечественной войны II степени, а в 1971 году за укрепление дружбы между чехословацким и советским народами Центральный Комитет Компартии Чехословакии наградил меня юбилейной медалью «50 лет Компартии Чехословакии». Большое спасибо чехословацкому народу за эту дорогую награду.

Чернигов.

КОНКУРС

1948-1973

ПУТЕШЕСТВИЕ
ОГОНЕК
В ИСТОРИЮ ЧССР

предлагал заменить название кооператива, дав ему имя бывшего президента Чехословакии Масарика.

Крестьяне выслушали этого человека, но не поверили и послали в Прагу свою делегацию, которая убедила, что все это ложь, о чем и рассказала на общем собрании членов кооператива. Так что настоящие труженики Чехословакии оказались верными ленинским идеям, поддержали Коммунистическую партию Чехословакии и не свернули с социалистического пути.

Правильная ленинская политика кооперирования сельского хозяйства, проводимая Комму-

Сергей ВИКУЛОВ

ЛИРИКА

(По народным мотивам)

Зачем

У ПЕРЕВОЗА

Г. В.

Через речку быструю, через плес
я кричала, девушка, перевоз:

— Спишь ты, что ли, лодочник... Э-ге-гей!
Мне бы на ту сторону поскорей.

Там сейчас гуляние, праздник там...
Но в ответ мне эхо лишь по кустам:

«Э-ге-гей!..»
Уж туфельки я сняла,
по колени в реченьку забрела,

и машу косыночкой, и кричу,
и боюсь, что платице замочу...

Вижу, вышел на берег великан,
два крюка — ручищи две — по бокам.

И ко мне от будочки, от ворот
через речку быструю прямо, вброд,
в новеньком костюмчике, в башмаках:
— Стой, Маруся!.. Я тебя — на руках!

Поняла по выходке, по словам:
это мой залеточка, мой Иван!

— Ванечка, Ванюшечка!..
— Помолчи!..
— Ты хоть, Ваня, часики не мочи!..

Глянь, тебе уж речка-то по карман,
сокол мой, орелик мой, атаман!

Зря не снял ты, Ванечка, пиджачок...
Ну, иди ж, иди ко мне, дурачок!

Я тебя и мокрого обниму...
И тяну я рученьки встречь ему.

— Обнимай!..
Зачем тебе перевоз... —
Гаркнул, поднял на руки и понес.

А кругом — ну, надо же! — ни души...
— Ванечка, родименький, не спеши!

Пуще обнимаю я мил-дружка...
Ну, хотя бы кто-нибудь с бережка
глянул, как на Ваниных на руках
я плыву —
головушка в облаках...

ЭТИ ЧАСТЫЕ ПЕРЕБОРЫ...

«— Знаешь, брось ты эти вальсы,
Дай-ка ту, которую...»
А. Твардовский.

I

Только выйду я на крылечко,
только стану лицом к полям,
только милого по-за речкой
заиграет полубаян,—

сердце девичье, как иголкой
вдруг заколет: невмочь ему...
Как оно на две части только
не расколется — не пойму!
И лечу я с горы ли, в гору —
в поле! Слушаю, замерев,
эти частые переборы,
этот сердцу любимый напев.
Он все явственнее, все ближе
к узкой лаве через реку.
«Не споткнись, дорогой, смотри же!» —
я шепчу-кричу игроку.
«Береги свой полубаянчик,
посильней прижимай к груди.
Аккуратнее, слышишь, мальчик,
ты по лавинке-то иди...»

II

Не упал-таки парень в воду
и тальянку свою пронес...
И она врывается с ходу,
долгожданная, в круг, к народу,
как на станцию паровоз!
И сама — не учи ученых! —
гнется, праздничная, в дугу.
Между двух половинок черных
колокольчики на лугу.
Справа — видно на расстояние —
отражают не свет звезды —
электрическое сиянье
перламутровые ряды.
Парни — к девочкам...
Будто ветром
закружило всех по лужку.
— Да поставьте вы табуретку
развеселому игроку!
Сел, утерся игрок платочком,
покурил и без проволок
начал клавиши вновь терзать...
Повальсировали — и точка:
время самое поплясать.

III

— Дайте круг, дайте круг!
Извини-подвинься, друг.
Искалечу ногу, если
попадется под каблук!
Друг — он понял, что это вызов,—
папиросу вдавил в песок,
топнул, хлопнул и без капризов
начал... С пятки да на носок,
а с носка да опять на пятку,
барабанит руками в грудь;
то дробить начнет, то вприсядку,
то еще словчит как-нибудь...
Наконец — на душе отрада! —
он откинул назад башку
и, раскачиваясь для лада,
выпел-выговорил дружку:
— Ты пляши, пляши, товарищ,
дробь выколачивай,
на красивую мою
глаза не выворачивай!
Врезал шутку, как по заказу.
А за нею — еще одну.
И настроил гулянку сразу
на улыбчивую волну.

IV

Вышли девушки. Ох и звонки
голоса у них!.. Как взялись
петь-приплясывать —
аж гребенки
все повыпали, ленты тонки,
в косы вплетены, расплелись!
— Задушевная, пляши,
играет парень от души.
От души — не от души,
а не раздумывай — пляши!
— Ручеек, ручеек,
брала воду на чаек...
Я тебя не завлекала —
это ты меня завлек.
— Вот те чашка воды
и полчашки воды.
На гуляночку
с тальяночкой
почаще ходи!

V

В час рассвета и в час тумана
далеко-далеко слышны
переборы полубаяна —
чудо-музыка старины.
Все в ней, в музыке этой дикой:
песня, пляска... На все годна!
Дикой — верно. Но и великой!
Душу выразила она!
С ней, рванув на груди рубаху,
мы и в драку —

ты нас не троны!
А понадобится — без страху
в воду ринемся и в огонь.
Под нее мы,
с судьбою споря,
можем — нам ли да все тужить?! —
половину любого горя
на веселье переложить.
...Разгорается над лесами
зорька. Бел над рекой туман.
В поле где-то последним самым
правит к дому полубаян.
На кроватях уже,

кофтчонки
сбросив, ежась от холода,
ловят голос его девчонки
из далекого далека...
Он почти уже и не слышен.
И они не поймут порой,
то ль комарик звенит под крышей,
то ль гармонь поет за рекой...

НА СЕНОКОСЕ

Ах, косила да косила —
под кустик косу бросила,
брусок под ветку ивову,
сама по тропке —
к милому!
Иду, жую травиночку,
на ту на луговиночку,
где мною на заметочку
взята рубаха в клеточку...
Иду —
кофтчонка белая
на мне — иду, несмелая,
между валков узорчатых:
— Ой, сколько наворочал-то!..

это чужа

Навстречу мне

в два лучика
из-под льняного чубчика
поглядочка нестрогая:
— И то — пора залоговать...
Костер у ног полыхивал,
дымилась речка тихая,
и чай заварен быстренько
смородиновым листиком.
И я запомню на веки,
как брал меня он за руки,
как целовал, забавушка...
Как пахла медом травушка,
что чуть привяла, скошена...
Как он шептал мне на ушко:
«Любимая, хорошая...»

ПУСКАЙ ГОВОРЯТ

...Вспугнут иную — заикает,
ославят зря — всю ночь не спит.
А я люблю, когда сверкает,
а я люблю, когда гремит!
Я не твержу: «Ой, что-то будет!» —
залетке. И не прячу взгляд.
И не гулять — так бабы судят,
а и гулять — так говорят.
Гуляю сплетницам в отместку,
на зорьке падаю в кровать...
Коли бояться сильно треску,
так и в лесу не побывать.
И про меня — я это знаю —
седьмая слава на году.
Ну, что ж, пускай идет восьмая —
я все равно не пропаду!
Вы продолжайте, бабы, хаять
меня у каждого столба...
А я залеточке такая,
такая до смерти любя!

БЕЗ ВЕРЫ

Речка вешняя — ох, мутна! —
не увидишь у речки дна,
так же, как у тебя, залетка,
век не выведаешь ума.
Отчего ты так, например,
выставляешься на вечорках?..
Деревенская я девчонка,
да и ты ведь не инженер.
Будешь столько воображать,
предо мной шурша макинтошем,
лучше ты меня, мой хороший,
не ходи совсем провожать!
Что любовь мне твоя бегом?..
Постоял полчаса — и нету...
Настоящая-то любовь,
милый, с вечера и до свету.
Встань немножечко в стороне:
я хоть малость расправлю плечи...
Надоели, залетка, мне
вертоватые твои речи.
И признаться мне разреши:
я хожу с тобой, лицемерю.
Слово молвлю не от души
и тебе ни на грош не верю!

ЧТОБ НЕ РАЗДУЛО ВЕТЕРКОМ

Ах вы, девочки-вересиночки,
вересиночки-кремешки!
На головушках все косыночки,
а на юбочках ремешки.

Напустив на глазенки челочки
и красиво ломая бровь,
не носите, как я, девчоночки,
под косыночкою любовь.

Вы носите ее, беляночки,
вашу пылкую, под платком,
чтоб ее под конец гуляночки
не раздуло бы ветерком.

Чтоб не выстудило — не мелочи! —
сердце, словно в мороз избу...
Не носите косынки, девочки,
не испытывайте судьбу!

СОПЕРНИЦА

— Любила я его, изменщика,
а ты отбила. Не судьба.
С тобою он танцует «ленчика»,
откинув челочку со лба.

С тобой в обнимочку вдоль улочки
идет — и рада ты люто...
Ну, что ж, любви мои облюбочки,
целуй целованные губочки —
мне хоть бы что, мне хоть бы что!

Меня измена не закружила...
Мне жаль, признаюсь, лишь того,
что девяносто раз без ужина
осталась я из-за него.

Теряла ленты и заколочки
из кос...

Я это все к тому,
что нужен, как листочек елочке,
теперь он сердцу моему.

Люби! Тебе я не соперница.
Расстались — значит, на века!

— Ах, зря, товарочка, ты сердисься:
не отбивала я дружка.

Тут надо смелость — я несмелая...
Отбила мальчика не я —
отбили глазки мои серые,
отбила молодость моя.

ВЕРИЛА ЕМУ...

Говорят:
«Тебе измена. Точно!»
Ну, а я стою и хохочу.
Тошно моему сердечку, тошно,
а признаться все же не хочу!
Будто в грязь увязла по колено:
шага даже сделать не могу!
Слово непривычное «измена»,
как смола, прилипло к языку.
А ведь как за мной он, мальчик, бегал,
как он уговаривал, герой...
Там, где мы стояли,
снег-то белый
до земли растаивал порой!

А теперь — мои захлопнуть двери
не успел — направился к другой...
Верила ему. Но можно ль верить
льдиночке весенней под ногой?!
Далеко — а было недалечко —
мне идти одной на край села...
Слышало изменушку сердечко —
жаль, что я его не поняла!
Чтоб оно забыло все, что было,
я его запру на три ключа.
И ключи заброшу! Чтоб не ныло,
чтобы не болело по ночам!

ЖЕЛАНИЕ

Хорошо занять бы туфли мне
да на легоньком бы ходу,
чтоб не скрипнули и не стукнули,
если поздно домой приду.
Чтобы мама ни на вот столечко
не расслышала бы в тиши,
как у самой калитки дролечка
целовал меня от души.
Как он после на изгородочку
сел, а я по мосткам — чок, чок!
Поллюбуйся моей походочкой,
кепка серая на бочок!
Люди прочат мне — верно ль прочат-то? —
даже в суженые его.
Хоть не очень-то, между прочим-то,
он мальчишка, да ничего...
Мама утречком заругается —
не из строгости, просто так:
и куда, мол, платки деваются,
напасти не могу никак!
Неужели не догадается
мама? Мне ведь семнадцать лет!
Ими миленький утирается.
Вот и все, вот и весь секрет...

БОЕВАЯ

Как будто громкоговорители,
в начале дня, на склоне дня,
ругают дроины родители
«вертиголовую» меня.
Мол, молодая, нестепенная...
А я в ответ им: — Не беда!
Степенной стану непременно я,
когда совсем войду в года.
Да и не гордая, а средняя...
Себя не ставлю я, как флаг,
всех выше...

Но и не последняя!
Уж это точно, это факт!
В одном вы правы, что отчаянна...
И, дроля, ты имей в виду:
коль мать послушаешь — печальная
я с камнем к речке не пойду!
Я встану гордо со скамеечки
в той самой кофте голубой
и самой бойкой перебеечке
сама пойду на перебой!
Хоть некрасивая — так смелая.
Кого-то любят за красу,
а за меня березка белая
растет красивая в лесу.
Пойду — такой уж я породушки! —
пойду, припевками звеня.
Ты поллюбуйся со сторонушки
на боевую на меня.
Нас разлучить желают навеки,
но разлучи-ка лед с водой!..
Перехитрим уж — не малыньки —
мы разлучителей с тобой!

КОНЕЦ БИРЮКА

Георгий КУБАНСКИЙ

РАССКАЗ

Рисунок И. МИХАЙЛИНА.

Ш

1

Проход Ильяч отложил суконку и провел ладонью по гладкой поверхности лыжи. Смазал на совесть, постарался. А выйдет в лес — и опять приключится неладное. Зимы-то год от году становятся все хуже. Квелье какие-то зимы. С утра лыжи скользят хорошо, а к полудню еле ноги тянешь. Вроде и подлипа-то настоящего нет, а вот не идут лыжи.

А может, и не зимы виноваты. Не раз уже намекали в управлении заповедника, что пора старому наблюдателю на покой. Отработал свое.

Покой! Пенсия! Куда пойдешь из кордона, где каждая дощечка обжита? Оставить заповедник! Вся жизнь здесь. Сколько зверья сберег, рыбы. Кого обрадует уход старого наблюдателя? Игната Коровина, Сеньку Шалого, Рукосуева. Вот когда разгуляются они в заповедном лесу!

С той поры, как неподалеку от кордона создали лесопункт, не стало покоя наблюдателю. Рядом валят лес, жгут сучья, хвою. Зверье перебежало в заповедник. За ним потянулись любители легкой добычи. То утиные перья подвернутся на болоте, то зацепится нога за петлю из мягкой пережатой проволоки или блеснет на песке стреляная гильза. Осенью три капкана снял.

И народ с лесопункта упорный. Сколько раз ловил Проход Ильяч Василия Грача. Предупреждали его, штрафовали, даже судом стращали. А тот свое твердит: «А чего я худого в лесу делал?» И поймать-то его с поличным трудно. Попадался он, правда, с удочками. Так за это не особенно прижимают. Раз прихватил его Проход Ильяч, когда тот доставал из петли зайца. Не удалось тогда отвертеться Грачу, хоть и доказывал тот, что петлю не он ставил, а зайчишку хотел отпустить на волю. Дорого обошелся тогда ему заяц. А так, сколько ни попадался Грач на участке, ни ружья при нем, ни удочек. Хитер!

И снова мысль старика вернулась к наболевшему. На пенсию! А куда он с той пенсией? Сын зовет к себе. Работает он на шахте. Там, должно быть, и воздуха-то настоящего нет, пополам с угольной пылью. Обе дочери в городе. Чисто живут, ничего не скажешь. Да разве пересадишь сосну из бора в палисадник? Вся жизнь Прохода Ильяча прошла в лесу. Тут и старуха осталась. Похоронили ее у дороги, под рябиной. Осенью и зимой костром полыхает в сосняке одинокая рябина,

зовет на могилку. Такой красоты в городе не найдешь. Там и на кладбище-то живут тесно. По крыльцу проскрипели грузные шаги. Чужие шаги!

Проход Ильяч опустил лыжу. Кто бы это?.. Дверь широко распахнулась.

Проход Ильяч выпрямился. Грач! Пришел на кордон. С ружьем!

Некоторое время оба молчали. Первым заговорил наблюдатель.

— С ружьем ходишь? Предупреждение милиции забыл?

— Помню, — ответил Грач, не глядя на наблюдателя. — Все помню.

— Стрелял сегодня? — грозно спросил Проход Ильяч. — Признаться лучше сам.

— Марала убил, — вызывающе ответил Грач. Марала убил! Всего ожидал Проход Ильяч от неожиданного посетителя. Но чтобы ловкий браконьер, всегда отпиравшийся от обвинений в мелких провинностях, пришел на кордон и признался в серьезном преступлении!.. Такое не укладывалось в привычные представления старого наблюдателя, сразу обострило смутную тревогу.

— Да знаешь ты, чего наделал? — Проход Ильяч поднялся. Худой, плечистый, он от гнева стал выше ростом, шире. — Маралы завезены на распад. С Дальнего Востока завезены. За такое... под суд. А с тебя втрое спросят. Давно ты у нас на заметке.

— Вот то-то, что на заметке, — неопределенно ответил Грач. — Постарался.

Прозвучавшая в голосе посетителя откровенная неприязнь удержала готовый сорваться новый упрек. Толковать с таким!.. Проход Ильяч крупными шагами подошел к столу, поднял телефонную трубку.

— Положь! — властно бросил Грач. Скуластое лицо его с падающим на лоб черным вихром было неподвижно. — Положь, говорю! — Грозишь? — Проход Ильяч с силой повернул индуктор. — Я не из пугливых. А ружьишко поставь в угол.

— Узнай прежде, зачем я пришел, — глухо произнес Грач. — Милиция! Суд! Недаром и кличка у тебя подходящая — Бирюк!

Обветренное, красное лицо Прохода Ильяча вспыхнуло от такой дерзости. Морщины стали резче. Он еще раз повернул ручку аппарата. Спит телефонистка, что ли? О чем мог говорить наблюдатель с наглым преступником? Марала застрелить! Да еще и на кордон явился неведомо зачем. И ружье из рук не выпускает.

Грач смотрел на него по-прежнему неприязненно, почти враждебно.

— Олешек тот бешеный был.

— Бешеный! — Проход Ильяч опустил руку с трубкой. В телефоне пищал голос телефонистки. Но он не слышал его. — Ошалел!

— Утром встретил его в бору, что за еловой падью, — сдержанно сказал Грач.

— Ну? — недоверчиво поторопил Проход Ильяч.

— Бежит неровно, рывками. Проскочит немного и на рысцу перейдет. И шаг-то у него валкий. Без легкости. Я за ним. А он остановился, хочет схватить снежку и не может.

Ткнется мордой в сугроб... Никак! Сбегал я на лесопункт. Выпросил у механика ружье. — Он шлепнул по прикладу бескурковки. — Вернулся к еловой пади. Нашел олешка. Тот кружил все на одном месте. Вышел он на меня. Глаза мутные. Изо рта слюна бьет, пенится. И слезы... Понимает.

— И ты его?..

— Застрелил. — Грач поставил ружье между ног и достал пачку «Севера». — А на боку у него отметина. Похоже, волчья.

— Врешь! — вырвалось у Прохода Ильяча.

— Сходим. — Грач глубоко затянулся. — Сам увидишь.

2

Лыжня вывела в старый, мрачный ельник. Серые стволы, серые космы свисающих с еловых лап лишайников, серое небо усиливали гнетущее ощущение тревоги. Не стоило идти с Грачом. Может, выдумал он все в отместку за прошлое: задержания, штрафы. Проход Ильяч обернулся. Позади Серый... Стало спокойнее. С собакой надежнее.

Старый наблюдатель знал, что такое больной зверь в заповеднике. Лет десять назад на соседний участок забежал бешеный волк. Что тогда поднялось! Начальство наехало. Вызвали в помощь наблюдателям охотников из города. Больной зверь метался по мелкоколесью и болотам, прорывался из оклада. Дважды выходил он на выстрел так неожиданно, что охотники мазали. Снова приходилось искать его, обкладывать. С месяц потом наблюдатели выслеживали по всему заповеднику зараженных зверей, отстреливали...

— У тебя ружье чем заряжено? — остановился Грач.

— Картечью.

— Заряди жаканом. Не на зайчишку идем.

Пока Проход Ильяч перезаряжал ружье, их нагнал Серый — крупный пес с острыми ушами и широкой желтой грудью. Он бежал за лыжниками, тяжело проваливаясь в рыхлый снег по груди.

Снова шли молча, занятый каждый своими думами. Лыжня огибала крупные деревья, сбившиеся в плотные кучки молоденькие елочки, палые стволы.

Грач остановился. Подождя отставшего наблюдателя, он показал на пересекающий лыжню след волка.

— Гляди.

— Он, — коротко бросил наблюдатель.

— Свежий след, — сказал Грач. — Когда я шел к тебе, еще не было.

— Пойдем по нему, — решил Проход Ильяч. После того, как Грач посоветовал перезарядить ружье, застарелое недоверие наблюдателя смягчилось. Но легче не стало. След был волчий. Но шел он незнакомо ровной цепочкой. Ноги зверя глубоко распахивали снег. Иногда след переходил в неглубокие вмятины: здесь волк, обессилев, припадал на грудь. — Пойдем. Серого пустим вперед. Сам сказал: не на зайца идем.

Они подождали отставшую собаку. Теперь впереди тяжелыми скачками двигался пес,

плавно взмахивая над снегом пушистым плотным хвостом. За ним не спеша шли Прохор Ильич и Грач.

Идти становилось все труднее. Волк пробирался мелколесьем. Ветви елочек сплетались над следом, хлестали по лицу, подвертывались под ноги. Приходилось перебираться и через палые деревья. Теперь уже лыжники отставали от Серого, легко проходившего в мягкой хвое. Время от времени пес останавливался и, помахивая хвостом, поджидал хозяина.

На спуске с пригорка лыжа Грача скользнула под прикрытые лапником ветви, а сам он с трудом устоял на ногах. Прохор Ильич помогал ему выбраться из ловушки, когда из зелени выскочил Серый. Он бежал к людям изо всех сил, высоко взбрасывая над сугробами ноги и боязливо оглядываясь назад.

Прохор Ильич щелкнул предохранителем ружья.

Елочки стояли тихо, настороженно, будто и они чувствовали близкую опасность. Ни одна ветка на них не шелохнулась. Лишь изредка медленно и торжественно падала с них легкая изморозь.

Серый прижался к ногам Прохора Ильича. Сильное тело собаки била дрожь. Пес еле слышно взлаивал, словно жалуясь хозяину, просил прощения за то, что не может идти в чашу.

Грач нагнулся, осматривая собаку.

— Не гляди,— остановил его Прохор Ильич.— Раз не облизывается, стало быть, волк его не попятнал.

Больной зверь был близко, возможно, даже рядом. Казалось, вот-вот из стеснивших лыж-

ников мелких елочек вырвется оскаленная морда волка с замутненным болезнью инстинктом, потерявшего привычный страх перед человеком...

Как ни посылал Прохор Ильич Серого по следу, пес не шел в хвою. Жалобно взвизгивая, жался он к ногам хозяина, готовый принять гнев его, брань, даже удары, только бы не отходить от людей. Серый либо видел, либо учуял больного зверя. Рассчитывать на его помощь было нечего.

— Что ж теперь?— спросил Грач.— Волчи-на где-то рядом.

— То-то что рядом,— тихо ответил наблюдатель.

— Не упускать же его!— подхватил Грач.— Потом ищи да ищи. А по такому снегу он далеко не уйдет.

— Надо взять его,— согласился Прохор Ильич.

После короткой передышки дыхание у него выровнялось. Он хотел двинуться дальше и не смог— мешал прижавшийся к ногам Серый. Дважды отталкивал его Прохор Ильич. И снова пес возвращался к нему, испуганный, дрожащий. Надо было избавиться от бесполезной собаки и идти за зверем самим.

— Домой!— негромко приказал Серому Прохор Ильич.— Кому говорю? Пошел домой! Серый охотно подчинился приказу хозяина и припустил в сторону кордона.

Прохор Ильич и Грач осторожно двинулись по следу, держа ружья повыше, чтобы не задеть за ветви, не выстрелить нечаянно. Скрип снега под лыжами казался громким, как и шорох ветвей, легкое дзеньканье синички в зелени.

Серый пробежал немного. Оглянулся. Хозяина за ним не было. Пес беспокойно кружил на месте, еле слышно взлаивая, рыл ногами снег. Он звал хозяина, звал от опасности, равной которой не было в лесу. А тот упорно не сворачивал, уходил в страшный собаку ельник все глубже...

Пес не выдержал. Сделал несколько неуверенных шагов в сторону, где скрылся Прохор Ильич, и замер с приподнятой передней лапой и чутко настороженными ушами. Призывно таякнул. Еще несколько нерешительных шагов, и Серый помчался догонять хозяина.

Мелколесье становилось все гуще. Хвоя сбилась в сплошную зеленую стену, укрывавшую хворост, кочки и павшие деревца. Все чаще невидимые под зеленью сучья попадали поверх лыж, вжимая их в снег. Освобождая их, приходилось почти не отводить взгляда от ельника, из которого каждое мгновение мог вырваться волк.

Серый сперва неохотно брел за хозяином, потом обогнал его и встал перед лыжами. Ласковый толчок знакомой руки. Пес ошетинился и пошел вперед. Двигался он нерешительно, часто останавливаясь. Поднимая голову, он старательно принюхивался. Все внимание его, слух, зрение были устремлены вперед, к близкой, страшной опасности.

Неожиданно Серый присел, словно готовясь к нападению. Остановился и Прохор Ильич. В лесу было по-прежнему тихо, а пес продолжал стоять все в той же позе. На зарывке его поднялся высокий щетинистый бугор.

Несколько раз пробовал Прохор Ильич послать собаку вперед. Серый не двинулся. А когда наблюдатель слегка подтолкнул его прикладом ружья, пес неожиданно бросился лапами на грудь хозяина, еле слышным поскуливанием, взглядом просил его остановиться, не идти дальше.

Грач молча следил за ними, потом показал рукой Прохору Ильичу: стой здесь, я пойду первым.

Мягко, без шороха отводил он от лица ветви елочек, так же почти беззвучно подтягивал лыжу. Осмотрится, и еще такой же сторожкий шаг, и еще...

Грач остановился. Вытер пот с лица и шеи. Оглянулся.

Прохор Ильич понял его безмолвную просьбу. Он оттолкнул от себя дрожащую собаку и скользнул вперед. Серый метнулся было назад и вернулся, пошел рядом с хозяином, беззвучно скаля зубы на невидимого врага.

Лес редел. Деревья становились крупнее. За ними просвечивала прогалина. Идти стало легче.

Грач вышел на поляну первым. Осмотрелся. Справа высилась старая ель. Пушистые лапы ее крутой зеленой волной падали до земли. На нижних ветвях, лежащих на снегу, свернулся в клубок худой крупный волк; настолько худой, что даже под взъерошенной, клочкастой шерстью четко выделялись полукруглая ребра.

Зверь подышал. Полуприкрытые глаза его были мутны, словно подернуты пленкой, ресницы и покрытая засохшей пеной пасть заиндевели, оттопыренная задняя нога дрожала.

Грач стоял не шевелясь, поджидая Прохора Ильича. Ожесточение, охватившее его во время погони, сразу схлынуло, сменилось желанием поскорее покончить со страданиями зверя.

Наконец-то подошел наблюдатель. За ним виднелся Серый с вздыбленной шерстью и оскаленной, клыкастой пастью. Но грозного в нем ничего не было. Был только страх перед лежащим на лапнике издыхающим зверем.

Грач показал Прохору Ильичу глазами на волка.

— Кончай,— сказал наблюдатель.

Грач поднял ружье. Волк не шевельнулся, не отвел взгляда от наведенного на него темного дула. Лишь оттопыренная в сторону нога задрожала чаще.

Выстрел стряхнул с еловых лап легкие снежинки и с глухими перекатами уходил в глубь леса.

Волк резко выпрямился и, опрокинувшись на спину, часто тряс ногами в воздухе.

— Наделал он мне забот!— Прохор Ильич снял шапку, вытер платком влажную голову, шею.— Ой, наделал!

Рядом с ним Серый сжался в комок, гото-

вый не то к нападению, не то к бегству. Пес знал, что такое выстрел, видел, что волк мертв. Но ужас его перед болезнью был настолько силен, что даже мертвый волк страшил его куда больше, чем живой, могучий, но здоровый хозяин леса — медведь.

3

Прохор Ильич сидел с поникшими, вялыми плечами, не спуская тяжелого взгляда с телефона. Разговор с управлением заповедника был нелегким. Вывод начальства был короток: надо немедленно заняться поиском больных зверей. В мягкости, с какой убеждали Прохора Ильича в необходимости сделать это быстро, ощущалось недоверие — не к нему, а к его возрасту и физическим возможностям. И на помощь особую сейчас рассчитывать нечего. Тревога пойдет по всему заповеднику. Всех поднимут на ноги. Кто знает, откуда появился больной волк? Возможно, и забежал-то он с другого участка? Может, он давно бегает по заповеднику, перекусал десятки зверей? Тут нужны ноги и ноги. С утра и дотемна бегать на лыжах, забираться в чащобы и буреломы, всматриваться в каждый след встречного зверя или зверюшки. Запомнилось Прохору Ильичу, как десять лет назад пристрелил он бешеного барсука. Какой это зверь? А опасность от него была тоже немалая. Больной!

— Ну, я пошел! — перебил его размышления Грач.

Он надел шапку, взял ружье и не двинулся с места.

— Спешешь? — незаметно удержал его Прохор Ильич.

— Утром на смену, — сказал Грач. — Надо отдохнуть.

— Летом шатался по заповеднику днем и ночью, — недовольно проворчал Прохор Ильич. — А тут... отдохнуть надо.

— Так то ж я ради удовольствия, — ответил Грач. — Иной раз заглядишься на какого зверька и про время позабудешь. В устье Зеленоухи, к примеру, третий год утка гнездится. Занятная уточка! Птенцов своих...

— Ты-то как попал туда? — перебил его Прохор Ильич. — К устью Зеленоухи!

— Для интереса.

— Так там же болота. Непролазные.

— Зато и живья всякого в тех болотах! — оживился Грач. — Там тебе и цапля и вальдшнеп. Веришь, нет!.. Впервые в жизни видел выпь на гнезде. Чудная птица. Заметила меня и обмерла. Стала, как коряга.

— Выпь видел? — недоверчиво переспросил Прохор Ильич. — На гнезде?

— А чего ты удивляешься? — оживился Грач. — Есть там взгорбок сухой, песчаный. Так на нем в одной норе живут лиса и барсук. Ходят друг мимо друга и вроде не видят. Потех!

Он увидел мрачное лицо собеседника и смущенно замолк.

Неловкое молчание прервал Прохор Ильич.

— Завтра подаю заявление, — сказал он.

— Заявление? — не понял Грач.

— На пенсию пора.

— С кордона уйдешь? — не поверил Грач.

— Некуда идти, — отрывисто бросил Прохор Ильич. Ушел бы он раньше, честь по чести. А теперь, в такое время, оставить заповедник... — И делать здесь нечего. Негоден стал. Стар.

Он подождал ответа. Грач молчал, задумчиво играя ремнем ружья.

— Что ж молчишь? — не выдержал Прохор Ильич.

— Я бы не ушел, — сказал Грач. — Нипочем не ушел бы.

— Наедет завтра начальство. Бешенство в лесу! Давай ищи больных зверей. А ноги мои... не те.

Грач не умел утешать. Он сочувственно вздохнул и уставился маленькими глазками в какое-то пятнышко на полу.

— Придется уйти отсюда, — повторил, убеждая себя, Прохор Ильич. — Бросить могилку старухи.

— Зачем тебе уходить? — неуверенно возразил Грач. — Домина-то вон какой. Три комматри! Попроси, чтоб оставили тебе одну.

— Оставят! — Прохор Ильич покрутил головой. — Приедет новый наблюдатель... — Он пристально всмотрелся в Грача. — А если тебе заступит на мое место?

— Наблюдателем? — недоверчиво спросил Грач. — А возьмут?

— Время такое. — Прохор Ильич подумал. — На кордон нужен человек... чтобы с первого дня взялся за поиск больного зверя. А где такого найдешь? Второпях-то!

— Меченый я. — Грач потускнел. — Сколько ты на меня писал... В милицию тягали.

— Меченый, — согласился Прохор Ильич и неожиданно повернул беседу: — Значит, знаешь участок. А грехи твои... Заяц вот только... Нехорошо!

— Не брал я зайца, — загорячился Грач. — Отпустить хотел да петлю изорвать. А если уж пошло на откровенность... Знаю я, кто тут петли ставил. Выдавать его не стал, а сказал твердо: брось. И штраф заставил его вернуть мне.

— Ну, вот! — подхватил Прохор Ильич. — Остальное что... рыбка да заход в запретный лес. Завтра приедет директор. Давай потолкуем... Нет, лучше я сам. Надо насчет зайца объяснить, — размышлял вслух Прохор Ильич. — Лучше, конечно, сказать. Чтоб начистоту все было. А то потом выплывет... Как у тебя насчет провинностей? На работе.

— Две благодарности, — ответил Грач. — Да вот... неприятности за заповедник.

Прохор Ильич смотрел на телефон и думал, думал. Можно ли верить Грачу? Не подведет ли? А какой другой человек стал бы забираться ради интереса в гиблые болота, наводить порядок в заповеднике? Кто пошел бы в чащобу за бешеным волком? Такой ни птицу, ни зверье в обиду не даст. И это стало сейчас самым важным, оттеснило тяжелые думы о старости, своей ненужности в лесу, даже о том, под какой крышей придется жить дальше.

И. ИРОШНИКОВА

Мучает меня одна история, точнее, история одной песни. Песня называется непривычно «Гека-томба-41». Действующих лиц в рассказе о ней — двое: Алексей Сазонов — русский. Солдат. И Алекс Кулисевиц — поляк. Автор и исполнитель песен Сопротивления, песен Борьбы и Гнева, таким его знают во многих странах.

Об Алексее Сазонове известно очень немного, лишь то, что осталось в памяти Кулисевица от коротких их встреч.

Что касается Кулисевица, сведения о нем полнее. То, что будет здесь сказано, известно из документов. Из рассказов самого Алекса. Но главным образом из его песен и его стихов. Природа их такова, что они с достоверностью документа воспроизводят атмосферу и обстановку своего времени. А потому обладают и силой воздействия документа. Обладают настолько, что во время исполнения Кулисевицем некоторых его песен в Западной Германии находились слушатели, которые потрясенно требовали от него... доказательств!

ГЕК

1. «ЗАКСЕНХАУЗЕН — ПАМИЕНТНИК ПОЕТИЦКИ»

Так называется книга песен и стихов Кулисевица. В точном переводе слово «памииентник» означает: дневник, мемуары, записки.

Книга эта — часть биографии Кулисевица. Уникальная книга, потому... Впрочем, тут, пожалуй, лучше предоставить слово самому автору:

«...Мои «Конденсаты» (цикл стихов) создавались в условиях, в которых, наверное, никто никогда ничего не творил... В многочасовом приседании с поднятыми вверх руками. В духоте и в аду каменоломни. В условиях, когда апельсина (поверка) длился до бесконечности. Был холерный мороз, люди падали один за другим. Коротал время сочинением полных яда стихов...»¹

Так говорит Кулисевиц во вступительном слове. И добавляет:

«Строфы «Памииентника» были вынесены из Заксенхаузена целиком в памяти. Самый малый клочок бумаги, найденный у тебя, означал смерть. Затравленный, загнанный, забитый, рыл и рыл в мозг каждую черточку, каждую запятую...»

...Кулисевиц был арестован вско-

¹ Переводы польских текстов здесь и далее И. Ирошниковой.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«О БЕЖКИХ ЛЮДЯХ И ЧУВСТВЕ ПОСТОЯНСТВА»

В репортаже «О бежках людях и чувстве постоянства», опубликованном в № 9 журнала «Огонек», речь шла о большой текучести кадров на Ереванском электроламповом заводе: она составляла 28,6 процента. Как сообщил редакции директор завода Г. Енгибарян, в коллективе предприятия состоялось обсуждение репортажа. В ближайшее время, пишет директор, на заводе будет предпринят ряд мер, направленных на снижение текучести: улучшение условий труда и отдыха рабочих, увеличение мест в детских дошкольных учреждениях.

«Расширена сфера действия общественной комиссии по увольнению рабочих кадров, которая разбирает каждый случай увольнения и оперативным вмешательством предотвращает необоснованное увольнение. В результате внедренных мероприятий текучесть рабочих кадров в 1972 году по сравнению с 1971 годом сократилась на 20 процентов», — сообщается в письме. План социального развития коллектива на 1973—1975 годы предусматривает дальнейшее улучшение условий труда и быта рабочих и повышение культуры производства.

ре после вторжения гитлеровских войск в Польшу. И заключен в Заксенхаузен — превентивно, как... «опасный для Германской империи журналист». Собственно, журналистом он не был. Лишь печатался иногда на страницах прогрессивных молодежных изданий — видимо, это и решило его судьбу.

В предвоенные годы он был студентом, изучал право. Должен был бы впоследствии стать магистром права. Мог бы стать дипломатом. Мог бы... Впрочем, что же гадать! Человек одаренный, человек разносторонних возможностей. И увлекающийся к тому же.

В студенческие годы он снимался под псевдонимом Алекс Алликула в польских, австрийских, венгерских фильмах. Вечерами пел за «мелкие деньги» в варьете «Пустячок» — было такое до войны в Кракове. Пел интимные модные романсы — «шлягеры».

Эта последняя ночь и твои огромные глаза запечатались в моей памяти твоим именем навсегда...

У него был приятный камерный голос, располагающая внешность. Он был искренним, романтичным. Были у него свои поклонники и поклонницы, почитатели и почитательницы.

...В Заксенхаузене Кулисевиц пробыл без малого шесть лет. В числе 45 тысяч узников его в се-

ленно: мощная, осовелая, ленивая».

Так вспоминает об этом «марше» Алекс Кулисевиц в своем комментарии к стихотворению «Агония».

Первого мая 1945 года советские танки перерезали дорогу Ораниенбург — Шверин. И освободили тех, кто еще был жив. Алекса Кулисевица в их числе.

Состояние его было тяжелым. Он лежал в госпитале, и врачи не могли поручиться за то, что он останется жив. Они делали все, что было в их силах, внушая ему при этом, что спасение зависит от него самого. Отрешиться от того, что пережито, не думать, не вспоминать — в этом его спасение. Как будто это было возможно — не вспоминать!

Ему действительно было очень плохо в ту пору, Алексу. Смерть кружила над ним. И, явственно ощущая это, он думал прежде всего о том, что должен был любой ценой оставить здесь на земле: свое и чужое, доверенное ему.

Они приходили к нему в лагере, его товарищи по судьбе: чехи, поляки, немцы, узники, как и он. Спрашивали: «Алекс, найдешь для меня местечко в своем архиве?» Слух о его необычной памяти ходил по лагерю.

Обреченцы! Смертники! Точно знавшие, что не сегодня-завтра

Она пела это на мотив известной детям всех наций песни о сером козлике, и голосок ее грустно звенел у него в ушах.

Эти строки, кое-как нацарапанные на грязном клочке бумаги, подруги Эльжуни нашли в кармане ее полосатого узничного платья. Разобрать удалось лишь эту строфу — остальное было залито кровью. Алексу рассказал об этом узник-поляк, которого привезли из Равенсбрюка. «Запомни, Алекс!»

Мог он унести с собой это?!

А «Хорал из ада» — песня его друга Леонарда, молодого поэта и журналиста из Варшавы?!

Леонард работал санитаром в лагерной больнице — ревире. (Многие были ему обязаны жизнью.) На глазах Леонарда врачи-эсэсманы проводили эксперименты на узниках. На советских военнопленных прежде других. Вызывали тяжелое заражение крови, зашивая в открытые раны и сделанные специально глубокие надрезы плесневелые тряпки, навоз. Отрабатывали дозы быстро отравляющих газов. Вызывали ожоги с помощью боевых газов, иприта в том числе, проверяли действие различных медикаментов.

Слушайте наш хорал! Слушайте наш хорал! Со дна ада! — так писал Леонард.

Пусть хорал звучит в ушах наших палачей...

Я тороплюсь, мне пора на газ. Нас было десять братьев, мы никому не причинили зла. Из десяти я остался один. С кем мне плакать теперь? Послушайте мою последнюю песню, скоро меня уведут на газ...

Он пел в блоке. И его слушали чехи, поляки, немцы... Эта песня была и о них. А потом Росбери подошел к Алексу, взял его за руки и сказал громко, так, чтоб слышали все: «Алекс, хотя ты и не еврей, запомни: если выживешь, должен петь мою песню повсюду до конца своих дней. Иначе ты не умрешь спокойно...»

Мог он унести эту песню с собой?!

А стихотворение «Сухотникам» («Чохоточным»), написанное Алексом по последнему желанию людей, «которые имели в запасе всего несколько десятков минут жизни». Вот как это было:

...Февраль 45-го года. Красная Армия стремительно приближается к Берлину. Комендант лагеря Антон Кайндл получает приказ Гиммлера: уничтожить лагерь. Начинается массовое истребление узников. «До конца марта удалось уничтожить 5 тысяч заключенных...» — показывает на процессе Кайндл. В числе уничтоженных — несколько сот молодых поляков, подозреваемых в заболевании туберкулезом.

АТОМБА-41

редине апреля 1945 года вывели под конвоем из ворот Заксенхаузена.

«Я приказал отправить заключенных походной колонной сначала в направлении на Виттшток, затем на Любен, чтобы там погрузить на корабли и, как это было приказано, утопить их...» — так показал на процессе по делу о преступлениях, совершенных в Заксенхаузене, бывший комендант лагеря, штандартенфюрер Антон Кайндл.

«45 000 заключенных нашего лагеря не были утоплены не потому, что этого не хотело лагерное руководство, а потому, что быстрое продвижение Красной Армии помешало нам сделать это...» — так показал на том же процессе начальник лагеря Август Хен.

Десять дней длился этот марш Смерти. Более 20 тысяч узников остались на его трассе. А те, кто еще оставался жив... «...В лесу под Виттштоком нас окружили колючей проволокой, 20 тысяч оставшихся — мужчин и женщин. Пять дней не давали нам есть ни грамма. Вообще-то позволено нам было подыхать. Эсэсманы¹ объявили: «Делайте, что хотите...» Кора деревьев была обглодана людьми на высоте 40—50 сантиметров: так высоко, как мог достать зубами умирающий человек. Некоторые теряли разум в болезненных пароксизмах голода... Ужас неотвратимый... Смерть нарастала мед-

конец, они хотели оставить след по себе. И несли ему, Алексу, единственное, чем владели еще: слово. Песню.

«Имеешь местечко в своем архиве?!» Мог он им отказать?

«Диктуй», — говорил Алекс. И закрывал глаза. И заставлял себя видеть бумагу. Лист хорошей, белой, писчей бумаги. И «наносил» на этот лист то, что они диктовали ему. «Наносил» по-польски, на каком языке бы ни диктовали. Пусть неточно, пусть приблизительно, но по-польски, легче было запомнить. А потом «отрабатывал» перевод, вышептывая себе эти строки до тех пор, пока все услышанное не входило накрепко в память.

Вот теперь они и теснились в его памяти, эти строки и строфы, которые он не смел унести с собой. Оживали в бредовых видениях, лишали сна.

...Эльжуна — маленькая узница Равенсбрюка. Алекс никогда не видел ее. Но она появлялась теперь у его постели, напевала ему тихонько:

Була соби раз Эльжуна,
Умирала сама,
Бо ей ойцец в Освенцими,
На Майданне мама...

И рефреном:
Здесь гибнут люди, гибнут люди!

Мелодию должен был подобрать Алекс. Леонард верил, что мир услышит когда-нибудь это. Услышит и содрогнется. Алекс запомнил слова и подобрал мелодию. И не раз исполнял эту песню в блоках, перед узниками. Но самому Леонарду не довелось услышать этого. Он слишком много знал. Эсэсманы заставили Леонарда повеситься. Мы не знаем, как это произошло с Леонардом. Но знаем, как происходило с другими. Об этом рассказывал на процессе лагеря Заксенхаузен бывший блокфюрер Вильгельм Шуберт, один из кровавейших лагерных палачей: «...Так точно, я приказал одному польскому заключенному повеситься. Для чего я дал ему веревку, молоток и гвоздь, запер его в маленькую комнату и сказал ему, что буду мучить его самым ужасным образом, если он сам не повесится... Повесился! В течение получаса...»

...А песня, которую доверил Алексу Росбери Даргута — композитор... Организатор рабочих хоров в Берлине. Еврей. Он знал, что его ожидает смерть, и написал свою «Песню смерти», переделав известную в довоенной Польше «Песню о десяти братьях».

Послушайте мою последнюю песню.

«Рано утром путался я вокруг ревира, чтобы что-то вынюхать, — рассказывает Алекс в своем примечании к этому стихотворению. — И вижу, протянул ко мне руки один из предназначенных для пещей, Лешек Комарницкий из Варшавы. И шепчет: «Алекс! Ты всегда что-то поешь или сочиняешь стихи. Напиши нам сейчас. Напиши что-нибудь. Имеем самое большее пятнадцать минут...» У меня перехватило дыхание. Я смотрел в глаза человеку, который был еще жив, но знал, что пройдут минуты, и он сгорит в печах крематория... А Лешек сунул мне острый карандаш и повторил: «Пиши!»

И Алекс написал им, идущим на смерть, им, из которых многим едва минуло семнадцать, написал, что Польша с ними, до их последней минуты. Что запомнит Польша их имена...

Думаю, это были именно те слова, которые им хотелось услышать. Теперь они могли хотя бы надеяться: смерть их не пройдет незамеченной. И не останется безвестной...

Какою оказалась судьба оригинала тех торопливых строк, набросанных Алексом наспех, на ходу, на измятом клочке бумаги? Может быть, сгорел вместе с ними? Может, затерялся среди

¹ В Польше так называют эсэсовцев.

тряпья, которое было с них содрано?

«Текст этот вонзился в мозг на всю жизнь...» — пишет Алекс.

Так мог ли он унести с собой эти строки, строфы, страницы? Эту летопись, эту память, этот обвинительный акт, какого еще не знала история!..

Алекс потребовал машинистку. В госпиталь, в палату, прямо к больничной койке — кто мог бы отказать обреченному! А «обреченный» лихорадочно диктовал, делая перерывы лишь тогда, когда у машинистки немели пальцы. 417 страниц машинописного текста.

«Он торопится к своей гибели...» — утверждали врачи. Они ошибались. В этом оказалось его спасение.

2. ОСТАЕТСЯ СЛОВО...

«Когда кулаки бессильны, остается еще мозг и слово...» — так говорит Алекс. В лагере у них оставалось слово. Товарищи Алекса по заключению, те, с кем он не был близок, считали его помешанным, потому что он все время бормотал что-то. Копал землю и — бормотал. Держал сапог эсэсмана в руке — одно время он работал на обувной фабрике — и бормотал... Эсэсманы приглядывались к нему. И кто-нибудь обязательно стучал себя по лбу пальцем: «Тронулся!» А он просто старался «загнать в память» то, чему был свидетелем. Что пережил. Хотел сохранить в себе «документ»...

Таким документом стало слово. Превращенное в песню. В строки стихов.

В Заксенхаузене, в одной империи, стоит город живых во гробах.

Глухие домики, в которых поживает смерть...

Алекс пел свои и чужие песни. Те, что когда-то знал. И те, что были доверены ему здесь, в лагере. Пел где придется, где безопаснее, куда приведут товарищи. В блоках, своем и чужих. А для людей, особо доверенных, — на верхнем этаже нар. Под самым небом, по которому, это было видно сквозь щели, «кружили чуткие гитлеровские прожекторы»... Пел и в прачечной. И на складе шухфабрик — обувной фабрики. Пел вечерами, ночами, когда эсэсманов не было в лагере. Пел по-польски. А чтоб было понятно не только полякам, подключал жест, мимику, мелодии других народов. Пел. И читал стихи.

Нас не спрашивали: были или не были мы виновны,
И мы не будем спрашивать.
Нас не спрашивали: мокро тебе, если в лицо плюнуть?
Больно тебе, когда бьют?
И мы не будем спрашивать.
Нас не спрашивали: сколько лет тебе — четырнадцать или шестьдесят четыре?
Плачет ли по тебе мать?
Ожидает ли ребенка твоя жена?
Нищенствуют ли твои дети?
Разграблен ли твой дом?
И мы не будем спрашивать!..

Много позже, включая это стихотворение в «Памиентник», Алекс напишет в примечании: «Мы-то спрашивали! И Гесса, и Коха, и даже Эйхмана».

Это стихотворение — оно называлось кратко «Нет!» — знали в лагере. Его переводили чехи, итальянцы, норвежцы. С транспортом узников оно путешествовало по другим лагерям: след его обнаружился в Майданеке, в Освенциме... Видно, стало оно не только для Алекса «выражением концентрированной ненависти, которую носил в себе годы... Своего рода психологической разгрузкой в безоружных, горьких словах...».

Многие песни, родившиеся в Заксенхаузене, Алекс пел на мелодии «шлягеров», которые исполнял когда-то в различных варьете. Были эти мелодии привычными и не привлекали внимания тех, чье внимание не должны были привлекать. В памяти прочно обосновались те слова, прежние, и не так легко было

Поет Алекс Кулисевиц.

прослушать за ними иные, нынешние.

«В лагере я защищался песней», — сказал мне однажды Алекс. А в предисловии к «Памиентнику» написал: «Только это позволяло выдержать: сознание, что борюсь, что нужен еще кому-то. Что живет и со дня на день разрастается во мне поэтический осьминог нашей ненависти...»

О том, как Алекс пел в Заксенхаузене, рассказывали мне его товарищи тех времен. В частности, Андрей Александрович Сарапкин.

Впервые Сарапкин услышал Алекса в блоке зимой сорок третьего года. Но, думаю, прежде надо бы рассказать, как через много лет после войны его вновь свела с Кулисевицем песня. Это произошло в 1966 году. По приглашению немецких антифашистов Сарапкин был в Западном Берлине. И вот вечером, включив радиолу у себя в номере, услышал песню — она показалась ему до потрясения знакомой. Собственно, даже не слова, не мелодия — голос. Мягкий, чуть приглушенный, с едва уловимой хрипотцой. С интонациями, которые могли принадлежать лишь одному человеку, потому что только тот человек мог петь эту песню так, как слышал ее когда-то Сарапкин. Голос этот проникал во все его клетки, вызывая в них давнюю, почти позабытую боль. Нарастая и нарастая, эта боль словно бы возвращала его в прошлое.

И не было уже его нынешнего — поседевшего, но не сдавшегося, уважаемого человека, представителя авторитетных организаций своей страны, которого встречали на аэродроме представители авторитетных местных организаций. Не было «герра Сарапкина», чемодан которого услужливо принял из его рук портье первоклассного отеля в Западном Берлине. Да и отеля не было. Была душная полутьма барака, клубившаяся вокруг него. Тишина, наполненная тяжелым дыханием тесно сгрудившихся людей. Приглушенный и хриловатый голос и эти неповторимые интонации.

Когда Андрей Александрович пришел в себя, в номере звучала другая музыка. Наутро старый товарищ Сарапкина по Заксенхаузену, которому он осторожно рассказал о том, что ему привиделось, принес Андрею Александровичу выпущенную западногерманской фирмой пластинку. «Песни расстрелянного русского солдата Алексея Сазонова в исполнении Алекса Кулисевица» — значилось на ней.

А теперь о том, как Сарапкин впервые услышал Алекса. Все было именно так, как ему привиделось: душная полутьма барака, тишина, наполненная тяжелым дыханием тесно сгрудившихся людей. Алекс пел польские народные песни, но чувствовалось, что люди напряженно ожидают чего-то. И Алекс неожиданно запел:

Такой страшно уважаемый
С таким страшно луженым
фюререк
горлом...

Он пел, отстукивая костяшками пальцев по деревянным стойкам нар, пел в Заксенхаузене, предместье Берлина. И каждая пропетая им строка могла привести его на виселицу.

— Об этом рассказать невозможно. Невозможно представить это себе, — повторял Сарапкин. — Человек весит ну не более 35 килограммов. Вот уж истинно: кости да серая, как земля, кожа. Еле передвигает ноги. Кажется, подуй — упадет... А он издевается над Гитлером. Он поет, что нам, узникам, «не вольно смерти хотеть!» И требует — да, вот именно требует: «Ввысь сердца и вверх кулаки...»

Откуда у него сила? Такой была моя первая мысль, — рассказывает Сарапкин. — А вторая: если он, этот доходяга, может, значит, и я могу! — И помедлив: — Он ведь пел, понимаете, о том, что скованное, придавленное, но теплится в каждом из нас.

«Откуда у него сила?» В самом деле, откуда? Особенно если знать, что Алекс был одно время полуслепым. Приписанный к собачьей команде, он от собак заразился какой-то болезнью глаз. И знал, что, если болезнь затянется и ее не удастся скрыть, — пойдет в крематорий. Знал. А пел о том, что свобода — впереди.

Они были очень различными — песни, которые пел Алекс. Он считал: невозможно фиксировать все время внимание на том, что их окружает. Пусть и ненавидя, пусть восстаивая.. Слабого могла сломить безнадежность. Песня должна быть разной. И такой, чтобы, слушая, можно было хоть в

этот миг позабыть о действительности. И такой, чтобы пробуждать надежду.

За седьмой горой, за семью
реками,
Далено-далено мы встретимся.
Разыщу я тебя, единственную
мою,
И не будет меж нами колючей
провода...

«Песней хотелось сохранить в себе и в других человеческое», — говорит Алекс.

Как же мало мы представляем себе еще роль, значение и воздействие поэтического слова! Силу его, защитную, наступательную, особенно в страшной действительности гитлеровских концлагерей. Ведь не случайно же в одном только Заксенхаузене было создано множество песен. И множество стихов. Разных!

Стихи и песни Подполья, Сопротивления, Бунта, Горечи, Гнева... Лирические, интимные.

Песни, стихи — они передавались из блока в блок. Взаимно переводимые, звучали на многих языках. С транспортом узников попадали в другие лагеря. Функции их были многозначны и многомерны.

Вот, например, история одного из стихотворений Кулисевица, написанного в октябре 41-го года.

В годы тридцать девятый — сорок первый узниками Заксенхаузена, кроме немцев-антифашистов, были в основном чехи и поляки.

«...Мы были предоставлены самим себе, — рассказывал Кулисевиц, — и могли, пожалуй, впервые в истории установить между собой искренние, сердечные отношения...»

В лагере возникла тайная группа, или секция, польско-чешского сближения. Одним из ее создателей и руководителей был Антонин Запотоцкий, впоследствии президент Чехословацкой республики.

В октябре 41-го года секция приняла резолюцию, в которой говорилось, что задачи ее распространяются на все славянские народы, представленные в Заксенхаузене. «...Ни один из них не есть хуже. Ни один из них не есть лучше — отвергаем такой антагонизм.

В свободной Польше и в свободной Чехословакии, поскольку таким было бы их государственное устройство, продемонстрируем сплоченность, возникшую в таких трагических обстоятельствах. Должна она быть примером для созидательных начинаний государственных, предостережением для шовинистов, дорогим завещанием для наших детей.

Концентрационный лагерь обаяет нас сильнее, чем тысяча печатей и тысяча дипломатических документов.

Пусть узнает история наши скромные усилия, служащие доказательством того, что хотим жить, помогать друг другу, терять и находить вместе.

Пусть узнает история! И вот стихотворение Кулисевица «Манифест»:

Идем, как равные к равным.
Никто из нас не значит больше.
Никто из нас не значит меньше.
Перед лицом трезвости
и силы наказа
Пойдемте вместе...

Это стихотворение включено Алексом в цикл, объединенный общим названием «Лозунги». Строки его и впрямь сохраняют краткость и четкость лозунга. Не раскрывая того, что стоит за ними, они предельно ясно выража-

ют основную идею, основную задачу дня.

3. «ОТЧАЯНИЕ БЫЛО БЫ КАПИТУЛЯЦИЕЙ...»

Мне хотелось рассказать о Кулисевице так, чтоб читающий эти строки мог бы зрительно представить его себе. Но, наверное, это почти непосильная задача, потому что нет в его облике ничего характерного, броского, такого, на чем задержалось бы внимание. Внешне он ничем не примечательный человек, сохранивший молодую легкость движений, не утяжеленный годами, пережитым облик. Только глаза выдают это. Подкупает его манера держаться. Угадывается за ней душевная мягкость — незащищенность души. Говорить с ним легко и трудно. Он мгновенно улавливает твою недосказанную мысль. Движение чувств...

Есть у Алекса один характерный жест: среди разговора он вдруг вынимает из кармашка часы, быстрым, почти неуловимым движением прикладывает к уху и слушает напряженно, отключившись в этот миг от всего. Проверяет часы? Проверяет слух?..

Вот, пожалуй, и все, что удалось уловить в его внешнем облике. А внутренне — он весь на виду, Алекс, в песнях своих. И в своих стихах.

Стихотворение «Когда вернуться». Было оно написано, не написано — вышептано в мае сорок первого года. «...Бормотал его своим товарищам по беде, маршируя в команде после тяжелого дня работы, — говорит Алекс. — Бормотал его для себя в тяжелейшие минуты. Трудно было загрузить его в памяти, было оно холерно длинным...»

Есть в нем такие строки:
Коверкотовый плащ. Ноги,
изможденные голодом. И
усмешка, из которой смотрит
война лоскутами линялых слез.
Таков — я.
Каторжник. Герой
концентрационных лагерей.
Некий кандидат на некоего пана
Великомученика...
...Взгромоздиться, быть может,
над охваченной триумфом
улицей,
чтобы говорить и говорить
о себе,
о том, что гроза сожрала мои
легкие.
Что кулак учил меня памяти...
Нет!..
Засесть за стол, разрезать
буханку свежего хлеба,
Намазать маслом, медом.
С дороги приласкать жену.
Перекреститься и — начать
сначала?
Нет!
Когда вернуться и ежели вернуться,
я не пойду домой.
Прежде измученные руки мои
заплатят, наконец, за все...

В этом — кредо «малого Алекса из блока 8», его клятва перед лицом будущего. Одержимый боязнью забвения того, что произошло с человечеством в середине двадцатого века, чему сам был свидетелем и жертвой, свято веря, что память — это гарантия, он хранит эту память.

И как последний штрих — строки из письма Алекса: «Однако я становлюсь все слабее. А наихудшее — то, что гложу. Перехожу на ту сторону реки, где замолкнет каждая птица, каждый шест. Стараюсь не мыслить об этом. Отречение, отчаяние были бы капитуляцией. Я должен бороться тем, что у меня осталось...»

Вот и все об Алексее Кулисевице. А теперь — об Алексее Сазонове.

(Окончание следует.)

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИВАНА ИВАНОВИЧА ПУЩИНА

БЕСЦЕННАЯ ДРУЖБА

Еще с юной поры мы помним имя и фамилию того, кого Пушкин назвал, и тем навсегда запечатлел в памяти потомков, своим «первым другом, другом бесценным»:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

Я всякий раз вспоминаю эти стихи с неизменным чувством восхищения — и не только их поэтическим совершенством. Может быть, кому-то из моих современников покажется не особенно важным эпизод из жизни Пушкина, относящийся к раннему январскому утру 1825 года, когда во двор михайловской усадьбы «вломилась с маху в притворенные ворота при громе колокольчика» сани, в которых сидел лицейский товарищ поэта Иван Иванович Пущин. Конечно, на первый взгляд, ничего особенного — приехал человек к давнему своему приятелю. Но ведь надо помнить, что Пушкин находился в ссылке, и более того — за ним был установлен негласный домашний надзор, и всякий, открыто заявивший о своей близости с опальным, мог навлечь на себя неудовольствие высших властей и самодержца России. Впрочем, что было блестяще образованному, светскому, из старинного сановного рода молодому человеку это «неудовольствие», если он сам через год оказался не только в опале, а прямо в числе опаснейших государственных преступников, замесливших социальное и политическое переустройство общества, в числе тех, кто, по словам декабриста Якушкина, «ушли на сто лет вперед» от современного им общественного развития!..

Иван Иванович Пущин родился 15 мая 1798 года. Отец, серьезность которого «внедрилась» в память детей (а их было в семье русского вельможи 12 душ), дал неплохое домашнее «научное воспитание» своим сыновьям и дочерям. Адмирал русского флота, дед будущего декабриста, Петр Иванович Пущин определил своего любимого внука, едва ему исполнилось 13 лет, в только что открывшийся Царскосельский лицей. Всякому,

кто так или иначе прикасался к биографии Пушкина, известна обстановка первых лет существования этого привилегированного учебного заведения. Несмотря на проказы и мальчишеские шалости в «садах Лицея», воспитанники и на занятиях проявляли не меньше энтузиазма: они с жадностью ловили каждое слово профессора политической экономии и нравственных наук А. П. Куницына, с любопытством слушали лекции по словесности «старомодного, но разностороннего» Кошанского и других. Поддерживал вольнолюбивый дух своих питомцев и первый директор лицея В. Ф. Малиновский. Известно, какую силу сохранили для Пушкина лицейские годы; с них началась сознательная его жизнь поэта-гражданина, как отмечают почти все биографы поэта.

То же самое можно сказать и почти о каждом из выпускников 1817 года... Иван Иванович Пущин выделялся среди товарищей честностью, прямоотой и «рано развившимся чувством гражданского долга», желанием принести пользу соотечественникам всей своей жизнью. Это и завлекло его тотчас по выходе из лицея в Тайное общество. Жизнь принесла ему немало испытаний, но мужество и вера, отличавшие многих участников декабрьского восстания, дали ему силу перенести все, что приготовила судьба «во глубине сибирских руд». Доказательство тому — многочисленные письма к родным, друзьям и особенно — последнему для их выпуска директору лицея, Е. А. Энгельгардту, показывающие недюжинную натуру, которую не могло сломить ничто. Есть свидетельства, что и во время восстания и много после И. И. Пущин сохранял хладнокровие и спокойствие человека, уверенного в правоте избранного им пути. Это он вслед за Рылевым благословил Каховского на убийство самого царя. Это он всю жизнь сохранял позиции последовательного антикрепостничества. И это ему, как одному из многих представителей передовых русских людей девятнадцатого века, обязаны поколения революционеров России...

Мы же благодарны Ивану Ивановичу Пущину еще и за то, что, «храня святые узы дружбы», он запечатлел в слове лицейские годы и дни нашего Пушкина, так живо нарисовал михайловское одиночество

поэта, донес до нас обаятельный, естественный, не приукрашенный «хрестоматийным глянецом» образ. Наверно, не одно поколение читало и будет еще читать захватывающий рассказ о любимом поэте, будет сопереживать волнению, охватившее друзей при их последней в жизни встрече, «усладившей изгнания день печальный» и превратившей этот день «в день Лицея»!

«Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засели в снегу нерасчищенного двора... Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило. Высканиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Смотрю друг на друга, целуемся, молчим! Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал об заиндевевшей шубе и шапке.

Было около восьми часов утра. Не знаю, что делалось. Прибежавшая старуха застала нас в объятиях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом: один — почти голый, другой — весь забросанный снегом. Наконец, пробила слеза (она и теперь, через тридцать три года, мешает писать в очках) — мы очнулись. Совестно стало перед этой женщиной, впрочем, она все поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это добрая его няня, столько раз им воспеваемая, — чуть не задушил ее в объятиях...»

Небольшие по объему «Записки о Пушкине» И. И. Пущина по праву входят в золотой фонд русской мемуарной литературы...

Конечно, людям свойственно переоценивать значение того или иного события в жизни любимого человека. Но как не зажечь мыслью, что, может быть, именно посещение в начале 1825 года Михайловского Пущиным и вслед за тем Дельвигом вызвало высочайшее вдохновение Пушкина, подарившего миру в те дни и месяцы такие неувядаемые шедевры, как «Роняет лес багряный свой убор», «Андрей Шенье», «Граф Нулин»... Да, ничего нет на свете, наверно, священнее, чем узы товарищества, соединяющие людей всю жизнь — и даже после смерти одного из них. И, может, поэтому еще со школьной скамьи уносим мы в сердце имя выдающегося сына нашего Отечества Ивана Ивановича Пущина.

Борис ПРИМЕРОВ

БОГАТЫРИ

*«Народ бессмертен, и бессмертен
поэт, чьи песни трепет сердца его
народа».*

М. Горький.

Тяжко гудит степь под копытами могучих коней. Полдень. За синей грядой холмов-великанов блеснула зарница. Ударил гром. Жаркий ветер разметал косматые конские гривы. Положил, примял седой ковыль. Тронул с места белоснежные громады туч. Богатырская застава... Ни врагу, ни зверю не пройти, птице не пролететь.

Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович. Богатыри... Бескрайняя степь раскинулась перед ними. Почему насуплены густые брови Ильи? Куда так пристально глядят витязи? Что зрят они? Не будем гадать... Подъял мощную длань старый казак Илья Муромец, вонзил орлиный взор в неведомую даль. Тронул из ножен широкий меч Добрыня. Приготовил каленую стрелу Алеша.

Гордо застыли степные орлы на седых камнях, венчающих древние курганы. Клубятся свинцовые грозовые облака. Дрожат молодые побеги елей... Еще миг — и тронет поводья Муромец. Зазвенит меч Добрыня, и запоем стрела, пущенная рукою Алеши. Грянет бой!

Миг покоя... Он напряжен, как тетива лука. Только кровавый глаз неистового Бурушки, коня Ильи Муромца, показывает, какого напряжения стоит это минутное ожидание, это кажущееся спокойствие... Неодолимая, страшная сила запрятана, закована в эти мгновения перед сечью. Добродушны, простосердечны богатыри. Они бы рады решить все миром. Не проливать ничьей крови. Но обид нельзя прощать. Нельзя потакать врагу.

Парит орел над курганом. Гортанно бормочет уходящий за увалы гром. Лязгает стальное стремя... Не выдержал, звонко заржал конь Добрыня. Мерно дышит земля.

Богатыри... Вот они во всем величии затаенной силы. Беспредельной мощи, удивительной верой в правое дело. Былинные, вечные.

Такими их создал художник Виктор Михайлович Васнецов. Почти век прошел с тех пор, как в далеком Париже, в миг острой тоски по Отчизне, в считанные минуты, на глазах ошеломленного Поленова художник написал эскиз будущего шедевра. Это было прозрение, и большой живописец Поленов понял, что присутствует при рождении картины небывалой.

— Что, полюбился эскиз? Возьми, — промолвил Васнецов, протягивая небольшой холст другу.

— Спасибо. Но после того, как напишешь картину, — ответил Поленов.

Так, на чужбине, в парижской студии, начали свою вечную жизнь «Богатыри». Пройдет без малого четверть века; много испытаний предстоит преодолеть автору будущего полотна, но наконец настанет миг, когда великий труд будет окончен и картина придет к людям.

Виктор Васнецов... Огромный, неоценимый его вклад в сокровищницу русской культуры. Ему одному принадлежит слава открытия в нашей живописи волшебного мира былин, сказок, преданий. Это он широко распахнул двери мечте.

Глядя сегодня на полотна «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова» Сурикова, или на «Грачи прилетели» Саврасова, или на «Вечерний звон», «Золотую осень» Левитана, мы воспринимаем это как нечто вечное, существовавшее всегда с нами и внутри нас. Однако была пора, когда авторы этих шедевров испытывали невероятные тяготы, боролись и не всегда побеждали. Они были подобны первопроезжцам, открывавшим новые земли. Таким Колумбом мечты в русской живописи был Васнецов.

Казалось бы, что представляют собою скромные по цвету, уравновешенные по композиции, в общем, как сейчас любят говорить, старомодные полотна Васнецова? Страницы истории живописи? Ведь сам мастер говорил о себе:

— Я художник девятнадцатого века. В новом веке — новые песни, и я едва ли теперь сумею их спеть. Хорошо, если я смогу показать, что чувствовал и чем жил в своем веке!

И, однако, пойдите в Третьяковскую галерею. Загляните в зал Виктора Васнецова и побудьте там хотя бы полчаса. Вас поразит магнетическая сила холстов живописца. Вы увидите сложнейшую гамму чувств, пробуждаемую в людях самых разных возрастов, от шустрых тонконогих девушек в джинсах до солидных, неторопливых посетителей, вооруженных записными книжками, фотоаппаратами и терпением. Все они, эти люди двадцатого века, уставшие от неодолимого потока изобразительной информации, захлестывающей каждую свободную

минуту, — телевидения, кино, фотографии, — все они всматриваются в картины Васнецова, будто увидели что-то давно знакомое, родное. Люди подолгу простаивают у совсем с первого взгляда незамысловатых и никак не блистательных полотен «Аленушка» или «Богатыри», о чем-то шепчутся друг с другом и уходят с лицами радостными, просветленными.

Мечта... Она так нужна в век электроники, телемеханики, кибернетики. Васнецов принес нам из далекого далека дух русской старины, былины, сказки. Кажется, что творения художника вечно были с нами, так близки становятся они с первого свидания, так они поистине народные, доступны, достоверны.

А ведь всего век тому назад ничего подобного во всей истории русского искусства не было, и рождение этих, как теперь ясно, столь необходимых и хрестоматийных картин было нелегким, а порою драматичным. Как, впрочем, почти любые роды.

«Во мне нет ничего исторического, — говорил Виктор Васнецов. — Я только хочу сохранить родную старину, какой она живет в поэтическом мире народа: в былинах о трех богатырях, в песне о вещем Олеге, в сказке об Аленушке. Может быть, это сентиментально, но таким меня уж возьмите».

Принадлежность делу народному. Сокровенная связь с ним. Васнецов, как никто, принадлежал к самой глубинке России. Вот слова, в которых особо остро и проникновенно звучит его любовь к Родине:

«Мне было радостно в полной мере ощутить эту неразрывную связь с моим народом. Эту радость я испытал на открытии на Страстной площади памятника Пушкину. С необычайной глубиной и отчетливостью я ощутил, что я пусть маленькая, но неотъемлемая часть того великого, чем являются для нас и Пушкин и стоящие у подножия его памятника Тургенев и Достоевский...»

Скромность художника не поза, «не уничижение паче гордости». Васнецов — человек бесконечно сильный и талантливый. Застенчивый и простодушный. Он увлекался, влюблялся в свой замысел. Искал, мучился, радовался.

«Автопортрет»... 1873 год. Ровно век тому назад написан этот холст. Автору двадцать пять лет. Всмотритесь в репродукцию, помещенную на обложке нашего журнала.

Строго, немного грустно глядит на нас молодой человек. Русые волосы обрамляют худощавое лицо. Резко обозначились желваки у острых скул. Впалые щеки бледны. Но это не означает немощь или вялость. Нет. Молодой витязь силен. Это ему сказал Савва Мамонтов: «Если бы ты не был художником, из тебя бы вышел славный молотобоец». Виктор Васнецов был один из тех своеобразных провинциалов, приехавших в Петербург, о которых писал Репин:

«Теперь, обедая в кухмистерских и сходясь с учащеюся молодежью, я с удовольствием вижу, что это уже не щеголеватые студенты, имеющие прекрасные манеры и фразисто громко говорящие, — это... мужички дети, не умеющие связать порядочно пару слов, но это люди с глубокой душой, люди, серьезно относящиеся к жизни и самобытно развивающиеся. Вся эта ватага бредет на каникулы домой пешком, да в III классе (как в раю), идут в свои... избы и много, много порасскажут своим родичам и знакомым, которые их поймут, поверят им и, в случае беды, не выдадут; тут будет поддержка. Вот почему художнику уже нечего держаться Петербурга, где, более чем где-нибудь, народ раб, а общество перепутанное, старое, отживающее; там нет форм народного интереса».

Выросший в далекой вятской глуши, юноша принес с собою свой, особый мир образов — цельный, яркий, самоцветный. Но первые касания Васнецова с казенным, холодным, неприветливым городом заставили его замкнуться. Нужда первых лет учебы еще сильнее углубила природную застенчивость. Но его нельзя было назвать робким. Достаточно взглянуть в крупные черты его лица, чтобы обнаружить недюжинный характер и волю. А воля была нужна. Тысячи искушений вставали на дороге будущего художника.

Дидро писал в 1773 году: «Что касается до высокоталантливого человека, то он так мало владеет собою, что он и сам не знает, что и как он делает; и вот почему академии почти задушают людей этого склада: они подчиняют их наперед определенной задаче...»

Эти слова французского философа, сказанные ровно за век до создания «Автопортрета», остались верны и действенны. Академия, сто-

В. Васнецов. ТРИ ЦАРЕВНЫ ПОДЗЕМНОГО ЦАРСТВА. 1879.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Васнецов. ПОСЛЕ ПОБОИЩА ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА С ПОЛОВЦАМИ. 1880.

Государственная Третьяковская галерея.

На развороте вкладки: **БОГАТЫРИ. 1881—1898.**

БАЯН. 1910.

Государственный Русский музей.

В. Васнецов. АЛЕНУШКА. 1881.

В. Васнецов. КОВЕР-САМОЛЕТ. 1880.

Горьковский государственный художественный музей.

ПРЕФЕРАНС. 1879.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Васнецов. КНИЖНАЯ ЛАВОЧКА. 1876.

лица, первые успехи предъявили молодому художнику немало испытаний и соблазнов. Легко было свернуть на путь легкого успеха, растерять то сокровенное, что надо так свято беречь каждому начинающему мастеру.

Крамской наказывал Репину:

«Я говорю художнику: чувствуй, пой, как птица небесная, только, ради бога, своим голосом».

Стасов, цитируя эту мысль, добавляет: «Вот этого, своего голоса, всего меньше и есть в искусстве. Но подумайте: даже и тот, что есть, стараются убавить! Русское искусство, точно барич, навыворот воспитанный: оно всего более было дрессировано так, чтоб говорить и на один манер, и на другой, как угодно, только бы не по-своему, не своим языком и голосом. Да еще этим же и гордиться!»

Молодому вятичу повезло. С самых первых шагов в искусстве его сразу заметили и полюбили Крамской, Репин, Поленов, Чистяков за чистоту и ту молчаливую ясность, которая так свойственна натурам цельным.

Один из самых строгих ценителей живописи, Крамской, писал Репину: «...наше ясное солнышко — Виктор Михайлович Васнецов. За него я готов поручиться, если вообще позволительна порука. В нем бьется особая струнка; жаль, что нежен очень характером, — ухода и поливки требует».

«Ясное солнышко». Надо было быть поистине хорошим человеком, чтобы заслужить у такого строгого судьи, каким был порою желчный и достаточно жесткий Крамской, столь лестный эпитет. Искренность, предельная честность, свежесть чувств, умение мечтать — все эти свойства Васнецова привлекали к нему друзей, помогавших ему в минуту трудную.

Парадоксально то, что большинство друзей Васнецова, чувствуя в нем большой и оригинальный талант, вовсе не предполагали и не догадывались о той огромной борьбе, которая происходила в душе их сверстника и ученика. Они считали, что миссия молодого мастера в искусстве — это продолжение добрых традиций передвижнического жанра в духе Мясоедова или Маковского. От них было скрыто, каких усилий стоило Васнецову продолжать писать «маленькие жанры», они, естественно, не могли догадываться о тех постоянных грезах, которые посещали художника, не давали ему спокойно жить, требовали принятия решения.

В 1898 году Васнецов скажет: «Как я стал из жанриста историком, несколько на фантастический лад, на это точно ответить не умею. Знаю только, что в период самого яркого увлечения жанром в академические времена в Петербурге меня не покидали неясные исторические и сказочные грезы... Противоположения жанра и истории в душе моей никогда не было и стало быть не было и перелома или какой-нибудь переходной борьбы во мне не происходило...»

Известно, что время порою сглаживает, стирает самые острые, болезненные ситуации в жизни художников, поэтому не будем ставить в вину мастеру, забывшему, очевидно, за двадцатилетней давностью свое отчаянное письмо к Крамскому, написанное в Москве, куда он уехал из Петербурга в 1878 году.

«С каждым днем я убеждаюсь в своей ненужности в настоящем виде. Что требуется, я делать не могу, а что делаю — того не требуется. Как я нынче извернусь — не знаю, работы нет и не предвидится».

Крамской немедленно ответил. Он был встревожен этим воплем отчаяния, но счел его временным малодушием художника, призванного, по его мнению, создавать полотна в духе школы передвижников.

«Почему же вы не делаете этого? — писал он, имея в виду прежнюю работу Васнецова над жанром. — Неужели потому, что не можете? Нет, потому что вы еще не уверены в этом. Когда вы убедитесь, что тип, и только пока один тип составляет сегодня всю историческую задачу нашего искусства, вы найдете в своей натуре и знание, и терпение — словом, вся ваша внутренность направится в эту сторону, и вы произведете вещи, поистине изумительные. Тогда вы положите в одну фигуру всю свою любовь, и посмотрел бы я, кто с вами потягается».

Вождь передвижников, как ни странно, забыл о своих словах, сказанных ранее Репину: «Пой, как птица небесная, только, ради бога, своим голосом». Впрочем, возможно, он, как и другие, просто не почувствовал, не услышал внутренний голос Васнецова. Крамской не предполагал, к какому огромному творческому взрыву уже был готов художник и он от всего сердца, по-дружески уговаривал «заблудшую овцу» не блуждать, а идти по проторенному пути...

Пристально вглядывается в нас молодой, двадцатипятилетний Васнецов со своего «Автопортрета». Догадываемся ли мы о его самой заветной мечте, самом сокровенном желании поведать людям новую красоту русского народного эпоса? Ведь Виктор Михайлович вынашивал втайне эту мысль. Он истово писал жанры, но в душе его зрели не ведомые никому и никем не виданные и не писанные полотна — сказки, былины.

...Ходят жесткие желваки у скул. Вздрагивают тонкие ноздри. Русые усы скрывают линию молчаливых губ. Темные глаза смотрят на нас испытующе и немного грустно. Догадываемся ли мы о том, как осточертела ему вся эта столичная суета, все эти заказы картинок для журналов и издательств, вся эта петербургская пестрая духовная серость, эти безысходные по своей беличьеи заведенности будни?..

В самой глубине сердца вятч оберегал картины детства. Рябово... Вятская губерния... Погожие летние дни. Поляны, цветущие луга. Дремучий бор. Ели и пихты в два обхвата. Зверье. Птичий гомон. Бородатые мужики, похожие на леших, добрые, сильные. Неспешные северные хорыводы. Сказки и предания седой старины...

Виктор родился 15 мая 1848 года в селе Лапьял, Вятской губернии... Той же весной 1848 года в город Вятку въехали дрожки, в которых в сопровождении жандармского офицера сидел опальный писатель Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Он прожил засим в Вятской губернии, в ссылке, восемь лет. И написал об этом времени знаменитые «Губернские очерки», в которых языком сатиры изобразил казнокрадство, взяточничество, произвол и прочие прелести царской России.

Тарас Шевченко, прочтя эти очерки, воскликнул: «Как хороши «Губернские очерки», в том числе и «Мавра Кузьмовна» Салтыкова... Я благоговею перед Салтыковым. О, Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какою радостью возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих. Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опаскуженную чернь! За этого поруганного бессловесного смерда!»

Вот строки из «Губернских очерков», в которых видна вся любовь писателя к народу, к природе этого края:

«Взгляните на эти загорелые лица: они дышат умом и сметкою и, вместе с тем, каким-то неподдельным простодушием, которое, к сожалению, исчезает все больше и больше. Столица этого простодушия — Крутогорск. Вы видите, вы чувствуете, что здесь человек доволен и счастлив, что он простодушен и открыт именно потому, что не для чего ему притворяться и лукавить. Он знает, что что бы ни выпало на его долю — горе ли, радость ли — все это его, его собственное и не ропщет. Иногда только он вздохнет да промолвит: «Господи! кабы не было блох да станowych, что бы это за рай, а не жизнь была!» — вздохнет и смирится пред рукою промысла, соделавшего и Киферона — птицу сладкогласную, и гадов разных...

Да, я люблю тебя, далекий, никем не тронутый край! Мне мил твой простор и простодушие твоих обитателей! И если перо мое нередко коснется таких струн твоего организма, которые издают неприятный и фальшивый звук, то это не от недостатка горячего сочувствия к тебе, а потому, собственно, что эти звуки грустно и болезненно отдаются в моей душе. Много есть путей служить общему делу, но смею думать, что обнаружение зла, лжи и порока также не бесполезно, тем более, что предполагает полное сочувствие к добру и истине».

Крутогорск — это Вятка! Таков эзопов язык очерков. Отсюда Киферон и прочие гады.

Вятч... Это гордое и простое имя с честью носил Виктор Васнецов, впитавший в себя лучшие качества гражданина этого «далекого, нетронутого края», — простодушие, ум и... умение переживать тяготы, которые предлагала ему судьба в те далекие дни.

...Внимательно, настороженно вглядывается в нас молодой мастер. Его брови несколько вопросительно приподняты. Ему бы очень не хотелось, чтобы мы до конца знали все его помыслы. Нет, упаси бог, не подумайте дурного. Просто он очень устал от вежливого хамства чиновничьего Петербурга, от казенных заказов, от... Впрочем, решение им уже принято, нужно время. Он посетит через три года Париж, где по совету Репина познакомится с культурой современной Европы. Там, в столице Франции, он напишет себе программу на всю жизнь — эскиз картины «Богатыри», которой суждено стать одним из самых известных полотен русской школы. А пока молодому мастеру предстоит испытать провал своей первой картины-былины «Витязь на распутье». И от этого фиаско его отделяет всего пять лет. Возможно, он предвидит все тернии своего пути, и поэтому его лик строг и немного грустен... Но не только легкая печаль разлита по его тонкому лицу. В нем скрыта сила и уверенность. Ведь это он через много лет с полным правом скажет:

«Мы внесем свою лепту в сокровищницу мирового искусства, когда все силы свои устремим на развитие своего родного искусства, т. е. когда, с возможным для нас совершенством и полнотой, изобразим выражение, красоту, мощь, смысл родных наших образов, нашей русской природы и человека, нашей настоящей жизни, нашего прошлого, наши грезы, нашу веру...»

И он это сделал. Но это потребовало многих лет борьбы, труда, испытаний.

«Книжная лавка». Рынок. Жаркий день. Пыль. Под дощатым навесом книжной лавки развешаны яркие картинки из житий святых. Пачки грубо размалеванных лубков навалены на прилавке. Мятые, грубые, они все же вызывают интерес немногих зевак. Покупатель один — бородатый мужик в сером кафтане, с топором за поясом. Он осторожно и бережно держит в руках лубок с изображением страшного суда. На листе наведены страсти великие.

Мужик вздыхает и чешет затылок. Пожилой священник толкует ему смысл картинки.

— Господи! Что же это с нами будет? — причитает ветхая старуха с надвинутым на глаза платком.

— Ишь ты, глупая, — произносит батюшка, важно растягивая слова, — придет пора, и настанет твой черед предстать перед страшным судом...

Русь... Могучая и бессильная. Воспетая и проклинаемая. Закоснелая в своей отсталости, погрязшая в дреме невежества и суеверия. Власть предрержавие делали все, чтобы свет знания и свободы не достиг широких кругов народа. Васнецов талантливо изобразил обычную жанровую сценку той поры.

Вспоминаются гневные строки Некрасова:

*...придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?*

Жаркое летнее солнце озаряет во всей неприглядности нищету. Воркуют голуби на скате крыши лавки, шелестят листки лубков, вздыхают, охают старухи, звенит трудовая деньга... Мерно текут серые будни провинциальной Руси.

Крамской отмечал умение Васнецова «понимать тип». Он горячо заклинал молодого художника, разуверившегося в надобности своего искусства:

«Неужели Вы не чувствуете своей страшной силы в понимании хактера? Дайте ей простора! Я как теперь помню Ваш рисунок купца, принесшего подарки: голову сахара и прочей провизии к чиновнику и утирающему свою лысину. Да будь это написано только, Вы увидели бы тогда, какая толпа и давка были бы у Вашей картины...»

Убедительно? Может быть. Но Васнецов грезил о другом пути. Он свято верил, что должен пробудить в народе чувства гордости и собственного достоинства. Веру в свои силы и свободолюбие. Раскрыть перед ним былинные, богатырские образы из героической истории Руси. Он мечтал донести до широкого зрителя русскую сказку, о которой Пушкин сказал:

«Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!»

И это желание сказать новое слово, открыть людям в живописи новую красоту становилось у Васнецова все неодолимым.

Он приобщился к творцам, о которых Лев Толстой сказал: «Может быть, и рады были бы не мыслить и не выражать того, что заложено им в душу, но не могут не делать того, к чему влекут их две непреодолимые силы: внутренняя потребность и требование людей».

Это не значит, что Васнецов отрицал добрую роль своих коллег по товариществу передвижников — Мясоедова или Маковского, и, конечно, это никак не означало, что он не признавал большой воспитательной роли жанров типа Хогарта или Гаварни. Нет. Он просто хотел пойти своим путем.

Правда, до исполнения этого желания еще пройдет не один год... Он покинет Петербург и убежит в Москву, на встречу со своей мечтой. Но впереди было еще одно, последнее усилие, последняя дань жанру. «Преферанс». 1879 год...

«Трудно мне было, — вспоминал Васнецов, — доделывать эту вещь в Москве. Не было под рукой, когда заканчивал картину, подходящих людей... Петербургского спокойствия и деловитости я у московских игроков наблюдать не мог, москвичи играли как-то торопливо, как бы между делом, а в Питере священнодействовали, видимо от того, что им было скучно, что они чувствовали свое одиночество в жизни».

...Глубокая июльская ночь. Тишина. Тикают стенные часы, отмеряя фантастически скучные, выверенные до предела петербургские будни. Серые. Похожие, как близнецы, дни столичной окуанной жизни, жестоко регламентированные, взвешенные до мелочей. При всей своей внешней респектабельности они состоят из цепи мелких и крупных подлостей, лицемерия, чиновничества, пресмыкательства и прочих атрибутов чиновничьей иерархии Российской империи.

За крытым зеленым сукном картонным столиком красного дерева трое. Неверный, дрожащий свет свечи озаряет потертые жизнью лица преферансистов, убивающих время. Всмотритесь в их физиономии — красные веки, дряблые натеки морщин, тонкие прорези губ, привыкших лгать. Все понимающие и порою ничего не видящие щелки глаз. Таковы горестные заметы пролетевшей жизни, прошедшей без великих радостей, а впрочем, и без большого горя...

Мы не знаем доподлинно, читал ли «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина автор картины. Думается, что да. Но нельзя не привести два-три абзаца из этого сочинения, настолько метко они рисуют образ чиновника, изображенный на картине «Преферанс»:

«Странная, одна ж, вещь! Слыл я, кажется, когда-то порядочным человеком, водки в рот не брал, не наедался до изнеможения сил, после обеда не спал, одевался прилично, был бодр и свеж, трудился, надеялся, и все чего-то ждал, к чему-то стремился... И вот в какие-нибудь пять лет какая перемена! Лицо отекло и одрябло; в глазах светится собачья старость; движения вялы; словесности, как говорит приятель мой, Яков Астафьевич, совсем нет... скверно!»

...И как скоро, как беспрепятственно совершается процесс этого превращения! С какою изумительной быстротой поселяется в сердце вялость и равнодушие ко всему, потухает огонь любви к добру и ненависти, ко лжи и злу! И то, что когда-то казалось и безобразным и гнусным, глядит теперь так гладко и пристойно, как будто все это в порядке вещей и так ему и быть должно... Но тем не менее действительность представляет такое разнообразное сплетение гнусности и безобразия, что чувствуется невольная тяжесть в вашем сердце... Кто ж виноват в этом? Где причина этому явлению?»

...Карты сданы. Снос определен. Вистующие ждут... Они сардонически улыбаются, наблюдая за мучениями партнера, имеющего репутацию рохли и мямли. Лысый старичок что-то невнятно бормочет, очевидно, подсчитывая возможные взятки... Нетерпеливо постукивает пальцами визави. Четвертый партнер встал и подошел к столику с крепительным.

Часы пробили четыре. Светает... Летняя, дивная лунная ночь манит своей серебристой прохладой. До слуха играющих свежий ветерок доносит шелест листвы деревьев. Природа зовет: «Оглянись!» Но тщетно! Громко зевает молодой человек, ошалевший от смертной тоски, от этой пустяковой беличьей жизни в колесе чиновничьей круговорты.

Игра идет по мелкой. Скука... Неотвратимая, как рок. Злая и постылая. Прикрытая внешней коммифотностью и обильно снабженная сделками с совестью. Быт... Дьявольски ординарный, расписанный мелом, как высты.

Бродят тени по пестрым обоям. Скрипят стулья. В саду пропел неведомо откуда взвывший петух. Прозвенела рюмка, поставленная на поднос. Коптит свеча.

Устало глядит на этих пожилых людей, где-то глубоко несчастных в своей собачьей, устроенной неустроенности, молодая дама, заключенная в золотую раму.

Мерно качается маятник, отстукивая минуты, часы, дни и ночи этих безысходных лет обывательского прозябания...

Васнецов написал холст великолепно. Он заявил себя этим полотном как мастер первой руки.

«Скажите Васнецову, что он — молодец за «Преферанс», — передавал через Репина Крамской.

Казалось, как говорят преферансисты, «расклад определился». Жизненный путь ясен. Пиши! Слава, почет, деньги — все эти компоненты у

тебя в кармане. Но, как это ни странно, а, может быть, даже не столь странно, а сколь, по мнению иных, чудовищно — «Преферанс» стал последним жанром в творчестве Васнецова. Больше никогда до самой своей кончины мастер не писал бытовые сюжеты.

В Третьяковской галерее есть зал Виктора Васнецова. «Преферанс» экспонируется на одной стене с огромным полотном «После побоища Игоря Святославича с половцами», датированным 1880 годом... Их разделяет пространство в пять-шесть шагов. Дата их создания разнится всего лишь на один год. Но между ними — бездна.

Степь... Сумерки... Мглистое сизое небо. Багровая луна встает из свинцового марева. Поле сечи... Страшная, неземная тишина окутала необъятную равнину, тела павших воинов, степное разнотравье. Тихо... Ни одна былинка не колыхнется. Ветер унес лязг и грохот битвы, стоны раненых, яростные крики сражающихся. Только сухой треск крыльев орлов, бьющихся над трупами, говорит о жизни.

Кажется, еще звенит стрела, пронзившая грудь молодого княжича. Он мертв... Его мягкий, почти девичий лик, обрамленный русыми кудрями, горестен и прекрасен. Тонкие брови, густые ресницы не дрогнут. Сумеречный свет луны отметил глубокие впадины глаз, горький прикус запекшихся губ. Венком окружили голову павшего витязя склоненные васильки и ромашки. Привольно раскинулся он на траве. Мнится, что он спит... Но не проснется он никогда! Как никогда не проснется и не встанет богатырь, разметавшийся рядом на сырой земле.

Поблескивают шлемы, острые секиры, тяжелые булатные мечи, красные щиты павших русичей. В призрачной мгле не то бродят одичавшие кони, не то маячат древние курганы. Быстро темнеет. Кричат, кричат орлы. Прилетевший жаркий ветер пошевелил оперение стрелы. Заставил затрепетать синие колокольчики, поиграл в зарослях ковыля. Тесны, тесны смертные объятия воинов. Скорбны их лики. Судорогой сведены могучие длани. Глубоко запали невидящие глазницы. Смерть витает над степью. Медленно, медленно встает над полем боя кровавый диск луны, озаряя мертвый лик побоища «на реке на Каяле, у Дону Великого»...

Здесь нет живых. Некому рассказать о страшных часах трехдневной сечи русичей и половцев. Люди ушли. Встают примятые травы. Яростно бьются орлы. Грозная мгла затягивает небосвод. Пахнет гарью и горьким ароматом полыни и сухих трав. В разрывах черных, нависших туч трепещут синие молнии... Вот-вот ударит гром.

Реквием... Оду павшим героям создал Васнецов. Он написал холст небывалый. Это была картина-песня, полотно-былина. В нем явственно звучали строки «Слова о полку Игореве» и музыка Глинки и Бородина... Словом, это была н о в ы !

*И вина кровавого тут
Недостало;
Тут и пир тот докончили
Храбрые русичи:
Сватов напоили,
А сами легли
За Русскую землю.*

Эти строки из «Слова о полку Игореве» служили как бы эпиграфом к картине. Васнецов создал произведение-памятник великому творению русского эпоса.

Современники, за малым исключением, не поняли этого. Старая история повторялась... Как всегда, больше всех усердствовала пресса.

«Современные известия» сетовали: «Ни лица убитых, ни позы их, ни раны, наконец, — ничто не свидетельствует здесь ни о ярости боя, ни об исходе его». Рецензент негодовал, зачем это художник потратил такую массу времени и красок на эту невыразительную вещь.

«Московские ведомости» писали: «Картина производит с первого раза отталкивающее впечатление, зрителю нужно преодолеть себя, чтобы путем рассудка и анализа открыть полотну некоторый доступ к чувству. Это потому, что в нем слишком много места отведено «кадаверизму» (то есть воспеваю трупу). Засим автор статьи сообщал, что картина Васнецова напоминает стихи, переделанные прозой...

Чего же можно было ждать от газет, когда даже сам Нестеров признавался:

«Когда Виктор Михайлович пришел к сказкам, былинам..., когда о нем заговорили громче, заспорили, когда он так ярко выделился на фоне передвижников с их твердо установившимся «канон», — тогда новый путь Васнецова многим, в том числе и мне, был непонятен, и я, как и все те, кто любил «Преферанс», пожалел о потере для русского искусства совершенно оригинального живописца-бытовика...»

А что же сказал Крамской, так страстно убеждавший Васнецова не бросать жанр и продолжать «писать тип»? И тут надо отдать дань чуткости и честности Крамского.

Он сказал Репину: «Трудно Васнецову пробить кору художественных вкусов. Его картина не скоро будет понята. Она то нравится, то нет, а между тем вещь удивительная».

Стасов не понял «Побоища», он не увидел в нем «ничего капитального». Возмущенный Репин со всем свойственным ему темпераментом немедленно написал ему:

«...поразило меня Ваше молчание о картине «После побоища», — слона-то вы и не примечали, говоря, ничего тузового, капитального нет. Я вижу теперь, что совершенно расхожусь с Вами во вкусах, для меня это необыкновенно замечательная, новая и глубоко поэтическая вещь, таких еще не бывало в русской школе».

...Было от чего грустить, если не впасть в отчаяние Васнецову. Огромный труд, большое чувство, вера в свое правое дело — все было поставлено под сомнение.

Не надо забывать и суету житейскую и хлеб насущный. Словом, настроение автора «Побоища» было прескверное. И вот вдруг как будто блеснул луч солнца. Приходит письмо. Чистяков писал Васнецову: «Вы, благороднейший Виктор Михайлович, поэт-художник! Таким далеким, таким грандиозным и по-своему самобытным русским духом пахнуло на меня... Я бродил по городу весь день, и потянулись вереницей кар-

тины знакомые, и увидел я Русь родную мою, и тихо прошли один за другим и реки широкие, и поля бесконечные, товарищи детства... семинаристы удалые, и Вы, русский по духу и смыслу, родной для меня! Спасибо, душевное Вам спасибо...

В цвете, в характере рисунка талантливость большущая и натуральность. Фигура мужа, лежащего прямо в ракурсе, выше всей картины. Глаза его и губы глубокие думы наводят на душу. Я насквозь вижу этого человека, я его знал и живым: ветер не смел колыхнуть его полы платья; он и умирая-то встать хотел и глядел далеким, туманным взглядом».

Чистяков почувствовал самое сокровенное качество живописи Васнецова — создавать у зрителя состояние причастности к истории Родины, делу народному. Полотна художника будили чувство патриотизма, гордости за свою Отчизну.

Виктор Михайлович, удерживая слезы радости, писал ответ Чистякову:

«Вы меня так воодушевили, возвысили, укрепили, что и хандра отлетела, и хоть снова в битву, не страшно и зверье всякое, особенно газетное. Меня, как нарочно, нынче более ругают, чем когда-либо, — я почти не читал доброго слова о своей картине».

Итак, «дела давно минувших дней», выраженные пластически Васнецовым в «После побоища», вызвали самые разные чувства — от злорадства, недоумения и равнодушия до самого глубокого восхищения и признания.

Это был почин! А что касается шипов и терний, то без них, как известно, не обходится ни одна новация.

Москва художественная, вершившая вкусами, встретила Васнецова более чем прохладно. Ему пришлось не раз вспоминать слова Репина, сказанные сгоряча о некоторых москвичах: «Противные людишки, старожилы, забытые топоры...» И, наверное, новоселу на первых порах пришлось бы очень туго, если бы не счастливая звезда, приведшая его к Савве Мамонтову и Павлу Михайловичу Третьякову.

Алексей Максимович Горький, строгий к людям, дал такую оценку Мамонтову: «...Мамонтов хорошо чувствовал талантливых людей, всю жизнь прожил среди них, многих — как Федор Шалапин, Врубель, Виктор Васнецов, и не только этих, — поставил на ноги, да и сам был исключительно даровит».

Великолепным заключительным аккордом в истории картины «После побоища» было приобретение ее для галереи П. М. Третьяковым. Это была победа!

Вот строки из воспоминаний дочери Третьякова, Александры Павловны, которые открывают нам характер московских вечеров, столько давших формированию таланта Васнецова. «У нас Виктор Михайлович бывал часто, заходил днем из галереи, а больше вечером. Он бывал почти на всех музыкальных вечерах, которые ценил и любил. ...Нежный, благородный блондин, глубокая натура, много работавший над собой человек с поэтичной, нежной душой. Последнее его лучшее произведение вполне характеризует его: «Слово о полку Игореве». У нас в галерее».

Музыка. Она нужна была Васнецову как воздух, особенно в те часы, когда порою «дух иногда так смущается, что я начинаю делаться нравственным трусом».

Вот слова, в которых живописец изливает всю свою любовь к музыке: «Как было бы хорошо для меня теперь слушать великую музыку. Как бы я был рад теперь приютиться у печки, между двумя столиками (мое обыкновенное место) и слушать Баха, Бетховена, Моцарта, слушать и понимать, что волновало их душу, радоваться с ними, страдать, торжествовать, понимать великую эпопею человеческого духа, рассказанную их звуками!»

«Музыку часто слышите? — спрашивает он у художника И. С. Остроухова. — А я редко, очень, очень; она мне страшно необходима: музыкой можно лечиться».

Так трудно преодолевал художник душную атмосферу петербургского жития.

...И снова зал Васнецова в Третьяковке. И снова и снова сотни, сотни людей подолгу стоят у картин художника, о чем-то думают, шепчутся, вздыхают, улыбаются...

Всего десятков шагов отделяет «Преферанс» и «После побоища» от висящей напротив «Аленушки», и опять лишь год разделяет даты их создания. И опять бездна... И опять невероятная новь открытия. Да, поистине семимильными шагами начал шагать наш Вятч. Вот что значит наконец обрести свою, единственную песню! Не верится, что автор «Аленушки» мог всего лишь два года назад написать «Преферанс», — настолько они полярны, далеки по мироощущению. Надо было очень возненавидеть серый мир буржуазных петербургских будней, чтобы с такою силой открыть людям окно в новый, неведомый доселе в живописи мир сказки, поэзии.

«Аленушка»... Осень. Холодная заря тонкой стрелой пронзила низкое пасмурное небо. Недвижен черный омут. Тяжела тишина. Страшен дремучий лес. На берегу, на большом сером камне — Аленушка, сирота. Робко подступили к воде нежные тонкие осинки. Неласков омут. Колки зеленые стрелы осоки. Холоден, неприятен серый камень. Горько, горько сиротинке в этой чащобе. Глушь немая...

Вдруг ветер пробежал по ельнику. Зашелестели, зазвенели листки осинки. Запел тростник, защебетали «малые пташечки» — горьки-горюшечки, потекли унылые звуки тоски и печали. Может быть, слышит Аленушка плач Иванушки или донес ветер шум костров высоких, звон котлов чугунных, тонкий, злой смех ведьмы.

Каждый из нас с малых лет привык к нежному образу Аленушки как к чему-то необычайно близкому, вошедшему накрепко, навсегда в еще детский образный наш мир, и сегодня нам трудно поверить, что современники проглядели поэтические качества «Аленушки», а увидели, как им казалось, анатомические и прочие школьные погрешности полотна Васнецова... Возможно, в какой-то степени они имели на

это право, как и те педанты, которые мерили с вершком высоту суриковского Меншикова. Думается, что искусство трудно выверить сантиметром или вершком. Тут вступают категории более сложные — поэтичность, музыкальность, народность...

Вглядитесь пристально. И вы поверите, что через миг из темной бездны омота может выплыть кикимора или добрая Царевна-Лягушка. Вслушайтесь... И до ваших ушей долетят звуки летящей Бабы-Яги. А из зеленой мглы ельника высунется добрая рожа лешего... Таков колдовской мир васнецовской картины — реальный и высокопоэтический, созданный художником, глубоко поверившим с малых лет в чудесную и волшебную ткань русской сказки и с великим простодушием отдавшим эту веру людям.

Вот несколько строк из воспоминаний автора, раскрывающих тайну создания «Аленушки»: «Критики и, наконец, я сам, поскольку имеется у меня этюд с одной девушки-сиротинушки из Ахтырки, установили, что моя «Аленушка» натурно-жанровая вещь! Не знаю. Может быть. Но не скрою, что я очень вглядывался в черты лица, особенно в сияние глаз Веруши Мамонтовой, когда писал «Аленушку». Вот чудесные русские глаза, которые глядели на меня и весь божий мир и в Абрамцево, и в Ахтырке, и в вятских селениях, и на московских улицах и базарах и навсегда живут в моей душе и греют ее!»

Игорь Грабарь со свойственной ему четкостью определяет качества картины: «В. М. Васнецов в 1881 году создает свой шедевр — «Аленушку», не то жанр, не то сказку, — обаятельную лирическую поэму о чудесной русской девушке, одну из лучших картин русской школы».

Да, действительно Васнецов бесконечно доступен и прост. На первый взгляд даже простоват. Но лишь на первый взгляд, ибо в основе рождения каждого его холста лежит поэтическая метафора.

Рождение замысла. Тайное тайных... «Как это ни кажется, может быть, на первый взгляд удивительным, — сказал однажды художник, — но натолкнули меня приняться за «Богатырей» мощные абрамцевские дубы, росшие в парке. Бродил я, особенно по утрам, по парку, любовался кряжистыми великанами и невольно приходила на ум мысль: «Это ведь наша матушка-Русь! Ее, как и дубы, голыми руками не возьмешь! Не страшны ей ни метели, ни ураганы, ни пронесшиеся столетия!» А уже как дубы превратились в «Богатырей», объяснить не могу, должно быть, приснилось!»

«Я не историк, — говорил Васнецов, — я только сказочник, былинник, гуслир живописи! «Богатыри» мои — не историческая картина, а только живописно-былинное сказание о том, что лелеял и должен лелеять в своих грезах мой народ».

Я не хотел выдумывать, историзовать прошлое, а стремился только показать его народу в живописных образах. Насколько я преуспел в этом, судить, конечно, не мое дело, но всем моим художественным существом я пытался показать, как понимал и чувствовал прошлое! Мне хотелось сохранить в памяти народа былинную Русь!»

Конец XIX века. Середина девяностых годов. Давно был закончен фриз «Каменный век» для Исторического музея в Москве, работа по-своему уникальная в истории мирового искусства. Подходят к концу грандиозные росписи Владимирского собора в Киеве. Наконец Васнецов может исполнить свою заветную мечту: построить дом-мастерскую в Москве. В 1894 году он привозит туда из Киева «Богатырей»...

«Это был один из счастливейших дней моей жизни, — восклицает Васнецов, — когда я увидел стоящих на подставке в моей просторной, с правильным освещением, мастерской милых моих «Богатырей». Теперь они могли уже не скитаться по чужим углам, не нужно было выкраивать для них подходящее место в комнате. Мои «Богатыри» стояли, как им нужно стоять, были у себя дома, и я мог подходить к ним и с любого расстояния рассматривать их величавую посадку... Работалось мне в новой мастерской как-то внутренне свободно. Иногда даже пел во время работы. Главное, уж очень хорошо было смотреть на моих «Богатырей»: подойду, отойду, посмотрю сбоку, а за окном Москва, как подумаю, — сердце забьется радостно!»

«В предшествующие годы я работал над «Богатырями», может быть, не всегда с должной напряженностью, но они всегда неотступно были передо мною, к ним всегда влеклось сердце и тянулась рука! Они... были моим творческим долгом, обязательством перед родным народом».

«Молодчага, — говорил о нем С. И. Мамонтов. — Отгрохать такую штуку, как киевские росписи, и говорить не об отдыхе, а о том, что ему хочется писать и писать, — это может, пожалуй, только коренной вятч с его медвежьими ухватками!»

Приближалось пятидесятилетие Васнецова, и художник заканчивает холст к сроку. В 1898 году «Богатыри» начали свою вечную жизнь. На этот раз это был триумф!

...Богатырская застава. Земля отчийей. Во всю ширь любовно раскрыла она ладони кряжистых холмов, словно оберегая сынов своих. Гудит степной ветер, гонит прочь грозные тучи. Широко размах крыльев парящего орла. Широко разлет плечей богатырских. Крепка их стать. Будто выросли они из самой земли отцов своих. Так слиты воедино витязи, кони, мать сыра земля... Такова былинная их мощь.

Алексей Максимович Горький писал Чехову в 1900 году:

«Я только что воротился из Москвы, где бегал целую неделю, наслаждаясь лицезрением всяческих диковин, вроде Снегурочки и Васнецова, Смерти Грозного, Шалапина, Мамонтова Саввы... для меня театр и Васнецов дали ужасно много радости. Васнецов кланяется Вам. Все больше я люблю и уважаю этого огромного поэта. Его Баян — грандиозная вещь. А сколько у него еще живых, красивых, мощных сюжетов для картин. Желаю ему бессмертия!»

...Посетите в любой день Третьяковскую галерею. Зайдите в зал Виктора Михайловича Васнецова, и вы увидите в восторженных, строгих, счастливых, задумчивых, радостных лицах сотен, тысяч зрителей живое подтверждение бессмертия этого богатыря русской живописи.

ПЯТЕРКА ЗА ФЛОБЕРА

ШКОЛА И ВОКРУГ НЕЕ

З. ХИРЕН

В печати опубликован проект Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании. «Особая роль в развитии народного образования,— говорится в нем,— принадлежит педагогическим работникам».

Предлагаемый вниманию читателей репортаж «Пятерка за Флобера» посвящен проблеме кругозора учителя.

...Поводом для нашего разговора о школе послужил рассказ немолодой женщины, услышанный мною в Киеве. Даже не рассказ, а раздумья вслух, волнения, тревога матери за судьбу дочери-учительницы.

— Моя дочь — словесница, преподает литературу в школе. С работой неплохо справляется, вкладывает всю душу в нее. Всегда занята тетрадками учеников. Именно последнее вызывает у меня тревогу. Я все чаще стала задумываться о дальнейшей судьбе дочери. Часто смеются над бабушками, мамами, решающими задачки за своих внуков, детей... Но представьте себе, что «задачки» за свою взрослую дочь-словесницу решаю и я. Вернувшись из школы, она сразу же погружается в чтение ученических тетрадок. Ужинает, пьет чай и все читает, читает, поправляет ошибки, восторгается, бранится, ставит отметки. К телевизору ее не зазовешь. Это обстоятельство тоже меня беспокоит. Ведь, наверное, ее учеников не оторвешь от голубого экрана. Как же она может проникнуть в их мир, в мир своих воспитанников, когда не знает, чем они живут? Вот я и думаю: много ли может достигнуть учитель, не бывая в театре, не читая новинок художественной литературы, не общаясь в свободное время с друзьями, коллегами? Это и есть мои тревоги. Но если бы дело касалось только моей дочери. На нашей лестничной площадке живет еще одна словесница. У нее еще большая нагрузка — и ученические тетрадки, и авоськи с провизией, и двое ребятишек, которых по пути забрала из детского сада. Ей-то уж и вовсе некому помочь.

Не кажется ли вам, что этот, на первый взгляд, частный случай имеет прямое отношение к проблемам современной педагогики? Интересует ли кто-нибудь, в котором часу начинается утро учителя? Не уведит ли его педагогический цейтнот от живой жизни?

...Я слушал эту исповедь старой женщины, ничего не записывая, но хорошо запомнил ее рассказ. Вернувшись домой, я захотел с кем-нибудь поделиться мыслями, навеянными рассказом киевлянки, и отправился в 201-ю школу, где не раз бывал и о которой писал в «Огоньке». Натолкнуло на это еще одно обстоятельство. Мне довелось побывать на годичном собрании Академии педагогических наук СССР. В Киеве речь шла о кругозоре одной учительницы, а здесь оперировали астрономическими цифрами: около двух с половиной миллионов учителей, миллионные тиражи учебников и книг для школ... Назывались имена великих ученых, великие открытия. «Квалификация персонала средних школ — чрезвычайно важная сторона жизни», — сказал на этом собрании вице-президент Академии наук СССР А. П. Виноградов. — В наше время столько новых вопросов, что даже для многих ученых это становится подавляющим. Программа школьного преподавания должна все учитывать. Снабжем, совсем недавно мы говорили об

охране лесных угодий, озер, рек в какой-то пассивной форме, а сейчас жизнь потребовала иной, я бы сказал, активной формы борьбы с нарушением равновесия в биосфере, вызванным человеческой деятельностью. Об этом надо сказать молодому поколению». «Школа становится потребителем самых последних открытий науки», — заметил другой участник собрания. — Школьное преподавание, касающееся как будто элементарных вещей, на самом деле существенно зависит от того, что делают самые крупные ученые мира именно сегодня». Каким же должен быть кругозор учителя в этих условиях? Чему и как должен он учить? В сущности, школа, наша советская школа, участвует в решении проблемы Человека. И тут слово дали учительнице 201-й школы, словеснице Зинаиде Николаевне Кулаковой. Она говорила об отсутствии теории личности учителя, сетовала на то, что до сих пор не сформулированы требования к педагогу. Не боясь называть вещи своими именами, З. Кулакова негодовала по поводу узости кругозора учителя — сколько их, неплохих, исполнительных педагогов с шорами на глазах, они боятся на полшага отойти от тропы, проложенной в вузе, от наставлений, знаний, полученных в университете, пединституте, для них институтские лекции порою становятся шпаргалкой в работе. Тогда же я услышал и о «педагогическом цейтноте». «Учитель сейчас очень часто попадает в цейтнот», — сказала Кулакова. — Научная организация труда находится в печальном состоянии... Слова ее перекликались с тревогами матери киевской учительницы. Тревоги те же, но причину узости кругозора некоторых учителей Кулакова видела не только в обилии ученических тетрадок.

В чем суть проблемы учительского кругозора? Каким должен быть современный учитель и что мешает ему жить и работать так, чтобы по-настоящему стать духовным наставником юных граждан? И тут же последовал острый, запальчивый, насыщенный смелыми мыслями, неопровержимыми фактами ответ. Учитель начинается задолго до диплома. В педагогическом институте иные умудряются сдать экзамен, не перечитывая «Войны и мира». Это значит, что молодой учитель явится в школу с дипломом о высшем образовании в кармане, а практически с багажом ученика девятого класса. С чем ушел, как говорится, с тем и пришел. Но ведь сейчас ему в некогда родном девятом классе не за партой сидеть, а учить, воспитывать. Конечно же, совесть не позволит примириться с таким убогим кругозором. Начинается перечитывание толстых томов, колоссальная работа над текстом — это в лучшем случае, а в худшем извлекаются из домашнего архива институтские лекции. И все это надо успеть за немногие часы, отпущенные на подготовку к уроку. Как же тут избежать цейтнотной горячки?!

И вот уже Зинаида Николаевна касается другого аспекта проблемы кругозора педагога. Без природных педагогических задатков, без привитой еще до института любви к книгам учителя не будет. Не секрет, что многие дипломированные педагоги, выйдя из института, прежде всего заботятся о том, как бы не попасть на работу в школу. А оказавшись там, искренне считают себя несчастными людьми. Вот он, другой аспект проблемы, — несерьезный отбор студентов. К тому же в самом институте не очень-то хорошо готовят будущего учителя к самостоятельной работе в школе. А ведь он уже в институте должен познать, что воспитывать ребят — это не только вооружать их знаниями.

Кулакова обратила внимание на то, что не все средства расширения кругозора учителя используются полной мерой. В Москве на тысячу школ имеется семьдесят тысяч деятелей культуры. Но увы, не многие из них причастны к решению проблемы, о которой сейчас идет речь, хотя в школах учатся их дети.

Кулакова назвала ряд учителей, чей опыт ценен для молодых педагогов. «На улице Левитана», — сказала она, — живет Вера Александровна Дьяконова. Это преподаватель химии

настолько высокого мастерства, что ученики, окончившие у нее общий курс, затем в специальных институтах почти не изучали этот предмет. Она создала плеяду блестящих химиков, работающих в институтах и воспитывающих уже своих учеников».

Одна за другой следовали фамилии корифеев, обладающих могучим даром воздействия на людей. Мало кто знает, как эти педагоги достигли такого искусства. Сами они научных трудов не писали и не пишут. Долг академии — обобщить и научно осветить опыт мастеров.

Предложение Кулаковой поддержали крупнейшие ученые страны, в их числе президент Академии педагогических наук СССР В. Н. Столетов, назвав подобное забвение огромного педагогического опыта расточительством.

Зинаида Николаевна была не одинока в своих запальчивых рассуждениях. Не менее остро о том же говорили другие педагоги, приглашенные на это годичное собрание со всех концов страны. Критиковали, как и Кулакова, уровень подготовки учителя в педвузах, говорили о том, что студенты читают мало, поверхностно, наспех. Наизусть знают немного, а если учат на память, то скорее под нажимом, да и то перед экзаменами, словом — обычное натаскивание, поспешность, суетливость, нервозность. Вот и появляется узость кругозора. Надеются наверстать потом, на практической работе. А удастся ли?..

В раздумье обо всем услышанном я и отправился в 201-ю школу. В кабинете заместителя директора по учебной части Нины Васильевны Красильщицовой продолжается разговор на ту же тему.

ОДЕРЖИМОСТЬ

А. А. Мурашкина, словесница:

— Когда учитель — будь то словесник или математик — не читает художественной литературы, а о ее новинках судит по аннотациям или по чему-то, услышанному от друзей, когда учитель не в курсе театральной жизни, годами не заглядывает в музей, — это очень плохо. Тут нет спора. Такого учителя неинтересно слушать — будь то историк или физик. К сожалению, многие университеты и пединституты пока еще не готовят учителя с широким кругозором. Об этом не говорят вслух, но предполагается, что в школе он должен будет наверстывать упущенное на студенче-

ской скамье. Но, увы, практически это не всем, не всегда и далеко не в полной мере удается. Время!.. Где его взять? Если сравнивать меня с двумя словесницами из Киева, то моя жизнь больше похожа на жизнь первой из них. Правда, роль доброй мамы у нас дома взяла на себя дочь моя, Зоя. Она решает за меня все «домашние задачки». Словом, я нахожусь в сравнительно благоприятных бытовых условиях, а времени все равно не хватает. Наш завуч Нина Васильевна Красильщикова уверяет, что учитель должен отличаться жертвенностью, быть одержимым. Мы прекрасно понимаем, что она имеет в виду.

Я раззнакомилась с большинством своих друзей. Почему? Некогда! Завтрашний урок — вот чем я занята, чем заняты все мы.

Чаще всего в полночь, а то и позднее заводим будильник на пять или на половину шестого утра. Иначе ничего не успеешь. На столе рядом с завтраком лежат раскрытые книги с закладками, планы, конспекты, остаток непрочитанных ученических письменных работ.

Все ли у нас одинаково заняты в школе? Разве можно не принимать во внимание, что одни учителя сильно загружены, что их рабочий день продолжается не только в школе, но и дома, а у других нет такого перенапряжения?

Профессия учителя требует жесточайшей экономии времени, или, как говорят спортсмены, «второго дыхания». Пора и Академии педагогических наук и министерству всерьез заняться научной организацией труда учителя.

ЖИТЬ В ДЕЙСТВИИ

Н. В. Красильщикова, заместитель директора школы по учебной части, заслуженная учительница школы РСФСР:

— Учитель перестает быть учителем, если он каждодневно не обогащает себя новыми и новыми знаниями, самыми разными. Это трудно, но необходимо. Без этого он не может вторгаться в окружающую жизнь, активно влиять на идейное воспитание детей, а если хотите, не только детей, но и их родителей. Я уже не говорю о той высокой культуре, интеллигентности, что должны быть присущи учителю. Чего греха таить — иногда сталкиваешься с такой ограниченностью педагога, которая недалека и от невежества. Не стану называть фамилии. Было это не в нашей школе. Но я слышала, как учитель, жалующься родителям на недисциплинированность их сына, выразился так: «Ему делаешь замечание, а он встает и административно выходит из класса». А другой, объясняясь с учеником, путает значение слов «этика» и «эстетика».

Недавно прямо с педсовета мы пошли смотреть картину «Любить человека». Собирались в кино не очень дружно. Некоторые отнеслись к фильму с предубеждением. А вернулись оттуда с новыми мыслями, раздумьями. Сейчас собираемся во МХАТ на «Сталеваров». Все, что волнует и может волновать детей и их родителей, не может не интересовать и учителя. Прошу понять меня правильно: мы ходим в кино, в театр, на выставки не из чистого практицизма, просто все это волнует педагогов. В учительской всегда увидите список книг, которые нужно прочитать всем учителям. Это забота о кругозоре и учителя и его учеников. Увы, пока еще у многих ребят интерес к чтению невелик. Речь, конечно, идет

не об учебниках. Проблема? Да еще какая! Значит, мы чего-то недоучили, недосмотрели. Иногда мне кажется, что термин «внеклассное чтение» звучит казенно, отпугивает ребят, не разжигает в них страсти к чтению. Ну, а мы, учителя? Сами-то мы много читаем, помимо той обязательной литературы, которая необходима для проведения очередного урока? Не с этого ли начинается холодок к чтению у учеников?

Кругозор педагога... Очень емкое понятие. Нам, педагогам, не только преподавать надо, но и непрерывно учиться. Любая область науки все время пополняется новыми открытиями, в особенности физика, математика... Речь тут идет не просто о некотором подновлении знаний, а о большой повседневной систематической работе, о самосовершенствовании, умножении духовных богатств. Что мешает этому? Много. Мне хотелось бы в первую очередь обратить внимание на одно обстоятельство: куда бы учитель ни явился — в институт ли усовершенствования, в отдел ли народного образования, да и у себя в школе, — всюду он слышит: «Придет инспектор», «Проверим», «Приготовьтесь, на уроке будет представитель» и т. д. и т. п. Увы, это стало нормой нашей жизни и чем-то напоминает «контрольные покупки» в торговле. Все это, конечно, нервнует, выбивает учителя из колеи, подавляет его инициативу. Я знаю случаи, когда отличнейшие педагоги, достигшие, можно сказать, вершин мастерства, собираются до срока уйти на пенсию. Они говорят: «Устал от всяких инспекций, проверок, тратишь на это много времени и нервов. В это время почитать бы свежий толстый журнал, сходить в театр. А ты готовишься к приходу инспектора».

Появились телеуроки. Бывают они и у нас. Каждый учитель имеет возможность принимать их. Предполагается, что они станут помощниками учителя. Конечно, телеурок может обогатить память учащихся ценными сведениями, которых на обычном уроке не дашь. Мы все считаем, что для нас, педагогов, телеурок должен служить эталоном. А как это выглядит на практике?

Вот телеурок по физике для учащихся 8-х классов. Он посвящен кинематике. На протяжении всего урока человек на экране водит мелом по классной доске. Учителя физики стоят тут же, рядом, у телевизора. На стене висит классная доска, ничем не отличающаяся от той, которая изображена на голубом экране. В руках у нашего физика кусочек мела, и в руках у теледиктора такой же кусочек мела. И говорит диктор о том же, о чем на прошлой неделе рассказывал в этом же классе наш физик. Какой смысл в подобном дублировании? Или вот урок для учащихся 4-х классов, посвященный сказке. В классе сидят малыши, жаждающие увидеть и услышать сказку, а в это время на экране появляется человек, объясняющий им довольно сухо и скучно, что такое сказка, в каком веке она впервые появилась, какого рода бывают сказки. Малышам это ни к чему. Еще один пропавший учительский час. А бывает хуже. Много передач для шестых классов не совпадает по времени с прохождением программы. Обращались мы по этому поводу к организаторам передач. «Ничего не можем изменить», — ответили нам. Пришлось от телепередач для шестых классов отказаться.

Насколько замечание Нины Васильевны верно и злободневно, можно было убедиться на том же годичном собрании академии. «Необходимо совершенствовать методику работы с учебным телевидением и техническими средствами обучения на уроке. В этих вопросах много нерешенного, неоткрытого и неиспользованного. И даже то, что решено сегодня, нерешенным становится завтра». Это мнение заведующего Мосгоршколой Г. Л. Асеева. Об этом же сказал известный кинорежиссер Сергей Герасимов, приглашенный на годичное собрание и как профессор ВГИКа.

Много говорят о том, как учитель готовится к урокам. А ученики? Учим ли мы их учиться? Мы попытались узнать. В 6-м классе была проведена специальная письменная работа на тему «Как я готовлю уроки?». Эти работы помогли выяснить немало слабых сторон педагогического процесса. Несмотря на много-

кратные наши предупреждения, чтобы ученики дома не сразу брались за уроки, выяснилось, что двадцать один из тридцати шести нарушают режим. Еще стало нам известно из этих «сочинений», что по истории, географии, биологии многие ребята просто не готовят уроков. Обнаружился ученический жаргон — о полученном на дом задании все без исключения пишут: «учу пункт», «приступаю к номерам». А один ученик написал даже так: «физика — легкий предмет, прочитаю раз десять, а потом уж делаю номера».

Здесь говорилось, что мать учительницы взяла на себя все домашние хлопоты, лишь бы дочери лучше работалось. Если бы только домашние!.. Есть у нас педагоги, которые не только начисто от домашней работы отключились, но еще и мужей своих заставляют по воскресеньям приходить в школу, оборудовать кабинеты, переписывать раздаточные карточки (нас ими не снабжают), заставляют мужей рисовать, чертить, делать физприборы, заказывать по телефону экскурсии для целого класса и т. д. и т. п. Нормально ли все это? А сколько времени отнимают поиски наглядных пособий, раздаточных материалов, литературоведческих словарей, магнитофонных пленок! Их явно мало у нас...

Можно не сомневаться, что теперь, когда опубликован проект Основ законодательства о народном образовании, многие из тех проблем, о которых мы сейчас говорим, найдут свое положительное разрешение. Звание педагога и воспитателя названо в этом документе почетным.

И хотелось, чтобы дело образования, воспитания стало общим для всего нашего населения, нашей общественности. Ведь каждая семья связана со школой: учатся дети, внуки; много учительских семей. Естественно, что интерес к спорту удовлетворяется ежедневно в информационных телевизионных сообщениях. Хорошо, если бы 1—2 минуты в таком же обязательном порядке отводились в этих программах школе, ее успехам, ее проблемам, в частности и той, о которой здесь речь идет.

УЧИТЕЛЬСКИЕ ПЛЕЧИ

З. Е. Негримовская, учительница немецкого языка:

— У нас, преподавателей иностранных языков, письменных работ меньше, но все равно обо мне дома говорят: «Две сумки в руках и одна в зубах».

Ложусь спать в первом часу ночи, а к шести утра встаю. Как и другие, до работы продолжаю готовиться к урокам.

Убеждена, что судьба учителей во многом зависит от родителей учеников. При встречах с ними прошу их более внимательно следить за тем, как мои школьники дома готовят уроки. «Некогда», — отвечают мне. «Но ведь и я мать», — говорю им, — у меня двое детей, а я проверяю». «Вам легче, вы учительница», — продолжают мне возражать родители. Думается, что возражение несерьезное.

У нас была учительница, которая даже организовала в школе занятия родителей: как проверять дома уроки школьников. Но все равно дело движется туго. Все заботы о своих детях родители переложили на учительские плечи. Ход их рассуждений довольно примитивен: «Мы отдали детей на ваше попечение — вот вы их учите и воспитываете». И случается, что иной сорванец, твердо решивший уйти из школы,

буквально изводит тебя, ты тратишь часы на хождение домой к нему, просишь родителей последить за Сашей, проверять, как он готовит уроки, а они ухмыляются (кстати, так же, как и Саша): «Все равно на второй год Сашу не оставите, тройку как-нибудь натянете. Ведь закон о всеобщем среднем образовании надо выполнять...»

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

З. Н. Кулакова, словесница, депутат Верховного Совета РСФСР:

— Мне вспоминается поучительная история, имеющая прямое отношение к нашему разговору. Будущая учительница, Надя К., спешила на экзамен. Девушка оканчивала педагогический институт и совершенно случайно, часа за два до экзамена, выразила беспокойство: а вдруг ей достанется Филдинг. Я удивилась, почему Филдинг, когда она сдает литературу середины XIX века? Может быть, Флобер? «Флобера-то, надеюсь, ты читала», — говорю ей. «В том-то и дело, что нет», — отвечает. «Ну, милая, тогда тебе ничего другого не остается, как бежать в библиотеку и прочитать в литературной энциклопедии статью о Флобере». Так она и поступила. И вот, бывают же такие совпадения, на экзамене ей попался билет с вопросом о Флобере. Она без запинки ответила, и ей поставили пятерку. Теперь представим себе эту же учительницу на уроке, случись ей разобрать один из романов писателя. Ведь ее знания на уровне знаний учеников. Как говорят строители, на нулевом цикле. Значит, ей надо было бы заново, а точнее, впервые в жизни, прочитать роман, все критические статьи о нем, историю того времени. Вот как иногда оборачивается «кругозор».

Я уже слышу голоса коллег: но ведь у такой учительницы есть еще возможность обогатить свои знания в процессе практической деятельности. Ведь для любого специалиста работа — это как бы продолжение занятий в вузе. Существует же в Москве институт усовершенствования учителей. Да, существует. И он для нас, словесников, регулярно проводит лекции. Учителя охотно посещают их, там выступают крупные мастера своего дела. Многие слушатели стараются все слово в слово записать в тетрадки. Ведь, как правило, через день-два им предстоит у себя в классах провести урок на ту же тему. И вот такая Надя, для которой то Филдинг, что Флобер — это только номера билетов, приходит на урок и ведет его, пользуясь лишь усеченными записями лекции-консультации. Ученики берут на карандаш все услышанное, затем следует классное сочинение. Основой для него служит все тот же, механически выполненный Надей (к этому ее приучили в институте) пересказ лекции-консультации. И если дать потом эти ученические тетради лектору-консультанту с просьбой проверить их, то он, вероятно, за голову схватится, до такой степени перепутано, извращено все то, о чем он говорил учителям: «испорченный телефон»... Вот к чему приводит утилитарный подход к расширению своего кругозора. А самое главное: легко представить, как такая «подготовка» к уроку сказывается на кругозоре школьника. И нетрудно представить, как такой школьник, поступив, скажем, в педвуз, будет сдавать экзамены по литературе, далеко ли уйдет он от Нади К., которой теперь уже доверено обучение ребят...

Цепная реакция, которая не может не вызывать тревогу!

НЕ ЗНАЮ, КАК СЛОЖИТСЯ ДЕНЬ...

Н. А. Борисов, директор 201-й школы, заслуженный учитель школы РСФСР:

— Загруженность громадная, не надо закрывать на это глаза, — такова реальная жизнь. На учителя возложено много, и у него много обязанностей. И в то же время на него катятся, как снежный ком, посторонние дела. Никто не несет ответственности за потерянные учительские часы. А жалы!..

Не могу не отметить, что об этом же идет речь и в проекте Основ законодательства о народном образовании. Можно заранее сказать, что раздел, где говорится о поддержании авторитета учителей, о наиболее правильном использовании их труда и рабочего времени, о недопустимости отвлечения их от исполнения прямых обязанностей, встретит в широких кругах педагогов громадную признательность.

Думаю, что и у нас в школе найдутся педагоги, которые так же, как та словесница из Киева, оказываются «под колесами» текучки. Я директор школы. Но как часто и я бываю в таком же положении. Известно, что любое предприятие, когда дело касается школы, редко в точности выполняет свои обязанности: «не завод, не министерство, подождут». В результате потерянные учительские часы. Какая-нибудь подставка для опытов по физике годами не поступает, несмотря на все наши заявки.

Учителям приходится самим тратить уйму времени на то, с чем на заводе справились бы в несколько минут. Наш физик Елена Александровна Степанова, например, часто последней уходит из школы, нянечки уже к этому привыкли, заранее оставляют ей ключи. А в чем дело? Надо успеть изготавить к завтрашним опытам приборы, приспособления... Как-то я побывал на уроке Анны Алексеевны Мурашкиной. Вернулся к себе в кабинет и взялся за перо. Хотелось записать впечатления об услышанном и увиденном там. Хотелось написать самые восторженные слова о том, какими чувствами были охвачены ученики во время урока, который вел педагог. После звонка какое-то время все ученики и ученицы оставались на местах. И в том, наверное, была высокая оценка и учителя. Ведь об этом-то, в сущности, все мы и печемся. Во имя этого и ратуем за расширение кругозора учителя.

* * *

Сопоставляя рассказ матери киевской учительницы со всем услышанным в эти дни, убеждаешься, что проблема эта хоть и занимает умы многих, все еще остается нерешенной. Сетования учителей на цейтнот! Конечно, легко им возразить, что в наши дни недостаток в свободном времени ощущают не только учителя. И все же по возможности разгрузить (хотя бы от излишних поручений, заседаний, инспекций), упорядочить, более равномерно распределить работу учителя в школе необходимо и как можно скорее. Однако было бы неправильно сваливать все беды на цейтнот. Кругозор учителя «закладывается» задолго до получения диплома. «Пятерка за Флобера», о которой говорила Зинаида Николаевна Кулакова, дает, думаю, исчерпывающий от-

вет на этот вопрос. Это ответ и призыв к вузам: больше требовательности к абитуриентам, к процессу подготовки будущих учителей.

Не случайно подготовке и повышению квалификации педагогических кадров посвящен специальный раздел проекта Основ законодательства о народном образовании.

То, чего педагоги не успеют сегодня дать своим ученикам в школе, не наверстаешь. Поток новой информации, новых открытий, новых требований возрастает. И, чего греха таить, еще не все наши вузы, готовящие учителей, справляются с этим темпом. Нередко надеются, что упущенное нынешние студенты, будущие учителя, наверстают при помощи институтов усовершенствования, семинаров, симпозиумов и т. д. и т. п. Надеются, что потом появится у них больше свободного времени. И разве секрет, что иные молодые учителя надеются на «пятерку за Флобера» въехать даже в большую науку?

Научно-технический прогресс охватил все общество. Первая ступень приобщения к прогрессу — это школа, наша советская школа. Здесь человек получает путевку в жизнь, в науку, на работу в индустрии, сельском хозяйстве. И от этой подготовки, в сущности, зависит не только его личная судьба, но и его возможность быть полезным обществу. То, чего не познаешь сегодня, будет бесследно утрачено тобой, оставит «белое пятно» в твоём научном, практическом, жизненном багаже. Времени всегда не будет хватать.

Сейчас, когда нет такой школы, такого института, где бы не обсуждался проект Основ законодательства о народном образовании, во весь голос звучит вопрос: что отличает настоящего педагога от человека, выполняющего обязанности учителя? Готовность учителя непрерывно умножать свои знания, совершенствовать конструкцию урока, работать заодно с большой наукой, промышленностью, сельским хозяйством — вот знамение времени. Заодно возникает вопрос, почему вся ответственность за громадный фронт школьного обучения возложена только на учителя. Кругозор — это ведь не только подготовка к урокам. «Мы, словесники, — услышал я от одной учительницы, — следим за новыми спектаклями. Но спросите, попал ли кто-либо из нас на один из тех, которые вызвали горячие споры, широкое обсуждение в печати? Нет, ни разу. Как правило, ходим на те спектакли, на которые дали билеты. И вот бывает, кто-нибудь из ребят посмотрел «дефицитный» спектакль, делится с одноклассниками впечатлениями, а учитель вмешаться не может, не видел постановки и, судя по всему, ее не увидит. Нечто подобное происходит и с книжными новинками».

Конечно же, и здесь может последовать возражение: с какой стати делать исключения для учителя? Чем он лучше людей других профессий, почему он обязательно должен попасть на «дефицитный» спектакль, прочитать редкую книгу? А разве другим не интересно? И все-таки следует учесть, что за одним театральным билетом скрывается сотня детских, юношеских голов, нуждающихся в слове педагога об увиденном или прочитанном. И если педагог не имеет возможности побывать в театре на нужном спектакле, прочитать нужную книгу, от этого вместе с ним страдают еще сотни и сотни учеников, тех самых, которым предстоит вступить в жизнь. Где бы они ни трудились, знания, полученные ими в школе, навсегда останутся их жизненным фундаментом.

Если б ответственность за школу разделяли вместе с учителем Союз писателей, театры, книжные издательства, Союзы художников, композиторов, журналистов, архитекторов, кинематографистов и, конечно же, большая наука, и, конечно же, родители, — это, безусловно, помогло бы расширению кругозора учителя.

«Учитель — урок — ученик» — никто, думаю, не может оставаться равнодушным к трем этим «действующим величинам». Учитель незримо присутствует в каждой семье, в сердце и памяти каждого, кто учится или когда-то учился в школе. Значит, и проблемы, волнующие учителя, не могут не волновать всех. Вот мысли, вызванные «пятеркой за Флобера» и рассказом матери, услышанным до этого в Киеве.

«Я НЕ УЙДУ В БЕЗМОЛВИЕ...»

Мне выпало счастье познакомиться с этим замечательным человеком. Это была очень короткая встреча, за время которой я еще не ощутила до конца, кто он, исполненный благородной неторопливости, зоркой внимательности и детского простодушия. Но рядом с ним, просто рядом, было хорошо, как бывает всегда хорошо рядом с истинным поэтом. Глубокая, добрая, цельная душа Гафура-ака начала по-настоящему раскрываться мне, когда образ живого человека наложился на уже знакомые стихи, а особенно тогда, когда я сама, уже после смерти аксакала, дерзнула переводить его строки. Переводить их было трудно, потому что, простые по словам, они несли многослойную нагрузку огромного душевного опыта и подлинного знания народной жизни.

В стихах Гафура Гуляма вся его масштабная, как эпоха, полная страсти и работы, дерзости и надежд, боли и радости жизнь. Но эта жизнь принадлежит и человеку милому, скромному, отзывчивому, готовому к доброй улыбке, к шутке, в том числе и над самим собой. В одном шутовском стихотворении Гафур Гулям лукаво говорит о себе: «Ай, узбек! Ай, простак!..» Так кто же он, этот узбек, этот простак?

Школьный учитель и журналист, прозаик и переводчик, тончайший лирик и общественный деятель, академик, второй после Хамзы народный поэт

Узбекистана, лауреат Ленинской премии, к сожалению, по-смертно...

Это он писал выстраданное, принятое навсегда:

Не могло и присниться отцу моему,
Чтоб держал свою голову так высоко я.
Ленин дал эту гордость мне — слава ему!
От светлейшего солнца мне счастье такое.

Ты, Ташкент мой, — ворота Востоку всему,
А Москва, наша мать, — средоточье вселенной.
Нам дала она мир — и несем потому
Знамя мира народам и дружбы священной...

Гафур Гулям — это тот поэт, чьи строки шептали губы мужественных зачинателей пятилеток на узбекской земле, строителей нового Ташкента, Чирчика, Ферганы и Турксиба, преобразователи старого кишлачного быта на новый социалистический лад, те, кто срывал паранджу с женщины, вел малышей в первые храмы знаний, учил людей такому престому и такому веками недоступному — счастью.

Это он, Гафур-ака, сказал в годы войны ребенку, потерявшему родителей и занесенному судьбой в неизвестный край: «Ты не сирота!» И эти слова повторили тысячи узбеков и узбечек, усыновивших детей-сирот самых разных националь-

ностей и вырастивших из них счастливых сыновей и дочерей Матери-Родины.

Это устами Гуляма заговорили с узбеком Шенспир и Саади, Пушкин и Лермонтов, Горький и Маяковский, Неруда и Бехер.

Это Гафур Гулям, для которого пролетарский интернационализм был не книжной формулой, а сутью биографии и души, сказал:

Цветите, сады, наливайтесь,
плоды,
Сердец умножайся богатство!
Да станет земля — наш чудесный гранат —
Планетой дружбы и братства!

Гафур Гулям рано ушел от нас. Но если бы он прожил и сто лет, мы все равно бы сказали: рано. И все-таки итог его жизни прекрасен своей плодотворностью, он и сам утешительно ощущал ненеприятность прожитых лет:

Оцени, осени меня, осень,
Я по праву и возрасту твой.
И из тех, кто дарует колосьям
Превосходство над сорной травой...

В поэме о ташкентском землетрясении узбекский поэт Шукрулло не случайно посвятил целую главу смерти Гафура Гуляма. Не поэтическая воля, а бесконечная любовь к старшему собрату по перу и понимание его величия, его человеческого значительности продиктовали эти строки:

Нет, сегодня земля не
тряслась.
Словно кончилась дикая власть
Разгулявшихся буйных стихий...

Тихо...
Только не пишутся нынче стихи...

И земля замерла —
Строже древнего храма...
Мы сегодня хороним Гафура Гуляма.

Умер?
Нет...
Он сказал ей, старушке:
— Послушай!
Что ты так расходилась?
Все рушишь...

Ты возьми мою душу,
А город в покое оставь,
Бушевать перестань!..

...День помечен десятым июля.
Наши плечи рыдания согнули.
Город встанет из праха!

Расцветет все вокруг,
Но перо, что сегодня упало из рук...

Гафур Гулям жив, потому что
испокон веков существует один
непреклонный закон бессмертия,
который был так хорошо
понят и соблюден им самим:

Я отдал жизнь не званьям,
Не чинам
И не уйду в безмолвие,
Покамест
То зданье,
Что с народом начинал,
Грядущему
Свой облик не покажет.
Я не уйду в безмолвие,
Пока
Для этих плеч
Еще осталась ноша,
И — рядовой
Бессмертного полка —
Я буду жив,
Покуда буду нужен!

Римма КАЗАКОВА

ВДОХНОВЕНИЕ. ОТДАННОЕ РОДИНЕ

Широкую известность принесла Иосифу Уткину в двадцатых годах его поэма, полная искрометного юмора и мягкого лиризма, — «Повесть о рыжем Мотэле, господине инспекторе, раввине Исае и комиссаре Блох». Образом главного героя, рабочего паренька, «знавшего портняжку нужду одну», поэт противопоставил еврейскую бедноту богачам, напуганным революцией. В атмосфере смещения иные богачи были не прочь расстаться со страной, где они теряли свои классовые привилегии. А для человека, работавшего на них, страна эта, родина, «милая, светлая родина, свободная родина» — Россия.

И Мотэле не уедет,
И даже
в Америку...

Советская Россия дорога сердцу поэта, как добрая мать, уравнивавшая в правах сыновей и дочерей своих всех национальностей, больших и малых.

Иосиф Уткин много писал о любви к Родине. Но любовь проверяется преданностью. И с самого начала своего гражданского и поэтического пути он искал возможность доказать преданность матери России.

Безусловно юношей оказался он в партизанском отряде. Он ходил по тайге вместе с большевистскими вожаками, с сибирскими мужиками, участвуя в боях с колчаковцами.

Теперь Иосифу Уткину было бы 70 лет. Мне трудно представить его человеком этого возраста. Но сам он не раз пред-

ставлял себя перешагнувшим черту молодости. Он не боялся старости и часто говорил о ней как о времени воспоминаний. В стихотворении «Гитара» есть строки:

Но стань я самым старым,
Взглянув через плечо,
Военную гитару
Я вспомню горячо.

Лирическим стихам, в том числе стихам любви, поэт отдавал свои воспоминания о гражданской войне, порой приукрашивая ее суровый быт. Воспоминания эти казались ему недостаточными, чтобы оправдать слова: «Я перед потомками не склоню седина». Он высказывал беспокойство, что молодость его не будет полноценным вкладом в борьбу за осуществление высших надежд народа.

Я не знаю лучше участь,
Голубей не вижу свода:
Умереть, борясь и мучась,
Умереть в такие годы...

Это писал Иосиф Уткин в пору мирной передышки в 1926 году. Он славил молодость со всеми ее радостями, и с некоторой грустью писал о том, что

Опадет с черемух снежность,
Опадет и вновь родится.
К нам же молодость и нежность
Никогда не возвратится.

Случалось, что придирчивые критики упрекали поэта за минорные интонации отдельных лирических стихов. Теперь эта минорность не кажется уже недостатком. Она только подчеркивает человечность одного из певцов великого времени, кстати сказать, никогда не впадав-

шего в пессимизм, в уныние.

Пусть волна
Поднимет лапу,
Пусть волна
По веслам стукнет —
Не смеяться и не плакать, —
Песню!
Мужество!
И руки!... —

вот лейтмотив уткинской поэзии.

И песни бодрости и песни грусти звучали у поэта, выступавшего от лица первого комсомольского поколения, не ради улады немногих, а для всех, кто может быть назван единомышленником и «для железного цветения и для единственного дела». Об этом хорошо говорил и писал наш общий выскочка покровитель А. В. Луначарский.

Это было положительно отмечено и А. М. Горьким, которого Иосиф Уткин вместе с Александром Безыменским и со мною посетил в Италии в двадцать восьмом году.

С первых дней Великой Отечественной войны поэт был в числе своих литературных собратьев, ставших в боевые ряды защитников Отчизны:

С ее лугами, нивами,
С ее лесами-чащами,
Была б она счастливою,
А мы-то будем счастливы!

Иосиф Уткин погиб в конце войны в аварии самолета, на котором он летел с фронта. Он полностью, словом и делом, песней и кровью показал преданность родному советскому народу, он познал счастье поэта-гражданина, выполнившего свой долг.

Александр ЖАРОВ

К

олоннады нефтяных вышек и необозримые хлопковые поля, реактивная авиация и минареты старинных мечетей, испепеляющий зной великой пустыни и лазурь Атлантики, Средиземноморья — все это арабский мир...

Арабский мир — это восемнадцать государств с населением в сто миллионов человек, раскинувшихся от Персидского залива до северной оконечности африканского континента. Многообразен, разнообразен, пестр арабский мир и по своим природным условиям и по социально-экономическим формациям. Такие периферийные страны, как Египет, Ирак, Сирия, Алжир, Народная Демократическая Республика Йемен, избрали некапиталистический путь развития. Некоторые государства арабского мира находятся в стадии поисков.

Но при всех различиях в режимах, в социально-политических тенденциях у народов арабских стран, бесспорно, больше общего, объединяющего, чем разъединяющего. И, конечно же, это не только общность истории, языка, религии, культуры, традиций и обычаев. Фундаментальная общность интересов египетских хлопкоробов, марокканских докеров, иракских нефтяников и ливанских цитрусоводов ссоединена их совместной борьбой против всех и всяческих происков империализма и международного сионизма. Прогрессивные силы в арабском мире в целом и в каждой стране множатся, решительно, твердо и последовательно выступают за единство арабских народов на бескомпромиссной антиимпериалистической основе. Эти здоровые тенденции прокладывают себе дорогу сквозь преграды и препятствия, и от них в конце концов будет во многом зависеть будущее Арабского Востока.

После ликвидации очага войны во Вьетнаме ближневосточный кризис оказался самым острым в современных международных проблемах. Анализ событий, происходящих в последние шесть лет на Ближнем Востоке, дает четкую схему расстановки сил, действующих в направлении политического урегулирования военного конфликта и в направлении эскалации напряжения в этом районе мира.

Напомним, что вскоре после израильской агрессии против арабских стран была выработана реальная основа для урегулирования конфликта — резолюция Совета Безопасности ООН № 242 от 22 ноября 1967 года. Советский Союз выступает за выполнение этого документа, предусматривающего вывод израильских войск со всех оккупированных в июне 1967 года арабских территорий, обеспечение прав и интересов всех стран и народов этого района, в том числе арабского народа Палестины.

После того как была найдена эта конструктивная основа для справедливого решения ближневосточного конфликта, сразу же определилось два диаметрально противоположных подхода к решению проблемы.

Египет принял резолюцию Совета Безопасности, выразив готовность выполнить все ее положения при условии, что Израиль, в свою очередь, сделает то же самое. Арабские страны оказывали всяческое содействие миссии

специального представителя генерального секретаря ООН Гуннара Ярринга. Египет проявил инициативу, согласившись на временное прекращение огня, что явилось важной предпосылкой на пути к установлению мира. Более того, в феврале 1971 года египетское правительство заявило о своем согласии подписать с Израилем соглашение о мире при условии полного вывода его войск с оккупированных арабских земель и выполнения резолюции ООН о палестинских беженцах; оно предложило открыть для судоходства Суэцкий канал после отвода от его восточного берега израильских войск.

Все это говорит о том, что египтяне серьезно, по-деловому ведут поиски политического урегулирования конфликта. В этих условиях достаточно было Израилю со своей стороны принять эстафету инициативы арабских стран, и тогда на Ближнем Востоке произошел бы поворот к установлению долгожданного мира. Однако этого не случилось. Вот уже почти шесть лет Тель-Авив саботирует ноябрьскую резолюцию Совета Безопасности ООН, с порога отвергает все конструктивные предложения арабских стран.

Такой обструкционистский курс и открыто провозглашаемые беззастенчивые притязания на арабские земли со всей ясностью говорят о том, кто опускает шлагбаум на пути к миру на Ближнем Востоке, по чьей вине тлеет бик-

ленным на освобождение оккупированных Израилем территорий. При этом он придерживается твердого убеждения, что справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке может быть установлен лишь на базе выполнения всех положений ноябрьской резолюции Совета Безопасности. В то же время Советский Союз разделяет мнение египтян относительно того, что в условиях категорического отказа Тель-Авива от политического урегулирования Египет и другие арабские государства имеют основание использовать все находящиеся в их распоряжении средства для освобождения оккупированных земель.

Объективный факт, что вопреки попыткам израильской военщины свергнуть прогрессивные режимы в арабском мире эти режимы благодаря эффективной и своевременной помощи Советского Союза не только выстояли под ударами вероломного агрессора, но и заметно укрепились. Опираясь на экономическую и техническую помощь СССР, при содействии которого в странах арабского мира построено или строится около четырехсот объектов, арабские государства смогли в трудных условиях продолжающейся израильской агрессии создать прочную, жизнеспособную экономику. В итоге это обстоятельство стало решающим для всего хода событий на Ближнем Востоке.

Сейчас многие арабские страны, опираясь на помощь Советского Союза, создают независи-

ГОРИЗОНТЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

фордов шнур военного конфликта в этом огненном районе нашей планеты.

Однако подобное положение не может сохраняться бесконечно, и арабские государства не будут вечно мириться с оккупацией своих территорий. Дело в том, что за эти шесть лет, прошедших со времени начала агрессии, в арабском мире произошли важные положительные изменения. Мы имеем в виду следующие обстоятельства: заметно окрепли прогрессивные режимы в странах Арабского Востока, ширится межарабское сотрудничество, значительно возрос военно-оборонительный потенциал арабских государств.

1967 год — время тяжелых и суровых испытаний для всего арабского мира. Вместе с братскими социалистическими странами Советский Союз предпринял все необходимое, чтобы остановить и осудить агрессию. Со всей остротой этот вопрос был поставлен Советским Союзом в Совете Безопасности ООН. По требованию Советского правительства была созвана чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи. СССР порывает дипломатические отношения с Израилем, который игнорировал решение ООН о прекращении огня.

Советский Союз неоднократно выражал решительную поддержку политическим усилиям Египта и других арабских государств, направ-

мую национальную экономику, укрепляют обороноспособность, продолжают активные поиски справедливого политического урегулирования затянувшегося ближневосточного конфликта. Бесспорно, это сложный, многоплановый конфликт. Однако пример Вьетнама, где обстановка складывалась не менее сложно, говорит о том, что можно найти мирные и справедливые решения и в других конфликтных ситуациях, добиться ликвидации сохраняющихся еще очагов военной опасности, прежде всего на Ближнем Востоке.

По всему чувствуется, что Израиль очень не устраивает заметная оттепель в международной атмосфере. В последнее время участились агрессивные акты Израиля против арабских государств, в частности против Ливана и Сирии, где нашли убежище палестинские беженцы. Есть основание считать, что империалисты и их подручные — Израиль приступили к осуществлению коварного плана, намереваясь «решить» проблему палестинских беженцев путем жестокого подавления арабского народа Палестины.

Напомним вкратце историю возникновения палестинского движения сопротивления. В 1947 году в ООН рассматривался вопрос о будущем Палестины после окончания срока английского мандата. Советский Союз отстаивал тогда спра-

ведливое решение этой проблемы. Каким образом можно было этого добиться? Проблему можно было решить, надежно обеспечив права населявших Палестину народов на свободу и самоопределение в границах единого демократического государства. В случае невозможности этого права народов Палестины могли быть соблюдены путем создания на ее территории двух суверенных государств — арабского и еврейского.

Однако такое решение палестинского вопроса явно не устраивало империалистические и сионистские круги. Этим силам удалось спровоцировать войну между арабскими государствами и Израилем. В результате ее арабский народ Палестины так и не смог осуществить права на свое самоопределение. Дело в том, что Израиль захватил территорию, которая по решению ООН должна была принадлежать независимому арабскому палестинскому государству. Около двух миллионов арабов изгнаны с родных мест и вынуждены искать убежища в соседних странах — Иордании, Сирии, Ливане.

Стремление палестинских арабов объединить усилия в борьбе за свои права привели со временем к созданию Организации освобождения Палестины. В настоящее время идет процесс консолидации рядов палестинского сопротивления, укрепляется его единство на прогрессивной антиимпериалистической основе.

События последнего времени говорят о том,

мира — таков сегодня диапазон использования нефти, без которой человечество уже не может обойтись. В то же время известно, что из развитых капиталистических государств лишь США и Канада обладают значительными ее запасами. Однако через семь-восемь лет Соединенные Штаты будут ввозить из-за границы половину нужной им нефти... Мы уже не говорим о странах Западной Европы, о Японии, которые снабжаются этим видом топлива главным образом за счет Ближнего и Среднего Востока.

Из таких общих сведений складывается вполне конкретная картина вектора сил на мировой нефтяной арене, а именно: нефтяные монополии очень заинтересованы в эксплуатации месторождений на Ближнем Востоке и в Северной Африке, где добывается до одного миллиарда тонн сырой нефти в год. Однако богатые нефтью арабские страны давно уже не желают мириться с положением «дойных коров», какое им отводят нефтяные компании.

В экономическом развитии прогрессивных арабских государств все большую роль играет сейчас национальная нефтяная промышленность. Благодаря созданию такой промышленности заметно ограничилось влияние иностранных нефтяных монополий в экономике, в политической жизни этих стран.

Окрыляющим примером для нефтедобывающих стран служит независимая нефтяная поли-

вольны крепнущей советско-арабской дружбой. В целях ее подрыва распространяются версии о каких-то «особых» интересах Советского Союза на Ближнем Востоке. Такая постановка вопроса уже сама по себе неправомерна, ибо Советский Союз проводит одну магистральную политику на Ближнем Востоке, которую не только ни от кого не скрывает, но, наоборот, всячески пропагандирует, разъясняет.

Не преследуя каких-либо корыстных целей, Советский Союз всемерно поддерживает борьбу арабских народов за свою независимость, за равноправное положение в мире. В этом и заключается один из главных принципов советской внешней политики.

Что касается «особых» интересов СССР на Арабском Востоке, то они состоят в том, чтобы оказывать широкую помощь национально-освободительному движению в этом районе, содействовать прогрессивным арабским режимам в отражении агрессии. Эта позиция Советского Союза продиктована не какими-то конъюнктурными соображениями, а определяется глобальным внешнеполитическим курсом советской державы, твердо и последовательно выступающей против агрессии и угнетения, где бы они ни имели место.

За многие годы, проведенные в арабских странах, мне довольно часто приходилось обсуждать с арабскими коллегами-журналистами различные аспекты ближневосточных проблем. Мы, например, сходились на том, что всякое советско-арабское сближение и тем более дружба не устраивают западные монополии, имеющие влияние как на свои правительства, так и на средства массовой пропаганды.

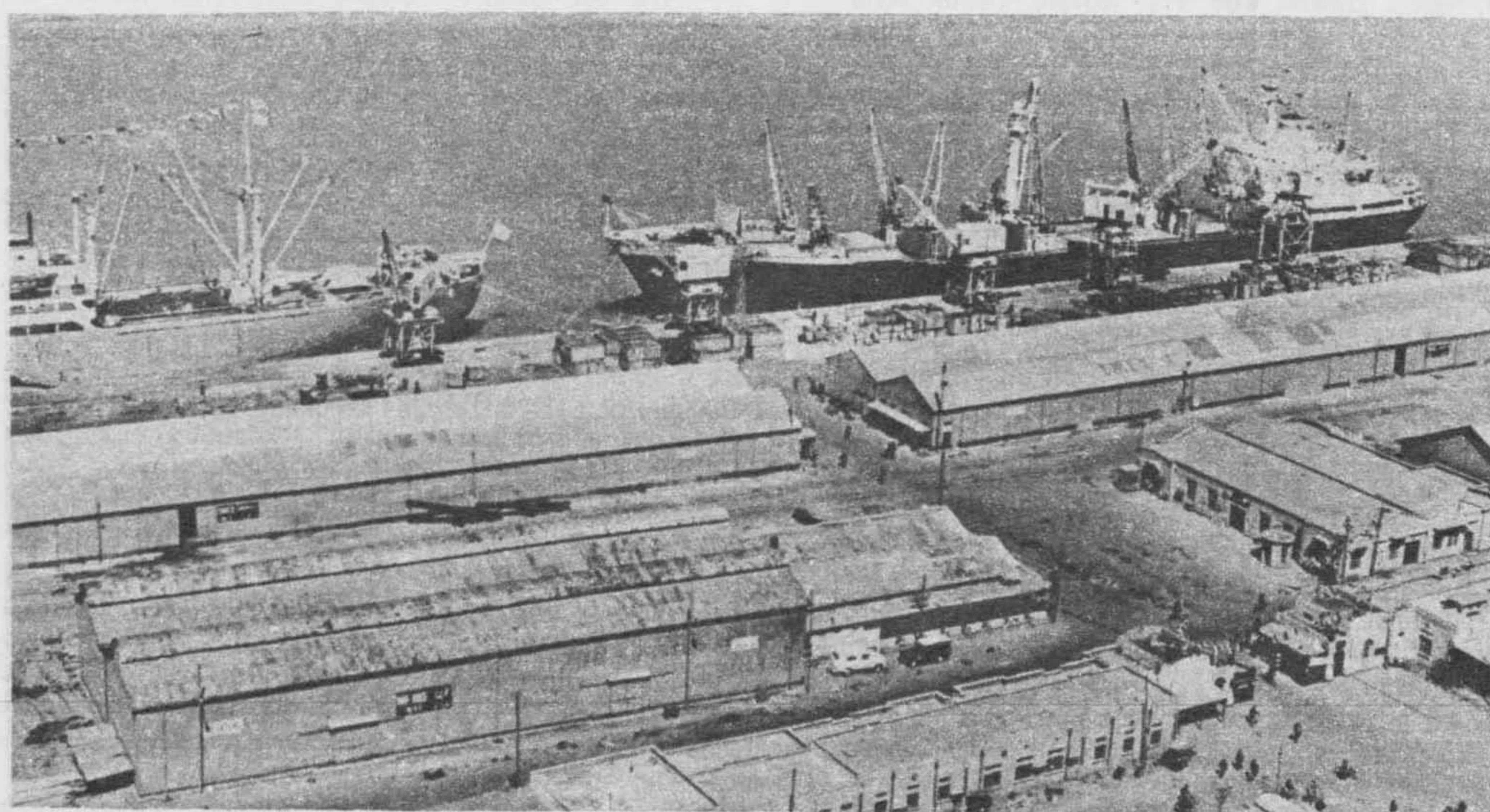
В долгих беседах с коллегами по профессии мы сходились также на том, что пропагандистские службы империализма, специализирующиеся на идеологических диверсиях, дезинформации и диффамации, периодически забрасывают в арабские страны своего рода психологические мины с тем, чтобы посеять сомнения в искренности Советского Союза. На этом, в частности, как показывают события, особенно поднатерели специальные службы международного сионизма.

В самом деле, нетрудно узнать почерк сионистской пропаганды, пытающейся внушить арабам (иногда даже через арабскую же прессу, при пособничестве правых сил в арабском мире), что будто бы Советский Союз не искренний им друг. Или, например, бескорыстную дружественную помощь Советского Союза арабским странам кое-кто на Западе пытается изобразить чуть ли не «советской экспансией».

Безусловно, прогрессивная общественность арабских стран прекрасно понимает, кто и зачем сеет этот чертополох на ниве советско-арабской дружбы, понимает, с какой целью проявляет вдруг такую трогательную «заботу» об арабах империалистическая пропаганда. Коварные расчеты врагов арабов, якобы пекущихся об их «национальных интересах», шиты белыми нитками. Расчеты эти заключаются в том, чтобы попытаться искусственно всколыхнуть волну националистических чувств, которая заслонила бы общеарабские интересы, увела бы арабские народы в сторону от борьбы с израильской агрессией, отшатнула бы их от естественного союзника — Советского Союза. Такие замыслы, кстати, вынашиваются не без участия реакционных элементов в самих арабских странах.

Советские люди, в частности журналисты, работавшие на Ближнем Востоке, прекрасно знают, что наши арабские друзья никогда не поддадутся на подобный сионистско-империалистический крючок. Они хорошо разбираются в том, где правда, а где бутафория, рассчитанная на несведущих. Они, наши арабские друзья, отлично знают и то, что Советский Союз никому не навязывал своей помощи, будь то строительство плотин, сооружение нефтеперерабатывающих заводов или оснащение арабских армий современным вооружением. Советский Союз об этом просили, и он счел возможным удовлетворить просьбы своих друзей.

Таково действительное положение дел, о котором мы все хорошо знаем. Поэтому никакие потуги врагов советско-арабской дружбы не смогут ее поколебать. Мы в этом глубоко убеждены.

Порт Басра (Ирак), построенный при содействии Советского Союза. Фото И. Иванова (АПН).

что силы империализма и реакции явно активизировались на Арабском Востоке. Они хотят ослабить национально-освободительную борьбу арабских народов путем ликвидации палестинского движения сопротивления. Так, израильская военщина, проводя против Ливана вооруженные провокации, стремится не только ослабить партизан, но и восстановить против них местное население и власти.

В арабских столицах признают, что палестинское движение сопротивления должно рассматриваться как неотъемлемая часть всеарабской борьбы против агрессора. Речь идет, в частности, о тесном сотрудничестве палестинского сопротивления с прогрессивными арабскими правительствами в борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии, урегулирование ближневосточного кризиса и освобождение оккупированных территорий.

В последнее время на различных арабских форумах и в печати все чаще стала проскальзывать мысль о том, что для достижения справедливого решения ближневосточного конфликта арабские страны располагают эффективными средствами давления на США и некоторые другие западные страны. Имеется в виду нефтяной рычаг арабов. Ведь наш век — это век небывалого в истории применения нефти. Начиная от зажигалки и кончая всей авиацией

Ирака, который на деле показал, как он понимает борьбу за освобождение страны от иностранной эксплуатации.

Американские бизнесмены умеют подсчитывать свои прибыли. Они подсчитали, что арабская нефть ежегодно приносит им чистую прибыль в размере свыше миллиарда долларов. И в арабских странах сейчас все настойчивее раздаются голоса, требующие эффективного использования нефтяного рычага с тем, чтобы сделать Израиль более сговорчивым в вопросе справедливого политического урегулирования ближневосточного кризиса. Ведь получается, что, наживая астрономические суммы прибылей на арабской нефти, монополии в какой-то мере участвуют в субсидировании агрессора — путем тех налогов и отчислений на прибыль, которые взимаются их правительствами, а затем в форме займов, пожертвований и т. д. переправляются Израилю. Достаточно, например, привести такой факт: недавно израильский премьер-министр Г. Меир съездила в США, откуда привезла чек на полмиллиарда долларов. Сумма весьма солидная, даже с учетом девальвации американской валюты. Безусловно, что одним из слагаемых этой суммы являются прибыли американских монополий от арабской нефти...

Определенные круги на Западе очень недо-

тром, проснувшись, Сарат сразу же вспомнила, что с ней произошло, удивилась тому, где и в каком положении она находится. Она лежала и думала, что в ее жизни наступил, видимо, какой-то перелом, что с ее прозябанием в доме Усман-Гаджи покончено, как все покончено с Мансуром... Но что ждет ее впереди?

В прихожей заворочался на своей раскладушке Хизри. Сарат немедленно вскрикнула:

— Сейчас, сейчас... Я встану, а потом вы.

— Хорошо, — донеслось из-за двери. — С добрым утром, Сарат.

Потом они пили чай. Сарат улыбалась, рассказывала смешные истории из своей аульной жизни, а Хизри, как вчера, чувствовал себя немного смущенным и отвечал невпопад.

— Что с вами, Хизри? — спросила наконец Сарат. — Вы недовольны тем, что... я оказалась у вас? Причинила беспокойство?

— Что ты говоришь, Сарат!.. Я рад, что ты оказалась у меня. Но больше тебе нельзя тут. Сарат почувствовала, как щеки ее тяжелеют, заливаются краской.

— Хорошо, я сейчас уйду, — сухо произнесла она.

— Ты пойми, Сарат. Обо мне слава такая в городе, что... что я не только на сцене герой-любовник. А я не хочу, чтобы о тебе пошли сплетни.

— А вот этого я как раз и не боюсь! — воскликнула Сарат. — Пусть обо мне говорят что угодно.

Но, сказав это, она подумала, что Хизри все-таки прав. И еще подумала, что он действительно, видимо, неплохой человек, этот Хизри, и снова покраснела, но теперь уже оттого, что Хизри поглядел на нее осуждающим взглядом.

— Да, вы правы, Хизри. Вы правы. Жаль только, что о вас такая слава.

— Что ж поделаешь, — усмехнулся он. — Каждый получает то, чего заслуживает. Но я исправлюсь... Вот мне уже поручили первую серьезную роль в пьесе «Горный Али».

Чай они допили в молчании. Потом Сарат

убрала со стола, а Хизри стоял у окна и глядел на улицу. Так тихо вдруг стало в квартире...

— У меня есть знакомая семья, Сарат, — проговорил наконец Хизри. — Их всего двое — старик и старушка, у них две комнаты. Они заядлые театралы и любят почему-то мою игру. Я их всегда приглашаю на премьеры. Сегодня после репетиции схожу к ним и попрошу уступить на время одну комнату. Они не откажут. А, Сарат?

— Хорошо, спасибо. — Сарат стояла у другого окна и чертила пальцем по холодному стеклу. — Вы, значит, будете играть Али?

— Да, поручили. Только не знаю, справлюсь ли.

— Вам все равно надо репетировать. Не могли бы сыграть некоторые сцены со мной? — С тобой?.. — повернулся к ней Хизри.

— Я знаю всю эту пьесу на память. Вы посмотрели... посмотрели бы, как у меня получается.

Сарат умолкла и принялась заплетать и расплетать подрагивающими руками косу. Хизри смотрел на эти тонкие пальцы очень пристально.

— Ну помогите же мне, Хизри! — воскликнула Сарат. — Усман-Гаджи все обещал, обещал... Да, видно, им с Хузу больше домработница была нужна.

— А ну-ка, попробуем прямо сейчас... — сказал вдруг Хизри. — Репетиция в театре в одиннадцать... у меня еще уйма времени. Какую ты хочешь сцену?

— Любую.

— Ну, так... Давай вот эту, когда чабан Али вернулся с гор, а Зада ждет мужа. А перед этим... ты помнишь, что было перед этим?

— Перед этим у Зады был друг Али. Этот так называемый «друг», влюбленный в Заду, давно перешагнул границу горского намуса, о Заде пошли всякие сплетни. Они дошли и до Али...

— Так. Поэтому-то Али и возвращается домой в страшном гневе. Начнем эту сцену. Вот я вхожу в дом...

Хизри шагнул в прихожую, накинуд на плечи вместо бурки пальто Сарат, вместо черной высокой папахи — старую шляпу. Все это он надел не без умысла: как себя поведет Сарат? Засмеется или, как подлинная артистка, увидит сейчас перед собой лишь Али, своего разгневанного мужа...

Когда Хизри распахнул дверь, Сарат стояла у стола почти в той же позе, в какой она была минуту назад у окна. И почти так же заплетала и расплетала дрожащими пальцами косу. Но так же, да не так... В быстрых движениях нервных пальцев, в блеске испуганно-радостных глаз, во всем облике Сарат виделась женщина, уставшая от крутого характера своего мужа, от сплетен и наговоров и... от беспредельной любви к суровому и честному человеку, каким был Али...

— Али! — воскликнула Сарат, вовсе не обращая внимания на «костюм» Хизри, сделала шаг и протянула к нему руки. Нет, не протянула и не вскинула даже... Ее руки взметнулись было навстречу мужу, но тут же опали, будто наткнулись на преграду. Сарат невольно отступила назад, сжалась, словно ожидая удара, но тут же вся ее гордая фигурка выпрямилась. И Сарат опять произнесла, но теперь с укором, с упреком, с нежностью:

— Али?!

Этой второй реплики в тексте пьесы не было. Но она была нужна! Этот второй вздох Сарат вдруг наложил на всю сцену ту самую эмоциональную окраску, наполнил ее тем че-

ловеческим чувством, которого, Хизри это чувствовал на репетициях в театре, всегда не хватало. Эта вторая реплика была нужна именно такой, какой получилась она у Сарат.

Все это тотчас отметил Хизри, обладавший прекрасным сценическим чутьем. Он сразу же забыл, что перед ним Сарат, в этой хрупкой большеглазой девушке он увидел и почувствовал ту, которая только и могла полюбить сурового на вид, но красивого душой человека.

Дальше сцена пошла сама собой, набирая дыхание, приобретая все более волнующие краски. И Хизри, мгновенно оценивая тот или другой жест Сарат, ту или иную интонацию в голосе, тут же находил в себе ответную реакцию и поражался... поражался все большей внутренней сложности и благородству своего Али. «Боже мой, да ведь Али совсем не такой, каким я его себе представлял, — мелькнуло у него где-то в глубине сознания. — Живя с этой женщиной, он не может быть таким, каким я его вообразил».

Когда по ходу действия Али должен был выйти из дома, Хизри так рванул дверь, что оторвалась никелированная ручка. А Сарат, оставшись одна, продолжала сцену. Вот она запела песню, посвященную Али, и зарыдала.

Забыв сбросить с плеч шляпу и пальто Сарат, Хизри вернулся в комнату. Сарат поднялась с дивана и улыбнулась ему навстречу мокрыми от слез глазами.

— Ну что? Как? — спросила она почти шепотом. И вдруг губы ее дрогнули, она засмеялась. — Что это на вас?

— Что на мне? — Хизри поглядел на зажатую в кулаке дверную ручку, швырнул ее в угол. Потом снял шляпу, тоже бросил прочь. Сдернул с себя пальто, накинуд девушке на плечи.

— Одевайся! Немедленно! — вскрикнул он. — Сейчас нет еще девяти. Но Джапаридзе уже в театре. Пошли. Быстро!

— Куда, Хизри?

— Одевайся, Сарат!

Через минуту они были на улице. Что будет с ней через несколько минут, Сарат боялась даже представить. Но шла и шла за молчаливо шагающим Хизри, чувствуя, что вот сейчас и наступит то главное, к чему она стремилась и ради чего, может быть, родилась.

Она шла к театру...

Режиссер Ираклий Павлович Джапаридзе, крупный белоголовый человек, действительно был уже на работе. Он сидел в пустом зале один, глядел, как на сцене устанавливали декорации, время от времени говорил негромко:

— Задник у вас как жеваный. Подтяните вверх и с боков... Окно криво установили... Куда вы стол выдвинули? Уберите за пожарный занавес.

Хизри вошел в зал вместе с Сарат и, не здороваясь, заявил:

— Я отказываюсь от роли, если...

— Здравствуйте!

— Здравствуйте...

— Я говорю «здравствуйте» не в смысле «доброе утро»! — повысил голос режиссер. — Я имел в виду ваше мальчишество. Он отказывается от роли накануне генеральной репетиции! Это что за номер!

— Выслушайте меня, Ираклий Павлович. Я веду сцену с Задой, а вижу вместо нее Хузу. А сейчас, сегодня, я увидел... я понял, какая она, Зада, настоящая... И какой Али!

— Поздно, милейший... Задник, я говорю, распрямите! Не слышали, что ли? Ну, а

ПРЕДИСЛОВИЕ

каким образом вы все это поняли и увидели?

— Вот...— Хизри ткнул рукой в сторону Сарат.

— Понятно,— усмехнулся Джапаридзе.— Очередная «племянница», жаждущая стать актрисой.

— Ираклий Павлович! Разве я рекомендовал вам кого-то из этих... «племянниц»? Это Сарат, двоюродная сестра Усмана-Гаджи.

— Сестра Усмана-Гаджи? — Джапаридзе с интересом повернулся к Сарат.— Он что-то говорил мне о своей сестре, желающей попробовать себя на сцене. Но Хузу...

— А вы сами посмотрите! Ну, прошу вас, уделите внимание.

В голосе Хизри было столько мольбы и взволнованности, что режиссер пожал плечами, поднялся.

— Хорошо. Идемте в репетиционный зал.

Как они вошли в этот зал, как начали играть с Хизри ту сцену, которую только что играли дома, чем и когда ее закончили, где находился в это время режиссер, ничего потом Сарат не могла вспомнить. Но вот наконец необычное волнение схлынуло с нее, и она очнулась от странного забытья, услышала глуховатый голос Джапаридзе:

— Как ее, говоришь, зовут?

— Сарат,— ответил Хизри.

— Где ты выучила роль Зады, Сарат?

— Хузу принесла домой пьесу...

— А-а... А в школе ты участвовала в самодеятельности?

— Да. Мы ставили пьесу «Умайханат и Айдемир».

— Понятно.— Режиссер замолчал.

И Сарат увидела, что они находятся в большой полукруглой комнате со множеством окон. Возле стен стоят стулья, в дальнем конце небольшой стол. Больше в комнате ничего не было.

Этот репетиционный зал Сарат запомнила на всю жизнь.

— Сколько тебе лет, Сарат?

— Семнадцатый.

— Семнадцатый...— повторил в задумчивости седой режиссер. И вдруг усмехнулся:— Ну, что ж... Пиши заявление, примем тебя в труппу. Хизри и впрямь накануне генеральной репетиции возьмет и откажется от роли, сорвет нам премьеру. А роль Зады ты будешь со временем играть. И, может быть, неплохо...

ЭПИЛОГ

...Премьера «Отелло» прошла с триумфом. Ее, Сарат — Дездемону, завалили цветами, она оглохла от грома аплодисментов.

Плакал старый и добрый Ираклий Павлович Джапаридзе, стоя на сцене среди рукоплескавших ему артистов, плакал, не стыдясь ни зрителей, ни товарищей по работе. Потом он подошел к Сарат, трясущимися руками взял ее руки, хотел их поцеловать, но она опередила его: опустилась перед ним на колени и низко, почти до самого пола, поклонилась старому, седому человеку. И в эту секунду новый, неслыханный в этих стенах шквал аплодисментов взорвался в зрительном зале. Казалось, что от яростных хлопков и от восторженного гула качаются уже люстры и вот-вот рухнет потолок...

Когда Сарат, опустошенная и счастливая, пошатываясь от усталости, шла по коридорчику в свою уборную, мелькнуло перед ней притворно-равнодушное лицо Хузу. Потом вывернулся откуда-то Усман-Гаджи, еще не снявший ни грима, ни костюма Яго, долго

жал ей руку и говорил, говорил что-то искренне, тепло, глаза его поблескивали смущенно и, как всегда в последние годы, немного виновато.

У самых дверей уборной остановил ее бывший муж Хизри, уже хвативший в буфете свой, как он говорил, «стаканчик под занавес».

— Прими нашего театра, пылающей звезде дагестанского искусства, горской Дездемоне и прочая и прочая наше почтение...— начал он шутовски расшаркиваться, но Сарат оборвала его:

— Ты совсем превратился в алкоголика, Хизри. Пожалел бы себя...— И захлопнула за собой дверь.

Она едва успела снять грим и причесаться, как в дверь робко постучали. Явно смущаясь через порог шагнула черноглазая, очень знающая женщина.

— Извините,— сказала она.

— Маржанат! — воскликнула Сарат и бросилась на шею бывшей своей учительнице.

Сзади кашлянули, Сарат оторвала счастливое лицо от Маржанат, поглядела на высокого мужчину с острыми усиками.

— Не узнаете? — спросил мужчина, посмеиваясь.— Я Махсут Набиевич, учитель литературы. Мы с женой были на спектакле. И вот зашли поздравить.

— Спасибо! — прошептала Сарат.— Я так рада, так рада!.. Да что же вы стоите, садитесь.

...Через час Сарат шла домой по пустынной ночной улице. Шла медленно, думая о Маржанат и Махсуде Набиевиче, об ауле Багдаб, где прошло ее детство, о тетушке Нуцалай, о председателе сельсовета Гитинаве, о детстве и юности, которые были, казалось ей, и близко и далеко-далеко. И думала еще о Мансуре... Она ни разу не видела его с того дня, когда он приходил к ней в больницу, но встречала иногда его стихи и рассказы в журналах, торопливо прочитывала их. Прочитав, она сразу не могла понять, хороши они или плохи, потому что каждый раз ее охватывало странное состояние, мешавшее сосредоточиться: она чувствовала себя той Сарат, которая сидела за школьной партой, боялась взглянуть на вызванного к доске Мансура, волновалась и переживала за него. И лишь потом, на другой день, перечитывала все спокойно. Теперь она ясно видела, что в его стихах и рассказах, как всегда, бьется настоящее человеческое чувство, что чувство это он выражает скупно, будто стыдливо, но от этого его произведения только выигрывают. Сарат тихонько про себя радовалась и желала ему дальнейших успехов. Она давно ему все простила, задолго до того, как узнала, что на Халисат Мансур так и не женился. Это известие принес толстый и добродушный Гитинав, всегда во время своего приезда в город приходивший на ее спектакли. Сарат сначала удивилась такому известию, в душе ее ворохнулся испуг, и всю ее будто холодом окатило. Но прошлого не воротить, она уже была замужем за Хизри, ждала от него ребенка. И как все глупо, как нескладно получилось! Не любит она Хизри и никогда не любила. Но в какой-то момент она увидела его настоящим, добрым человеком, он помог ей поступить на сцену и, как ей показалось тогда, стал серьезно относиться к жизни, к своему искусству. Но все это оказалось или временной, случайной полосой в его жизни, или — чему Сарат и верить-то не хотела, но и отказаться от этого подозрения не могла — очень талантливой игрой, маскировкой, чтобы покорить ее сердце. Что ж, оно, ее сердце, неопытное

и простодушное, всему поверило, обмануть его оказалось просто. Через несколько месяцев после женитьбы Хизри вернулся к своей бесшабашной и легкомысленной жизни... И Сарат ушла от него.

Летняя ночь была тихая, над крышами домов стояла почти полная луна, неясные тени от деревьев, от уличных светильников лежали поперек бульвара. Сарат любила после каждой премьеры вот так идти не спеша, в одиночестве, по пустынному городу. Там, за темными окнами, отдыхают люди, которые, может, недавно были на спектакле. Ради них она, Сарат, волнуясь, выходила на сцену сегодня. Будет она волноваться и завтра и послезавтра. Всю жизнь, каждый вечер она будет волноваться, поймут ли зрители душу той, которую она изображает на сцене, сумеет ли она, Сарат, раскрыть всю внутреннюю красоту или, наоборот, опустошенность и неприглядность своей героини, уйдут ли со спектакля люди хотя бы чуточку мудрее и богаче, чем были до прихода в театр.

Шамиль, пятилетний ее сын, спал, раскинувшись на диване. Сарат поправила почти сползшее на пол одеяло. Из кухни вышла Сиядат, восьмидесятилетняя, часто прибабливающая старушка, которая все эти пять лет жила у Сарат, нянчилась с Шамилем и помогала ей по хозяйству. Она принесла горячий чайник.

— Поужинай, доченька.

— Не хочется что-то...

Сиядат улыбнулась облегченно.

— Слава аллаху. Значит, хорошо прошла премьера.

— Хорошо. Такого успеха еще никогда не было.

— Велик аллах! А я боялась, ведь ты сама не своя последние дни была.

Такой разговор у Сарат с Сиядат происходил после каждой премьеры. Каждый раз Сиядат выходила из кухни с чайником, и каждый раз Сарат отказывалась ужинать. Волнения перед первым спектаклем, сам спектакль и особенно восторженная благодарность зрителей отнимали у нее все силы. Аппетит приходил обычно на другое утро: просыпалась Сарат отдохнувшей, успокоенной, но зверски голодной.

Раздевшись, Сарат легла в чистую и холодную постель. Вот уже более пяти лет она ложится в холодную и неласковую постель — с тех пор, как ушла от Хизри. Без него уже родила сына, и ни разу он не пришел на него поглядеть. Да если бы и пришел, Сарат не открыла бы ему двери.

Выходить замуж снова Сарат не хотела. Поклонников у нее было много, но все они были ей безразличны, вернее, она видела в них друзей — и только... Ни один из них даже отдаленно не напоминал ей... Мансура. Нет, нет, она давно уже сказала себе, что больше не любит его и что волнуется при появлении в печати его стихов и рассказов просто потому, что душа у нее добрая. Нет, нет, твердила себе Сарат, Мансура она даже жалеет, жалеет потому, что он отказался от ее любви. Ах, как человек неразумен, как же получается, что он проходит иногда мимо богатств души другого человека, готового отдавать и отдавать их бесконечно...

Так думала Сарат, лежа в постели. И еще, засыпая, вспоминала она кое-что из прожитых недавно лет. «А роль Зады ты будешь со временем играть. И, может быть, неплохо...» — сказал Джапаридзе, посмотрев тогда сцену из «Горного Али». Да, потом она сыграла и в самом деле неплохо. Случилось это года через два. Роль Зады была ее первой крупной

К ГОРНОМУ ЭХУ

ролю. А до этого Джапаридзе поручал ей лишь крохотные, иногда бессловесные роли, гонял на репетициях до изнеможения. По двадцать, по тридцать раз заставлял он на каждой репетиции повторять какой-нибудь маленький эпизод, добиваясь отточенности каждой фразы, каждого жеста. «Он из тебя или гения хочет сделать, или идиотку, — поджимала иногда свои капризные губы Хузу. — И как только ты можешь терпеть это издевательство...»

Но Сарат знала, что это не издевательство, беспрекословно подчинялась каждому слову режиссера. Иногда она возражала ему, предлагала что-то сделать по-своему. Ираклий Павлович внимательно слушал, насмешливо хмыкал, но всегда соглашался попробовать. И все начиналось сначала...

Частенько после репетиций, вытирая большим платком взмокшее лицо, Джапаридзе спрашивал у Сарат:

— Устала?

— Нет.

— Отвращения к театру еще не чувствуешь?

— Нет.

— Странно.

И уходил довольный.

Потом он начал поручать ей и более значительные роли, так же подолгу работая с ней на репетициях. Играла потом она и Заду и Умайханат. И вот наконец сегодня Дездемону в знаменитой трагедии...

Сегодня Маржанат и Махсут Набиевич были еще у нее в уборной, когда вошел Джапаридзе. Ираклий Павлович не успокоился после волнений, пережитых на сцене во время оваций зрительного зала, еще влажными от благодарных слез были его щеки.

— Вот... Люди радуются, а мы плачем, — сказал он, поздоровавшись с ее гостями. — У меня важный разговор к тебе, Сарат. Я его отложил именно на сегодня, именно на эту минуту, когда ты испытала такой триумф. Вы уж извините старика за бесцеремонность.

— Мы зашли только поздравить Сарат, — проговорила Маржанат. — Мы из аула, нас ждет машина.

Попрощавшись, Маржанат и ее муж ушли, а Ираклий Павлович, помолчав, проговорил, глядя куда-то в угол:

— Да, Сарат... И вот что я скажу тебе сейчас, когда ты потрясла всех: тебе надо учиться. Конечно, Сарат, ты талантлива от природы, ты можешь успешно работать в театре и так, без учебы. Но только успешно, не более. При всей ярости сегодняшних аплодисментов они не вызовут ответного эха в горах. Силы у них для этого все-таки не хватает. Но они, эти аплодисменты, — предисловие к тому горному эху, которое может разноситься по всему Дагестану при имени Сарат Эльдаровой. И я верю — оно будет разноситься и греметь. Сейчас ведь ты больше берешь обаянием молодости, страстным желанием работать... Это я говорю в день твоего самого блестящего успеха, и говорю тебе я, любящий тебя, старый, кое-что понимающий режиссер. Да, лодка тоже может плавать в море... Но лодки плавают лишь у берегов. В открытое море уходят большие корабли, оснащенные сложнейшими приборами и сильными машинами. А тебе предстоит большее плавание, и потому-то надо учиться.

— Я понимаю, — прошептала Сарат.

— Учиться будешь в школе-студии при МХАТе. Я договорился.

— Спасибо! — На глазах у Сарат блеснули слезы.

— Тебе ставлю единственное условие... Единственная просьба. Когда закончишь в Москве учебу... тебя могут попросить там и остаться. О-о, этого захотят! Дай слово, что вернешься сюда, на свою землю.

— Ираклий Павлович! О чем вы говорите?! — вымолвила Сарат. — Конечно, я вернусь! Клянусь вам!

— К тому времени меня, возможно, в живых не будет, но ты помни о моей просьбе.

— Ираклий Павлович! — протестующе воскликнула Сарат.

— Да, помни, Сарат, о том, что твой самый большой успех, настоящий расцвет твоего таланта возможен для тебя только здесь, на родной земле, среди родного народа...

— Я понимаю.

— И славно. А подробно обо всем после поговорим. Будет у нас еще время...

...Так, думая о недавнем разговоре с Джапаридзе, Сарат и уснула.

А проснулась на другой день уже поздно. В окно лилось широким потоком солнце.

— Ой, есть хочу, Сиядат! — весело крикнула она, выбежав из комнаты.

— А у меня все готово. Хлеба вот только нет.

— Сейчас я сбегаю в магазин. Где Шамиль?

— Вон в саду грузовик свой грузит. А ты заодно молока купи.

Сарат глянула в окно. Шамиль старательно наполнял лопаточкой кузов жестяного игрушечного автомобиля.

Оттого, что солнце пылало во все небо и

щедро заливало светом город, оттого, что сын ее беззаботно играет под этим высоким летним небом, на душе у нее стало и вовсе хорошо.

Возвращаясь из магазина, Сарат напевала что-то про себя, испытывая удовольствие от того, что вот сейчас втроем — она, Шамиль и Сиядат — усядутся за стол, будут не спеша завтракать и болтать о пустяках. А потом она пойдет с сыном гулять. И прогулка, как всегда, превратится в праздник, потому что на каждом шагу ее будут останавливать знакомые и незнакомые люди, будут поздравлять...

И вдруг Сарат обомлела... В дворовом садике, рядом с ее сыном, склонившись над игрушечным грузовичком и что-то объясняя, стоял на коленях... Нет, лица она не видела — видела только не очень широкую спину скло-

нившегося человека и его стриженный затылок... О, она узнала этот все еще мальчишеский затылок!.. Сердце ее заколотилось больно.

Так больно оно колотилось до сих пор один только раз, когда она впервые, в самый первый раз вышла на сцену профессионального театра и оказалась наедине с полным зрительным залом.

«Мансур!..» Кровь ударила в голову, и она сама себе показалась маленькой, жалкой и беспомощной, как тогда, на сцене...

А Мансур, будто почувствовав ее взгляд, быстро оглянулся, затем медленно поднялся и произнес негромко:

— Здравствуй, Сарат.

Сарат ответила на приветствие, но голоса своего не услышала...

— Я был вчера в театре, Сарат,— проговорил Мансур, подошел к ней и взял из ее руки хозяйственную сумку.— Поздравляю тебя...

«Зачем ты пришел? Зачем ты пришел?!» — неожиданно возникло у нее в сознании. Эти слова, придя неизвестно откуда, разламывали ей голову, просились наружу, у нее не было сил их удержать. Ей хотелось выкрикнуть их громко, громко, а потом упасть на грудь Мансура и зарыдять. И этот плач и эти ее слезы означали бы, что она, Сарат, простила ему, означали бы признание, что она всегда, все эти годы любила его и сейчас любит, может быть, сильнее, чем прежде. И еще они означали бы, что все плохое и ненужное надо обоим забыть, надо считать, что не было в их жизни ни Халисат, ни Хизри... Но вместо этого она произнесла:

— Спасибо. Что же мы стоим? Идем в дом...

Чай они пили вдвоем. Старая Сиядат, собрав им на стол, тихо и незаметно ушла на улицу, в дворовый садик, где Шамиль усердно перевозил с места на место песок на своем грузовике. На Мансуре был светло-серый костюм, белая рубашка с желтоватым галстуком. Все это в ее глазах придавало ему солидность, пугало Сарат, и она опять чувствовала себя перед ним совершенно беспомощной, не замечая, что Мансур сам беспрерывно краснеет, как мальчишка, смущаясь, рассказывает ей о своей жизни, о том, что выпускает в свет первый сборник стихов и рассказов. Называется сборник «Предисловие к песне».

— Как?! — удивленно воскликнула Сарат.

— «Предисловие к песне», — повторил Мансур.— А что? Не нравится тебе название?

— Странно! Как странно... — вымолвила Сарат.— Почти такие же слова вчера мне... — И она умолкла, не договорив.

— Книжки в продаже еще нет, — сказал он.— Вот у меня только авторский экземпляр. Я принес его и хочу тебе подарить...

— Спасибо, — прошептала Сарат, взяла протянутую ей небольшую, карманного формата книжку. На зеленоватой ее обложке красными буквами были напечатаны эти поразившие ее вчера и сегодня слова. Только Ираклий Павлович говорил: «...предисловие к горному эху»...

Некоторое время они сидели молча, забыв про остывший чай.

— Скажи, Мансур, ты женат? — спросила вдруг Сарат тихим, равнодушным голосом, глядя в свою чашку с чаем.

— Нет... Меня хотели на Халисат женить родители. Но я... тогда...

Сарат знала, что хотел дальше сказать Мансур. «Но я тогда любил тебя...» Теперь, только теперь Сарат стало ясно, как она виновата. Не разобравшись тогда в обстоятельствах, обидела она Мансура своим подозрением, неверием в его честность, в его любовь. И он уехал... А она? Даже когда Гитинав несколько лет назад сказал ей, что Мансур так и не женился на Халисат и до сих пор холост... Впрочем, что она могла тогда уже сделать? Она была замужем за Хизри, ждала Шамиля. Он был для нее уже «харам», то есть не заслужила она его, недостойна она была этого человека.

Упрямо глядя в свою остывшую чашку с чаем, Сарат думала обо всем этом с равно-

душным спокойствием, чувствуя, однако, что равнодушие ее и спокойствие это уже профессиональное, искусственное, что ледяной панцирь, который она на несколько секунд сумела надеть на себя, уже тает и сейчас развалится на куски, раскрошится, ибо под ним бушует жаркое пламя.

— Тогда ты любил меня, я знаю... — проговорила она, продолжая его мысль.— А сейчас? Сейчас?..

Последнее слово она выкрикнула, потому что именно в эту секунду кончилась ее выдержка, лопнул ледяной панцирь. Она мгновенно вся вспыхнула.

— Что я говорю?! Боже, о чем я спрашиваю?! — вскричала Сарат, резко поднимаясь. Стоя, она зажала виски длинными хрупкими ладонями, и так, не отнимая пальцев от висков, всхлинула, шагнула в сторону, опрокинув стул, упала на диван и забилась в рыданиях...

Плакала она долго. Потом еще дольше успокаивалась, чувствуя и видя, что Мансур сидит возле дивана на стуле, понимая, что он говорит ей что-то...

— Я, Сарат, все время внимательно следил за тобой, за твоим творчеством, начиная с первых твоих ролей... — словно откуда-то издаleка начал доноситься до нее голос Мансура. «И я... И я!» — хотела крикнуть Сарат, но сил у нее не было. И, кроме того, она боялась, как бы не исчез, не пропал его голос.— Старый Гитинав мне написал однажды: «Нашу Сарат видел ли ты на сцене? Я говорил, что она прославит наш аул Бакдаб на весь Дагестан. И она прославит, она прославит!..» Вот с тех пор я не пропускаю в газетах ни одной строчки о тебе. А часто... часто, приезжая в Буйнакск, смотрел на тебя из зрительного зала. Ты не знала, не догадывалась. Видел тебя с Хизри на улицах, в ресторане. Потом... Потом узнал, что ты замуж вышла.

Сарат опять громко всхлинула.

— Мы теперь взрослые, Сарат... Давай будем взрослыми?

— Давай,— неожиданно для самой себя проговорила Сарат. Голос ее прозвучал детски слабо и беспомощно.— Как это хорошо, что ты пришел... что я опять вижу тебя... Но только... я ведь скоро уезжаю, Мансур.

— Я знаю, Сарат.

— Ты, откуда же?

— Я говорил с Ираклием Павловичем. Там, в большой столице, не забывай, Сарат, что талант твой не только тебе одной принадлежит. Он еще принадлежит нашему маленькому, благородному народу, всему Дагестану принадлежит, его горам и долинам, всей нашей стране... Понимаешь?

— Ах, Мансур, Мансур! — вместо ответа произнесла Сарат и прикрыла глаза.

Она лежала с закрытыми глазами долго, все время чувствуя, что Мансур смотрит на нее. Но было бы лучше, если бы он сейчас ушел, оставил ее одну. Неужели он не поймет, как ей нужно, как необходимо побыть сейчас одной!

И Мансур понял. Он тихонько поднялся... пошел. Затихли на лестничной площадке его шаги. Сарат ждала, когда хлопнет входная дверь, ждала, до боли напрягая слух. Но не дождалась. Мансур, видимо, затворил за собой двери с осторожностью...

Тогда Сарат открыла глаза. Комната была полна солнца.

На столе, на самом краешке, лежала книжка в зеленоватой обложке.

Сарат встала, медленно подошла к столу, взяла книжку. Красными буквами на обложке было напечатано: «Предисловие к песне».

Сарат открыла книжку и на первой странице увидела ровные строчки дарственной надписи:

«Когда тебя не смогут радовать почти
Ни запахи цветов, ни пенье соловья,
Ты эти строки о моей любви прочти...
Поддержит, может быть, тебя любовь моя...»

Перевел с аварского Анатолий ИВАНОВ.

ДРУГ СПОРТА

Многочисленные друзья Льва Кассиля справедливо считали, что у него счастливая литературная судьба, что его герои всегда находят путь к сердцу читателей, что его книги не знают забвения. И действительно, как бы подтверждая версию о счастливой судьбе писателя, на прилавках книжных магазинов появилась недавно книга «Кассиль и о Кассиле»¹.

Лев Абрамович Кассиль был прежде всего писателем, пишущим для детей и юношества, но именно потому, что его читателями были дорогие ему мальчишки и девчонки, он через всю свою долгую и плодотворную творческую жизнь пронес любовь к теме, которая всегда волновала и всегда будет волновать молодежь, — к теме спорта. Одним из первых крупных произведений Льва Кассиля была повесть о вратаре, на основе которой он создал сценарий до сих пор популярного фильма «Вратарь Республики», а одной из последних его работ оказался сценарий другого спортивного фильма — «Ход Белой королевы».

Да, прекрасно назвали Льва Кассиля в своей статье С. Михалков и Ю. Яковлев — всесоюзным тренером детворы, но писатель стал тренером не только мальчишек, но и знаменитых советских атлетов, и, чтобы в этом убедиться, достаточно познакомиться с высказываниями о писателе таких известных спортсменов, как боец Алексей Катунин, футболист и хоккеист Всеволод Бобров, вратари Анатолий Акимов и Лев Яшин, шахматист Александр Котов.

Вот, например, что пишет Анатолий Акимов:

«Если я скажу, что считаю Льва Абрамовича Кассиля одним из своих первых спортивных учителей, кто-то, может быть, улыбнется. И все-таки это так». Напоминая о том, что многие уверены, будто вратарь республики — герой повести Кассиля Антон Кандидов — «списан» с Анатолия Акимова, Акимов замечает: «Нет, уж если говорить откровенно, то скорее Акимов «списан» с Кандидова».

Кандидов! Удивительна судьба литературного героя, созданного Львом Кассилем. Многим история Кандидова может показаться надуманной, но это не так. Об этом пишет Ю. Нагибин. Спрашивая, что так привлекает людей к фильму «Вратарь Республики», Нагибин отвечает: «Это сам Кандидов, чудо-вратарь, чудо-юноша, заставляющий верить в безграничность человеческих возможностей и в ту великую удачу, о какой втайне мечтает каждое живое сердце».

Создавая этот образ, Лев Кассиль словно предвидел появление в нашем спорте целого созвездия Кандидовых, блистательных самородков — Владимира Куца и Валерия Брумеля, Надежды Чижовой и Льва Яшина, Всеволода Боброва и Фаины Мельник.

В облике Антона Кандидова вопреки бытовой правдоподобности есть та романтическая легендарность, к которой всегда тянется молодежь. И разве реально существующие Кандидовы не подтверждают правоту Кассиля-писателя, Кассиля-журналиста, неперемкнутого свидетеля побед советских спортсменов на летних и зимних Олимпиадах, на чемпионатах мира и Европы? И разве его увлекательные репортажи и очерки из Токио и Мехико, Лондона и Гренобля не пользуются такой же любовью читателей, как его повести и рассказы? Об этом убедительно пишут А. Кулешов и Ц. Солодарь в своем очерке «В кругу друзей», заключающем книгу.

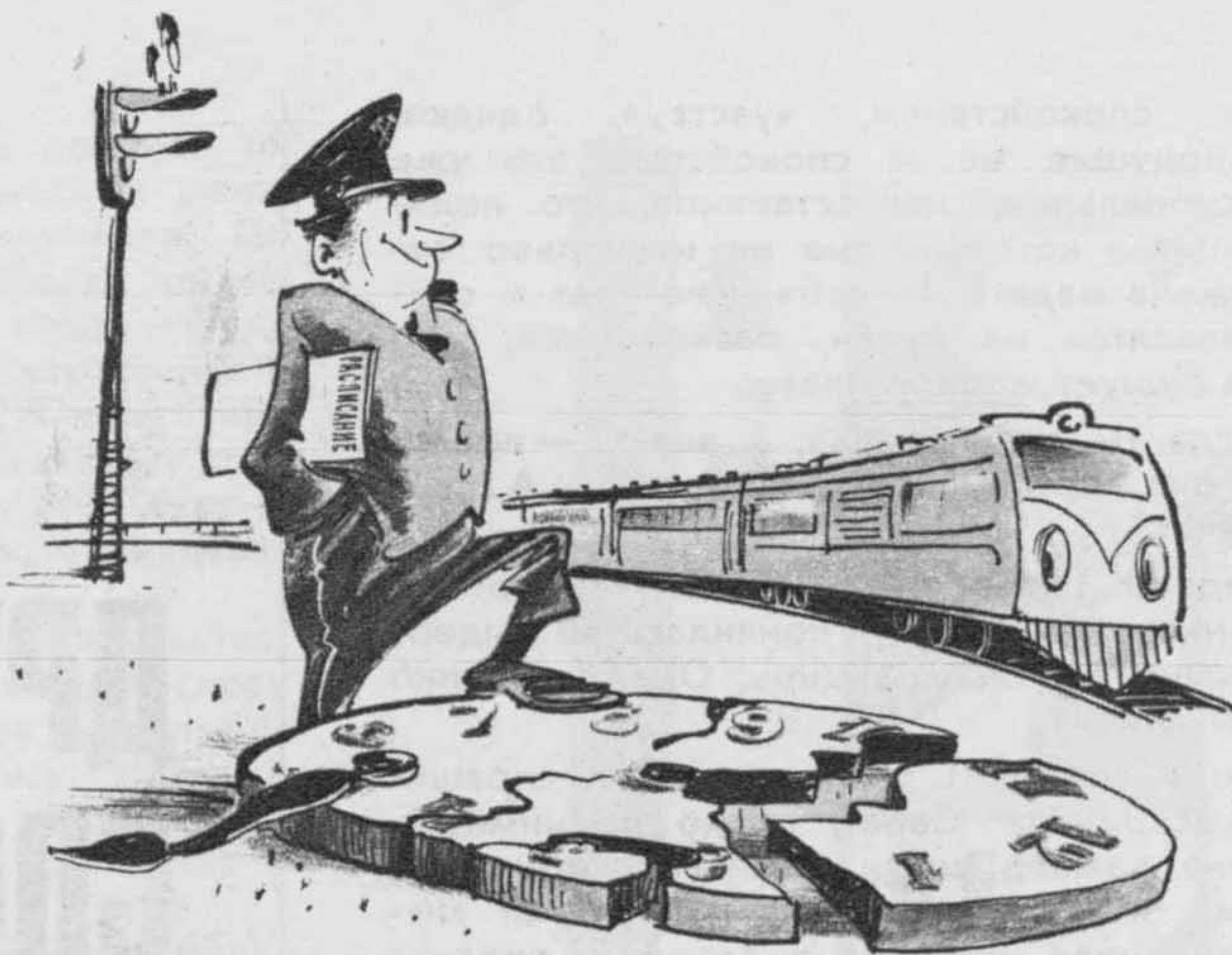
Да, Кассиль в кругу друзей. Можно было бы и так назвать книгу, потому что советские спортсмены всегда принадлежали к кругу самых верных друзей писателя. И именно поэтому физкультурное издательство и выпустило этот любовно собранный и с большим вкусом оформленный сборник (художник — С. Томилин), в котором произведение Льва Кассиля — повесть «Ход Белой королевы», а также рассказы и очерки соседствуют с воспоминаниями и мыслями о писателе его друзей по литературе и спорту.

В. ВИКТОРОВ

¹ Издательство «Физкультура и спорт». 1972. Составители — А. Кулешов и Ц. Солодарь.

Б. ПРОТОПОПОВ

Рисунок В. ЧЕРНИКОВА.

ОХ, УЖ ЭТИ ПАССАЖИРЫ!

Еще на заре техники, пересев с телеги в железнодорожный вагон, мы горячо и навсегда полюбили этот способ передвижения. Шли века, несомненно, в пику паровозу придумали автомобиль и самолет, приделали наконец крылья к кораблю, а половина человечества все равно ездит на поезде. Да, мы и до сих пор любим стального коня, но эта любовь на ущербе...

Мое доверие к железнодорожному транспорту поколебал случай с Сергеем Сергеевичем.

Сергей Сергеевич, случайный попутчик в поезде Ленинград — Новороссийск, на остановке решил сбежать за папиросами и не вернулся. В последний раз я увидел его, когда поезд уже набирал скорость. Опрокидывая встречных, Сергей Сергеевич бежал по перрону. Несмотря на то, что для своих почтенных лет он развил фантастическую скорость, финиша достичь ему не удалось.

Попробуйте, читатель, себя представить на его месте: вот вы стоите на обледенелой платформе в легоньком пиджаке и скорбно смотрите, как мотается сигнальный фонарь на хвосте состава, где, мягко покачиваясь в сетке, следует ваш чемодан с деньгами и документами...

Представили? Теперь вернемся в вагон.

Ахи, охи, тревога всей поездной бригады! Ничуть не бывало.

— Еще один! — философски заметила проводница Валя. — Ох, уж эти пассажиры... Что ж, он не знал, что остановки сокращены?

— Откуда?! — возопил я. — В расписании же ясно сказано: «Стоянка пять минут!»

— При чем тут расписание, когда мы из графика вышли? — удивилась Валя. — Раз опаздываем, значит, надо время нагонять, у нас насчет этого строго!

Бригадир поезда тоже считал, что Сергей Сергеевич виноват сам. Причем вывел он свое решение по такой формуле: «Поезд сократил остановку на три минуты потому, что вышел из графика. Вышел поезд из графика потому, что в Серпухове пришлось отцеплять неисправный вагон, который невнимательно осмотрели на станции отправления в Ленинграде. Пассажиров об этом не предупредили потому, что бригада узнала о нарушении графика лишь в последний момент... Кто же ожидал, что Сергей Сергеевич пойдет за папиросами именно на этой незначительной станции? Конечно, он виноват. Ох, уж эти пассажиры!»

В негодовании я взялся за блокнот, но (крепкая старая любовь!) подумал: стоит ли поднимать шум из-за одного случая... Ведь у железнодорожников существует строжайшая инструкция насчет опозданий. Такая суровая, что ее вчуже читать страшно: каждое нарушение графика — ЧЕПЭ! Вызывается специальная комиссия, которая после выяснения причин сразу шлет рапорт начальнику дороги, а то прямо в министерство — и горе виновным! А как же иначе! Выход из графика движения — это причина многих бед, перед которыми несчастье моего Сергея Сергеевича просто забавный случай. Идет борьба за секунды!

Успокоив себя таким образом, я вышел на станции Армавир, и первое, что услышал, — бесстрастный голос диктора: «Граждане пассажиры! Внимание! Поезд номер семьдесят восемь Новокузнецк — Кисловодск опаздывает на три часа сорок девять минут». Немного погодя: «Внимание! Поезд номер тридцать Москва — Орджоникидзе опаздывает на двадцать две минуты...» Что случилось? Стихийное бедствие? Катастрофа на линии?!

— Почему катастрофа? — удивилась дежурная по станции Таисия Ивановна Гуричева. — Все нормально. Ах, семьдесят восьмой? Он иногда и на двадцать четыре часа опаздывает... А вообще-то сегодня терпимо, за сутки опоздало всего восемь поездов.

Терпимо?!

Вот тут-то и начался у меня разлад со старой любовью к стальному коню.

На обратном пути из командировки я уже сам начал интересоваться графиком движения поездов. Они приходили с опозданием и в Краснодар, и в Курск, и, конечно, в Москву.

Начальника Казанского вокзала М. Ф. Карпова я застал за проведением конкурса на звание «Лучший кассир».

— Тсс... минутку. Вопрос очень интересный: порядок возврата денег при отказе от поездки, — шепнул Михаил Филиппович, когда я сказал о цели своего прихода. И он, выслушав четкий ответ кассира, удовлетворенно сказал: — Молодец!

— Почему же этот вопрос особенно важен? — спросил я.

— Как же, помилуйте, недавно пассажиры новокузнецкого поезда принесли сдавать сразу сто пятьдесят билетов. Почему? А вот почему. Загляните-ка в этот журнал... Поезд номер восемьдесят девять Новокузнецк — Москва первого марта прибыл с опозданием на шесть часов, второго — на шесть двадцать, третьего — на три часа, четвертого — на два шестнадцать, пятого — на четыре часа... Ну и так далее. Аккуратно, каждый день. И зимой и летом. И хоть бы на одно время опаздывал, так бы уж и готовились, а то ведь нет!

Начальник станции Москва-Курская Игорь Иванович Клоков был немногословен:

— Опоздания? Наблюдаются. Даже поезд Горький — Москва и то на полчаса, а то и на час с лишним опаздывает, хотя у него пути всего 400 километров... Придет, стоит перед семафором, а вся станционная служба с ног сбивается: куда его девать? Приходится принимать на рабочую платформу, а она короче обычной. Пассажиры вынуждены прыгать на рельсы, того и гляди несчастный случай!

С Ярославского вокзала ответили: «Имеем претензии к фирменному поезду «Сибиряк»: систематически опаздывает...»

Служба Павелецкого вокзала сообщила: «Сегодня опять опоздал поезд Астрахань — Москва. Прибыл на 2 часа 56 минут позже...»

Что думают по этому поводу в Управлении Московской железной дороги? Может быть, там объяснят, почему стальной конь начал спотыкаться на все четыре ноги?

Заместитель начальника управления Г. С. Иванников ничуть не удивился. Но когда он сообщил количество опозданий поездов в Москву за прошлый год и соответственно средние цифры за месяц, за каждый день, то у меня после этого сообщения, что называется, отвисла челюсть.

Эти цифры известны и в Министерстве путей сообщения. Я просмотрел папку «Анализ и переписка по выполнению графика движения поездов». Правда, анализа причин я в ней не нашел, да и «перепиской» собрание документов назвать трудно. Это, так сказать, игра в футбол, причем в одни ворота.

«Министру путей сообщения Б. П. Бещеву. 1 августа 1972 г. ...В третьей декаде с соседних дорог поступило с опозданием 892 поезда... Просим Вас, Борис Павлович, оказать дороге помощь в сокращении поступления по стыковым пунктам пассажирских поездов с опозданием... Нач. Московской дороги Л. Карпов».

«Заместителю министра путей сообщения П. К. Лемешуку. 21 ноября 72 г. Только за 15 дней ноября поступило с опозданием 1050 поездов... Дорога просит Вас, Петр Кондратьевич, оказать помощь в сокращении поступления... Г. Иванников».

«Заместителю министра путей сообщения П. К. Лемешуку... Только в январе 1973 года на дорогу с опозданием поступило 1182 поезда. Дорога убедительно просит Вас, Петр Кондратьевич... Г. Иванников».

Дошли ли эти просьбы до адресатов — неизвестно. Ответов ни министра путей сообщения СССР, ни заместителя министра в папке нет. Да и что отвечать? Ведь нельзя же все валить на возрастающий поток грузов, недостаточную пропускную способность, ненадежность контактной сети, метели и морозы. Конечно, в огромном хозяйстве нашей железнодорожной державы много объективных трудностей, но много и небрежного отношения к своим служебным обязанностям и прямого нарушения дисциплины. Немало примеров, когда опоздания происходили из-за неисправности вагонов или из-за несвоевременного подвоза топлива, по прямой вине начальников станционных служб, из-за неполадок в работе поездных бригад, а то и просто потому, что два грузчика не вышли на работу и почтовый вагон не могли загрузить полностью вовремя.

Но ведь все же что-то делается, чтобы навести порядок на железнодорожном транспорте? Да, конечно. Издаются строгие приказы по высылке дисциплины, «ужесточить контроль». А на Московской дороге в качестве меры борьбы с опозданиями ввели премии машинистам, если они хоть на минуту сократят опоздания.

— При этом, конечно, перерасходуется электроэнергия, — уточняет Гранит Саввич Иванников, — но нам это все равно выгодно: мы выгадываем хоть немного времени для экспирования опоздавшего состава в обратный путь.

— Но ведь эти премии за минуты нагона не исправят общего положения дел?

— Конечно, — холодно сказал Гранит Саввич. — А что прикажете делать? На нашей дороге проводятся и другие меры по улучшению графика движения. Созданы специальные комиссии по расследованию причин, введены отчеты руководителей служб, усилен контроль за диспетчерами, мобилизованы машинисты.

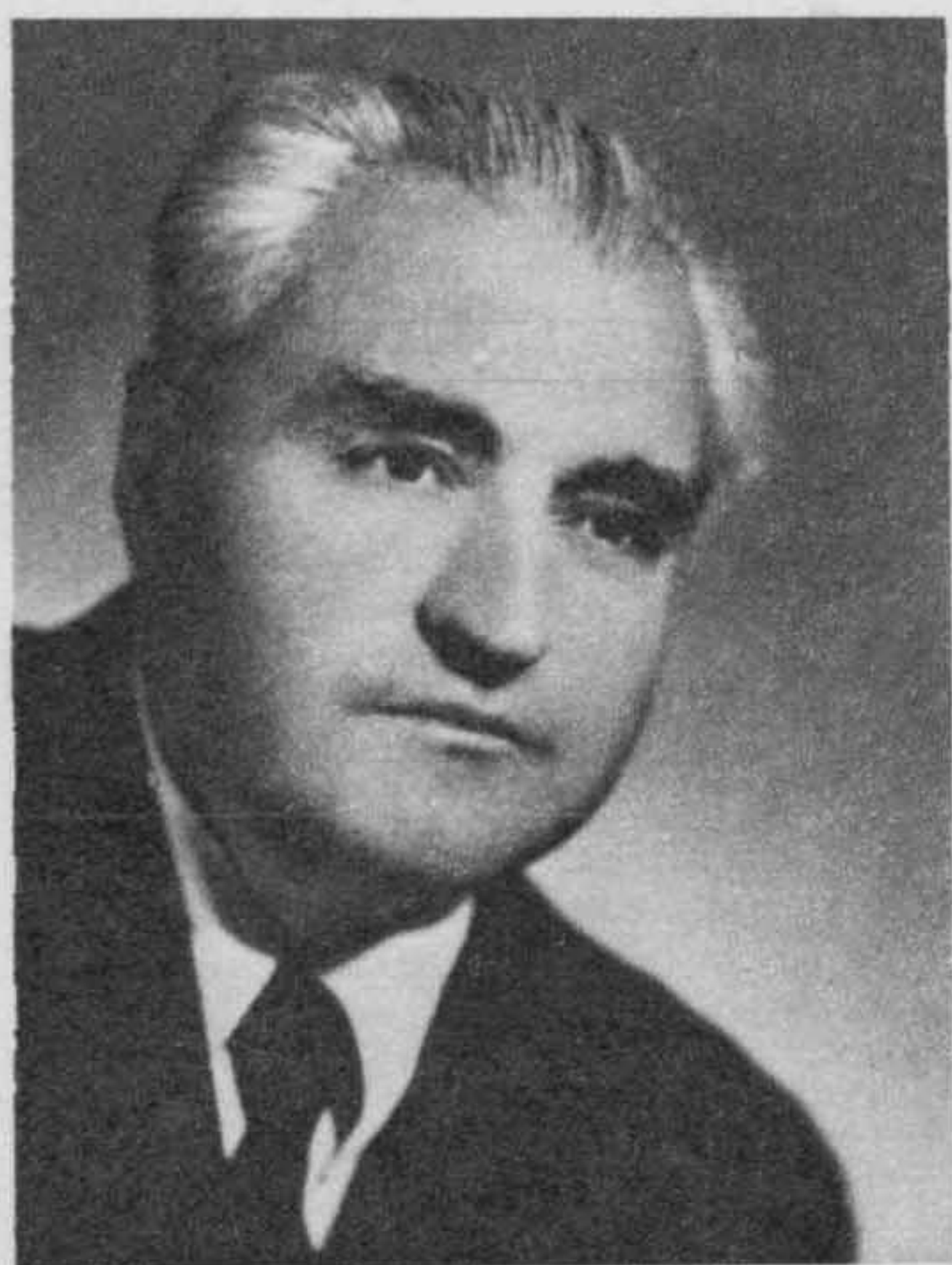
Великолепно! Все эти меры приняты на всех железных дорогах страны еще в прошлом году в ответ на строжайший приказ министра. Однако, как мы видим, «воз и ныне там»...

Совершенно очевидно, что от слов пора переходить наконец к делу. А оно, по нашему разумению, должно заключаться в строжайшем контроле за работой всех звеньев сложнейшего железнодорожного хозяйства. Речь идет о повышении ответственности командиров дороги за каждого работника, на каком бы участке тот ни трудился.

Только тогда расписание движения поездов станет незыблемым законом.

Неточность графика железнодорожного транспорта в значительной мере тормозит работу всего народного хозяйства страны. Этого допустить нельзя!

Мы ждем ответа Министерства путей сообщения СССР: что же все-таки делается для того, чтобы навести порядок на железной дороге?

Мкртич КОРЮН

Басни

Исполняется шестьдесят лет со дня рождения и сорок лет литературной деятельности армянского детского писателя Мкртича Корюна (Мкртчяна Корюна Григорьевича).

Его перу принадлежат стихи, басни, сценические миниатюры, рассказы, сказки и историко-документальные произведения, многие из которых переведены на разные языки.

Написанные им пьесы давно вошли в репертуар кукольных театров республики. Пьеса «Чарик и Каджарик» поставлена в нескольких театрах нашей страны и за рубежом.

На слова Мкртича Корюна написано много песен. Им переведены на армянский язык произведения А. Навои, К. Хетагурова, И. Крылова, М. Лермонтова, Н. Некрасова, Т. Шевченко, М. Горького, В. Маяковского, С. Маршана, К. Чуковского и других.

Писатель создал документальную историко-биографическую повесть «Камо».

На этой странице мы публикуем новые басни Мкртича Корюна.

ХОЗЯИН СЛОВА

Чудеса! Бухгалтер наш Ваган —
По питейной части крупный дока,—
Наполняя водкою стакан,
Сразу закрывает оба ока.
Просят собутыльники:—Ответь,
Объясни подобную причуду!
— Слово дал жене, что и глядеть
Я на зелье гнусное не буду.

ЛУЧШЕ ПОЗДНО...

Скрипел Авет пером на совесть.
Жена, погладив по плечу,
Спросила:—Сочиняешь повесть?
— На зава жалобу строчу.
— Постой! Но нет его, бедняги.
Он помер. Года не прошло...
Авет в ответ:
— А мы в бумаге
Проставим заднее число.

КНИГОЛЮБ

— Любезный, в лавке навести
Порядок не мешало б:
Не пахнет фруктами почти.
Подайте книгу жалоб...
— В чужие руки? Книгу? Нет! —
Отрезал продавец в ответ.—
Учите, книголюба
Вы встретили, голуба.
Мне книга матери родней.
Бывал я в переплете.
Чего-нибудь загнете в ней,
Не дай бог, подчеркнете...
Короче, нет!..
Уж лучше мы
Изыщем ты кило хурмы.

РАДУШНЫЙ ТЕВАН

Сосед в единственном числе
Забрел к Тевану как-то в гости:
Полдня сидят, а на столе
Уныло, словно на погосте.
Теван с хлеб-солью не спешит.
Он, отдавая дань расспросу,
То сигарету одолжит,
То предлагает папиросу...
Уж дым столбом, в окне ни зги,

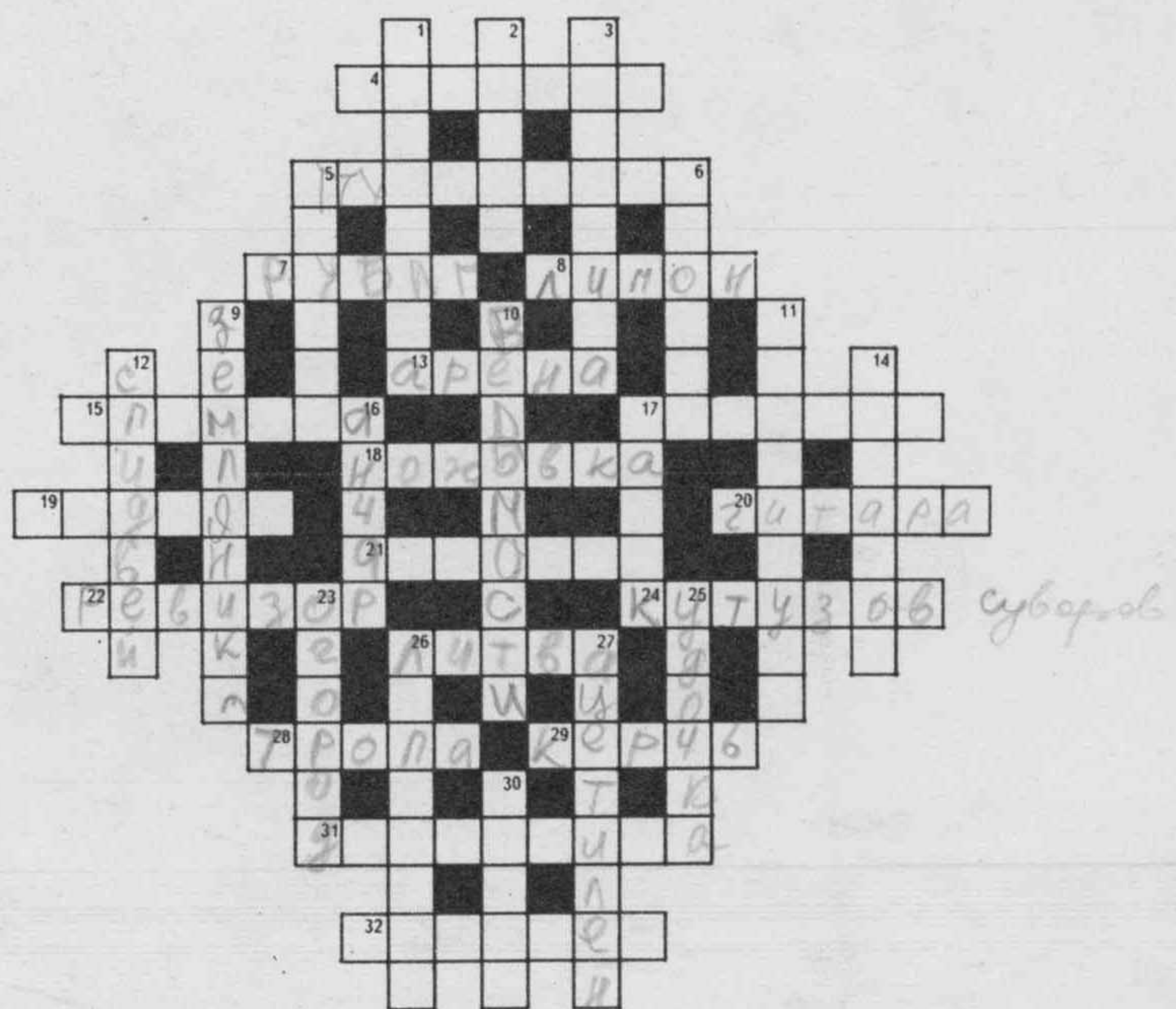
Но та же самая картина.
Давно зеленые круги
Плывут в глазах от никотина.
Сосед за шапку.
— Мой родной! —
Теван ему не без елея,—
Ты заходи теперь с женой,
Втроем нам будет веселее.
— Зайти бы можно, — тяжело
Сосед вздыхает уходящий,—
Да вот супругой, как назло,
Я обзавелся некурящей...

МЕДВЕЖЬЯ ЩЕДРОСТЬ

Медведь однажды встретил Барсука:
— Все трудимся аж до седьмого пота?
Пора бы, кум, передохнуть слегка,
Поверь мне, в лес не убежит работа.
Зайдем-ка мы, дружище, в ближний сад:
Взгляни, какие груши там висят,
Какие персики, айва, гранаты, сливы!
Как аппетитны, как сочны на вид!
Барсук в ответ:
— Ты молвишь справедливо.
А данный сад тебе принадлежит?
— Какая разница? — пожал
Медведь плечами.—
Сиди да лакомясь, не ведая печали...
— Ну, нет! — Барсук качает головой.—
Сдается мне, что все же сад не твой,
И в личные владенья ты, конечно,
Не приглашал бы столь поспешно...

Жива медвежья щедрость, не секрет.
Но и Медведи, скажем без тумана,
Подумали бы, если за банкет
Из собственного им платить кармана.

Перевел с армянского
Борис ГАЙКОВИЧ.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Народный писатель Азербайджана. 5. Город в Ленинградской области. 7. Драгоценный камень. 8. Цитрус. 13. Площадка для цирковых представлений. 15. Оперетта Н. М. Стрельникова. 17. Ограда, перила вдоль моста, набережной. 18. Ручная пила. 19. Приспособление для работ под водой. 20. Щипковый инструмент. 21. Птица отряда куликов. 22. Комедия Н. В. Гоголя. 24. Русский полководец. 26. Союзная республика. 28. Узкая дорожка. 29. Порт в Крымской области. 31. Основа ладового строения музыки. 32. Проверочные испытания.

По вертикали: 1. Вид керамики. 2. Промысловая рыба семейства тресковых. 3. Небольшое музыкальное произведение. 5. Эластичный материал. 6. Картина В. Г. Перова. 9. Ягода. 10. Первая русская печатная газета. 11. Персонаж романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери». 12. Спортивные сани. 14. Садовые ножницы. 16. Стихотворение А. С. Пушкина. 17. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Ночь перед рождеством». 23. Участок земли для выращивания овощей. 25. Рыболовная снасть. 26. Травянистое растение. 27. Газ, применяемый для сварки и резки металлов. 30. Народный поэт Белоруссии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали: 7. Городки. 8. Ежевика. 9. Дозор. 11. Праща. 12. Ратин. 13. Прокофьев. 15. Антарес. 17. «Дачники». 18. Адыча. 20. Колба. 22. ПIANO. 23. Рангоут. 24. Аргентина. 27. Гагра. 29. Конус. 30. Анкер. 31. Варлаам. 32. Область.

По вертикали: 1. Гроза. 2. Ковер. 3. Лопатень. 4. Дидро. 5. Ферзь. 6. Шкатулка. 10. «Злоумышленник». 13. Перкаррина. 14. «Вечеринка». 16. Садко. 17. Дакар. 19. Виноград. 21. «Гугеноты». 25. Грамм. 26. «Игрок». 28. Аллюр. 29. Кварц.

На первой странице обложки: В. М. Васнецов. Автопортрет. (К 125-летию со дня рождения)

На последней странице обложки: Весна. Прилетели аисты.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ,
Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора),
И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ,
В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора),
Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь),
Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

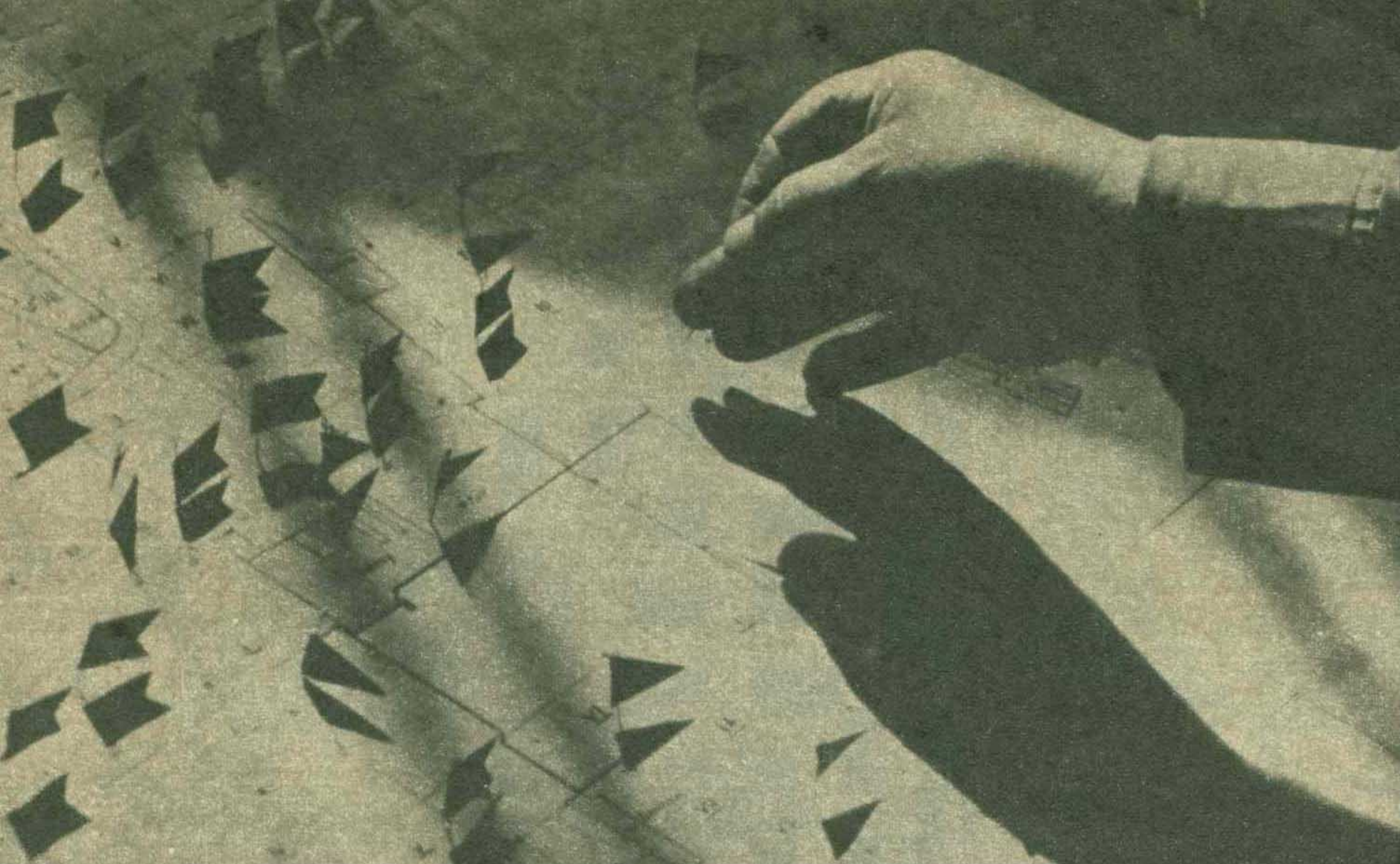
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорт — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформление — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 20/IV-73 г. А 00066. Подп. к печ. 7/V-73 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 953. Тираж 2 165 000 экз. Заказ № 407.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Карта колхозного гидротехника говорит о весенней битве за хлеб.

...Истосковались земля и люди по воде. Уже в марте от 1-й насосной станции брали почти вдвое больше воды, чем было запланировано. Выше, выше лезет крутая линия графика... Выросла потребность в воде и в апреле и в мае. А ведь вегетационные поливы еще впереди! Умеючи принимают воду в рисосовхозе «Пятиозерном» Герой Социалистического Труда, бригадир Надежда Ильинична Руденко и ее муж, искуснейший поливальщик Дмитрий Ильич. С большим расчетом, по-хозяйски бережно и с пользой применяет воду семья — звено кукурузовода из колхоза имени XXI съезда КПСС Василия Ивановича Симака. Из года в год он получает кукурузы в зерне до 60—70 и более центнеров с гектара! А Евдокия Степановна Москаленко из того же колхоза — до 800 центнеров зеленой массы кукурузы...

Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Дружба народов» Илья Абрамович Егудин хорошо помнит степь без воды.

— В прошлом году, — негромко говорит он, — мы остались бы голодными, если бы... Если бы не канал. Если бы не живая вода Днепра... Дорогая, очень дорогая забота государства о сельском хозяйстве. Вода пришла не только в поля, но и на ого-

роды... Вода — это и корма, это и мясо, и молоко, и птица. Наш колхоз старается взять от канала все, что можно, хотя у нас давно есть и свои артезианские скважины... Этой весной мы полили дважды около двух тысяч гектаров. А всего полили многолетних и прочих культур почти семь тысяч гектаров! Когда я сказал министру сельского хозяйства США, что вода у нас бесплатна, он чуть в обморок не упал!.. В его сознании такое не укладывается... Но для нас это естественно, а ведь Крымский канал — половина благосостояния области. Но вода уже сегодня требует увеличить дозы удобрений, прибавить нам техники, потому что ожидается увеличение объема продукции...

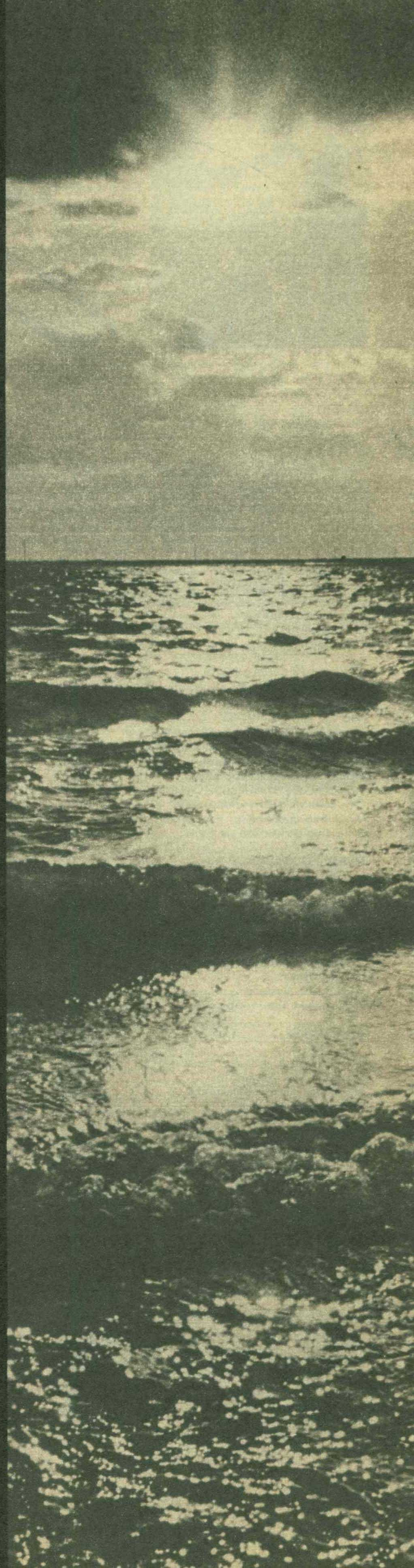
Да, экономическая сущность Крыма меняется на глазах. Как сказал И. А. Егудин, и ветер и мороз бессильны перед водой. Бесхозность тоже должна отступить перед ней! Уже сейчас канал почти окупился, фактическая прибыль превысила двести миллионов рублей. А ведь он еще не везде приведен в порядок, еще не все мелиоративные системы достроены. Но главное — вода Днепра пришла в Крым. Одиннадцатая весна рапортует: «Вижу воду!» Земля отвечает: «Вижу плоды».

На полевом стане колхоза «Дружба народов».

Начало см.
на 2-й стр.
обложки

ВИЖУ ВОДУ!

Это не Черное море — Феодосийское водохранилище.

Весенний хоровод в новом саду.

94/2 - 135

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663